

An impressionistic painting of a bouquet of flowers, featuring a dense arrangement of purple, pink, and white blossoms. The brushstrokes are visible and textured, giving the scene a sense of movement and light. In the lower right corner, a dark, rounded object, possibly a vase or a piece of fruit, is partially visible, rendered in dark, earthy tones.

Екатерина

Уильямс

Вафли по-шпионски

Annotation

Бобров помог Марте, не назвавшись, не спросив ее имени.

Она при встрече не узнала его, а он не спешит напомнить ей о том случае. Однако судьба вновь и вновь сталкивает их и погружает в водоворот событий, в корне изменивших их жизнь.

- [Екатерина Вильмонт](#)
 -
 -
 - [Обморок](#)
 - [Я нашел ваши часы](#)
 - [Марта](#)
 - [Мороз и солнце, день чудесный](#)
 - [Линия разграничения](#)
 - [Конем не объедешь](#)
 - [Лютики-цветочки](#)
 - [Золотистый шалашник](#)
 - [Забавы молодых](#)
 - [Куда иголка, туда и нитка](#)
 - [Болезнь](#)
 - [Доктор Пыжик](#)
 - [Братская любовь](#)
 - [Журналистка](#)
 - [Радио «Солнце»](#)
 - [Подарок от брата](#)
 - [Удар из прошлого](#)
 - [...Что же все это значит](#)
 - [Расплата](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Екатерина Вильмонт

Вафли по-шпионски

© Вильмонт Е.Н., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

... – Эй, мужик!

– Вы мне?

– Вот, глянь, это твоя баба?

Он протянул ему старенький мобильник.

Бобров страшно напрягся.

– Да, это моя жена. Что с ней?

– Да пока ничего...

– Что значит, пока?

– Разговор есть. Не на улице же нам разговаривать...

Бобров нутром чувствовал, что дело серьезное.

– Хорошо, пойдем в мою машину, поговорим.

– Годится!

Они вернулись на стоянку.

– Итак, я тебя слушаю!

– Ну, короче... заказали мне твою бабу!

– Что? – не поверил своим ушам Бобров.

– Заказали ее, говорю. Только мне не с руки... не мокрушник я, сроду мокрыми делами не занимался...

– Понятно. Хочешь денег?

– Именно! Правильно сечешь. Он мне десять тонн зеленью пообещал.

– Я, конечно, дам тебе денег, но какая у меня гарантия, что ты не просто разводишь меня, а? И кто тебе ее заказал? Кому могла помешать такая женщина? Похоже на разводку... Только ты не на того напал!

– Да вижу я, ты крутой. Слышь, а у тебя выпить есть?

– Очень надо?

– Очень!

– Тогда поехали, тут рядом есть бар...

– Нет, мне нельзя с тобой светиться. Ни к чему это.

И вот тут Бобров вдруг поверил, что все правда и этому типу действительно кто-то заказал его жену. Он вытащил из бумажника купюру в пятьсот евро.

– Вот, держи и рассказывай!

Что же это значит? Неужели конец всему? – с тоской подумал Бобров. – А как удивительно и счастливо начиналась наша история.

Обморок

В этот поздний час на подземной парковке супермаркета было практически пусто. Бобров подошел к своей машине, открыл багажник и сгрузил туда пакеты, захлопнул багажник и уже собрался сесть за руль, как вдруг увидел стоящую неподалеку «тойоту». Дверца водительского места была открыта, а за рулем сидела женщина, похоже, без сознания. Казалось, еще немного и она вывалится из машины. Он подбежал к ней. Привычная мысль «осторожно, это может быть подстава» мелькнула и тут же улетучилась. Кому тут надо тебя подставлять?

– Эй, послушайте, что с вами?

Женщина не отвечала, она действительно была без сознания. Он схватил ее руку, нащупал пульс. Пульс был неровный. Жива! Вызвать «скорую»? Пока еще они приедут! Сам справлюсь. Он закрыл дверцу, чтобы женщина не выпала, и побежал к своей машине, достал аптечку и вернулся. Женщина по-прежнему не подавала признаков жизни. Он поднес к ее носу ватку с нашатырем. Она дернулась и открыла глаза.

– Ой, кто вы? Что случилось?

Взгляд у нее был хоть и затуманенный, но осмысленный. Не похожа на наркоманку.

– Как вы себя чувствуете?

– А что случилось?

– Я не знаю, но вы, по-видимому, потеряли сознание.

– Я?

– Ну не я же! – рассердился вдруг Бобров. – Вам вызвать «скорую»? Вы беременны?

– Нет, точно нет. Странно, я сроду в обморок не падала.

– Вы очень бледная.

– Плевать. А вы откуда взялись?

– Из супермаркета. Просто увидел, что вы вот-вот вывалитесь из машины. – Бобров вытащил из кармана фляжку. – Вот, глотните!

– Это что?

– Виски.

– Я же за рулем.

– Куда вам за руль... Вам далеко?

– Не очень. Доберусь.

– Нет, за руль нельзя. Может, отвезти вас в больницу?

– Ох, нет, не нужно. Спасибо вам. Я посижу немножко и поеду.
– Нет. Я вас отвезу. А вы непременно глотните виски. Как лекарство. И подвиньтесь. Я сяду за руль.

Он говорил так уверенно, так властно, что женщина подчинилась.

– А ваша машина как же?

– Подождет.

Он стал выруливать со стоянки.

– Говорите адрес.

– Улица Бориса Галушкина. Знаете?

– Нет. Но у вас навигатор. Доедем. А вы пока попробуйте вздремнуть. Вас же явно клонит в сон.

– Это да... Спасибо.

Как странно, думал Бобров. Что это со мной? Я так расслабился в родном городе, что ожил практический изжитый первобытный инстинкт – помочь женщине? – улыбнулся он про себя. Удивительное дело! Он искоса взглянул на нее. Она и вправду задремала. Ей лет тридцать, определил он. Не красавица, отнюдь. Только волосы красивые. Похоже, натуральная блондинка. Обручального кольца нет. С полной уверенностью заявила, что не беременна. Значит, скорее всего, не замужем и любовника в последнее время тоже не наблюдалось. А впрочем, какое мне до нее дело? Довезу до дому и ладно. Повезло ей, что я поблизости оказался, а то могла бы выпасть из машины, ограбить ее могли бы запросто. И машину угнать... Стоп! Приехали, объяснил навигатор. Бобров тронул женщину за плечо.

– Просыпайтесь! Приехали!

– А! Да, спасибо вам огромное...

– Машину где оставляете?

– Вон там, я покажу.

Он заехал за угол, где была охраняемая стоянка.

Помог женщине вылезти.

– У вас есть пакеты?

– Да-да, спасибо, – лепетала она.

Он достал из багажника два объемистых пакета.

– Я доведу вас до подъезда. Сами сможете идти?

– Да-да, конечно. Мне уже лучше.

Он довел ее до подъезда.

– Может, до лифта вас довести?

– Нет-нет, спасибо, мне и вправду лучше. Но как же вы?

– Выйду на улицу и поймаю такси. Не проблема! А вы все-таки покажитесь врачу! Это не шутки! Всего доброго!

И он ушел.

Надо же... Какой суровый чел... Мачо! Как в кино! А кстати, надо будет рассказать эту историю в одной из ближайших программ. Пусть бабенки знают, что, оказывается, есть еще настоящие мужики, которые могут бескорыстно прийти на помощь женщине. А жаль, что бескорыстно... Я бы могла в такого влюбиться... Но, вероятно, видок у меня был – без слез не взглянешь. Ну и ладно...

Бобров вернулся на подземную стоянку. Подошел к машине и невольно взглянул туда, где давеча стояла машина той бабы. Место было свободно и на полу что-то валялось. Он подошел поближе. Часы. Красивые дамские часы. Золотые. Шоппард. Он знал в этом толк. Ага, застежка браслета сломалась. Он поднес часы к уху. Ходят! Ладно, надо будет отдать. Но как найти хозяйку? Может, в подъезде есть консьержка? Или оставить у сторожа на автостоянке? Нет, это ненадежно. Ладно, при случае заеду. Она говорила, что живет на четвертом этаже. Черт, я даже не спросил ее имя. И сам не назвался. Он сунул часы в бардачок. И подумал: надо же, раньше я наверняка считал бы это подставой. Но тут это попросту невозможно. И слава богу! Хватит, сыт по горло! И он поехал к себе в Ясенево.

Марта влетела в аппаратную буквально за полминуты до начала эфира. – Совсем рехнулась! – напустился на нее соведущий.

Кроме него в аппаратной сидела известная пожилая актриса, их первая гостья. Она доброжелательно улыбнулась Марте.

Марта глотнула воды.

– С добрым утром, друзья! В эфире радио «Солнце»! В нашем климате мало солнца и мы, как всегда, попытаемся хоть немного восполнить этот недостаток. Итак, мы, Корней и Марта, снова с вами! Я слегка запыхалась, бежала бегом, чтобы не опоздать на встречу с вами, друзья!

– А я уж думал, мне придется отдуваться одному.

– Поезд простоял в тоннеле минут десять, слава богу, всего десять, но я чуть не опоздала! Прости, Корней!

– С каких пор ты едешь в метро?

– На работу я всегда езжу в метро, так куда надежнее, тем более что радиоведущих в метро не узнают! – весело сообщила Марта.

Она успокоилась, и передача пошла своим чередом.

В рекламной паузе Корней шепнул:

– Ты не заболела? А то видок у тебя...

– Не знаю, вчера в обморок хлопнулась.
– Ты не беременна?
– Разве что от святого духа! Друзья, снова в эфире Корней и Марта!
Три часа прямого эфира пролетели почти незаметно.
– Ох, есть хочу! – простонала Марта. – Не успела сегодня позавтракать!

Подруга Вика, редактор, спросила:
– Ты чего такая зеленая?
– Есть хочу. Кофе хочу! Пойдем, позавтракаем, а?
– Пойдем! Я тоже сегодня только яблоко съела.
Они спустились в кафе.
– А где твои часы? – спросила приметливая Вика.
– Потеряла. Со мной вчера такое было...
– Что? – у Вики загорелись глаза.
– Я ездила по делам и потом решила зайти в супермаркет. Закупилась, поставила пакеты в багажник, села за руль и мне вдруг стало плохо. Голова кружилась, тошнило и я, видимо, потеряла сознание. Очнулась оттого, что кто-то сует мне под нос нашатырь. Смотрю, мужик какой-то...

– Интересный?
– В тот момент я не поняла...
– А что, были еще моменты?
– Дослушай, торопыжка! Он мне задает какие-то вопросы, пульс щупает...

– Врач?
– Сказал, что нет. Короче, он меня за руль не пустил, отвез до дому, машину на стоянку поставил, довел до подъезда, пакеты донес...

– И что дальше?
– Ничего. Ушел.
– Телефончик взял?
– Нет. Даже не спросил, как зовут. И сам не назвался.
– Ну надо же... Неужели просто мужик? Нормальный, настоящий?
– Похоже на то.
– Сколько лет?
– Лет сорок, плюс-минус года два.
– Какая у него машина?
– Да понятия не имею. Мне не до того было.
– А как одет?
– Куртка какая-то...
– Лысый?

– Нет, но вообще-то я не запомнила, как в тумане все было, но он весь такой... суровый! Никаких эти бла-бла...

– Худой?

– Кажется.

– Ну, а часы где посеяла?

– Не знаю... Может, украли, пока я там без сознания была... Они ж дорогушие.

– А сумка-то цела?

– Цела.

– Значит, часы просто с руки свалились... жалко.

– Часов?

– Ну и часов жалко, но, главное, жалко, что мужик не зацепился. Такие теперь на вес золота. Да, а ты часом не залетела?

– Тьфу ты, нет! Не от кого мне.

– А ты сейчас нормально себя чувствуешь?

– Вполне. Вот поела, кофе выпила и нормалек!

В этот момент у нее зазвонил телефон.

– Ну надо же! Петька! Алло, Петенька, ты где? – Это звонил ее старший брат, работавший в Нью-Йорке, в ООН. Она обожала брата. – Ты в Москве? Надолго? На десять дней? Вот здорово! Как я хочу тебя видеть, Петечка! Ты один или с Ириной? Один? Когда увидимся? Вот при встрече все и расскажу! Да, свободна! Приедешь ко мне? Согласна, как скажешь! Целую тебя, братишка!

– Что, брат приехал?

– Да! Завтра приглашает пойти в кабак. Ох, я так рада, я так по нему скучаю...

– Он без жены?

– Да, она ведь тоже там работает, а у него командировка. А ее не отпустили.

– Жесть!

– Ладно, Вик, я поеду, дом совсем запустила. Да и к следующему эфиру надо хоть как-то подготовиться...

– Да, правильно твой Корней говорит: «Мы рабы «Солнца».

– Мой! Возьми его себе.

– Я бы взяла, но он же многодетный отец, а кому такое счастье сдалось? Точно не мне!

Марта вышла на улицу. Прислушалась к себе. Все нормально. И что это вчера со мной было? Петьке ничего говорить не буду, он меня непременно отволочет к какому-нибудь врачу. А врач, не дай Бог, что-то

обнаружит, а даже если нет, то загоняет по анализам... Нет уж, спасибо!

– ...Ну, сестренка, рассказывай!

– Что рассказывать? Живу себе и живу. Работаю.

– Мужик есть?

– Петь, это бестактный вопрос!

– Ага, значит, нету! А почему? Это неправильно!

– Петь, да где ж его взять?

– А что, у вас на радио мужики не водятся?

– Водятся, но это все не мои кадры. Вот, например, недавно пригласили в эфир знаменитого художника и одну писательницу, достаточно популярную.

– И что?

– Слушай! Он опаздывает, еще бы, такая знаменитость... Ну, мы с Корнеем начинаем эфир, а куда мы денемся? Тут он влетает, даже не извиняется. Смотрит на писательницу, а она немолодая. И спрашивает: «Вы кто? Искусствовед? Живописью занимаетесь?» Он решил, что ее пригласили рассказать слушателям о нем, великом... Узнав, что она писательница, сразу утратил к ней всякий интерес. Корней его о чем-то спросил в эфире, и что тут началось, мама дорогая! Он, не давая никому и слова вставить, начал вдруг жаловаться на своих жен, законных и гражданских, а их у него чертова прорва. Мы пытаемся его хоть как-то прервать, у нас же все-таки не он один, но где там... Смотрим, писательница уже со смеху помирает. И вдруг так резко его перебивает: «Знаете, в чем дело? Почему у вас ничего с женщинами не выходит?» Он осекся, глаза вытаращил. «И почему же?» – спрашивает. «Потому что вы слишком монологичны, а отношения требуют диалога...»

– Класс! – воскликнул Петр.

– Ага! Мы с Корнеем чуть под стол от смеха не свалились, а художник наш глазами похлопал и заткнулся. Но эфир уже заканчивался. Вдруг дозванивается до нас одна женщина и говорит: «Я слушала вашу передачу из-за моей любимой писательницы, а ей и слова сказать не дали! Мне нет дела до семейной жизни этого художника!» Пришлось пообещать, что в ближайшее время снова пригласим эту даму.

– Пригласили?

– А как же!

– Ну и к чему ты мне это все рассказала? – осведомился брат.

– А это к вопросу о мужиках на радио.

– Скорее, это к вопросу о вашем с Корнеем непрофессионализме. Вот сумела же эта тетка его вырубить, а вы что ж? Сплоховали вы, сестренка!

- Прав! Тысячу раз прав!
- Сестренка, скажи, тебе денег хватает?
- Ну... Я еще подрабатываю, статейки в журналы пописываю...

Рецензии всякие...

- Замуж тебе надо!
- Мне не надо замуж! Не хочу! Мне свобода важнее...
- Дура.
- Ничего, как-нибудь. Замуж без любви это ужасно! Хватит с меня!
- Постой, а где мой подарок?
- Петька, ты прости, потеряла...
- Как можно потерять часы? – возмутился Петр Петрович.
- Там браслет что-то ослаб...
- Лахудра! – припечатал ее брат.
- Согласна, лахудра и есть.
- Сестренка, ты не дашь мне на денек-другой машину?
- Господи, бери, конечно!
- А ты справишься?
- А я перестала на работу на машине ездить.
- Мудро!
- Вот ключи! Где она стоит, ты знаешь, пользуйся сколько хочешь.

...На другой день Петр Петрович действительно взял машину сестры. В Москве у него было очень много дел. В этот день, как ни странно, пробок оказалось немного, и он практически всюду успел. Страшно хотелось есть и совершенно не хотелось ехать домой, в пустую квартиру. Он поехал в ресторан, в котором хорошо кормили и, главное, не было музыки. Он ненавидел шумные заведения. Позвонила сестра.

- Алло, Петька! Ты где?
- А что случилось?
- Ничего не случилось, просто так звоню. Как дела?
- Благодаря твоей машине все успел. Сиж, ужинаю. Потом поеду домой, спать. Устал страшно. Завтра еще попользуюсь твоим авто?
- Пользуйся, сколько надо. Когда увидимся?
- Послезавтра. Я позвоню.
- Приезжай ко мне ужинать. Я приготовлю твое любимое чахохбили.
- О! Непременно буду!

Он подошел к своей машине и вдруг заметил на лобовом стекле записку, прижатую дворником. Интересно! Он развернул ее. «Я нашел

Ваши часы. Мой телефон...» Кто-то, видимо, ошибся. Ох, уж не Мартины ли часы кто-то нашел? Видел на ней часы, знал ее машину. Но при этом он с ней не знаком? Петр Петрович набрал номер. Ответил мужской голос.

– Алло!

– Извините, я обнаружил вашу записку, касательно найденных часов.

– Но часы женские.

– Совершенно верно. Золотые, фирмы Шоппард, замочек на браслете сломан. Так?

– Да.

– Знаете, это мой подарок... Хотелось бы вернуть владелице. Вот будет радость!

– Да, разумеется. Но я живу в Ясеневе и почти уже доехал до дома.

– Давайте завтра. Вы где работаете?

– Завтра я буду на Смоленской площади в двенадцать.

– Случайно не в МИДе?

– Случайно в МИДе. Тогда без десяти двенадцать внизу.

– Отлично!

– Договорились!

Интересно, что все-таки это значит? Хотя это может значить что угодно. Видел Марту, допустим в автосервисе, машина у нее приметная, с дурацкой аэрографией. Это ж догадаться надо – нарисовать на дверце мартышку. Это я в детстве звал ее Мартышкой. И я, как дурак, езжу по Москве с этой мартышкой... Мартышка, правда, очень симпатичная, милая... Но моя Мартышка все-таки дуреха. И он с удовольствием подумал, что придет послезавтра к ней на ужин и принесет часы... Только надо будет починить браслетку. Чудеса да и только!

Я нашел ваши часы

Вот хорошо, думал Бобров, завтра отдам эти часы и разделаюсь с дурацкой историей. Интересно, кто этот мужик? Муж? Нет, вряд ли, она так уверенно сказала, что не беременна... И я-таки был прав, второй такой идиотской аэрографии в Москве явно нет. Значит, машина не мужика, мужик не станет с такой мартышкой ездить. Отец? Любовник? Брат? Скорее всего, брат. Ему тоже надо в МИД, видимо, он работает за границей, приехал в Москву и воспользовался машиной сестры. Часы дорогие, значит, любит сестру. Да, Бобров, вот тебе случай удостовериться в твоих умственных способностях. А то ты уж веру в себя потерял. Ведь как верил тому скоту, а ты ведь не из доверчивых. А он... Тьфу, помяни черта к ночи...

...Предполагаемый брат выглядел достаточно импозантно. Типичный дипломатический работник. Лицо его показалось смутно-знакомым.

- Добрый день!
- Бобров? Миша? – крайне удивился брат.
- О боже! Петрович! Не ожидал!
- Да уж! Это ты нашел часы?
- Я! Вот они!
- Ну спасибо, дружище! А ты... Каким образом здесь? Говорили...
- Догадываюсь, что говорили. Но, как видишь...
- Рад! Душевно рад! Уж такая сволочная история.
- Не будем об этом. А ты по-прежнему в Нью-Йорке?
- Да. Послушай, а где...
- Петрович, я уже спешу, извини.
- Послушай, давай встретимся! Ты скоро освободишься? Кофе выпьем, а? И ты расскажешь, как к тебе часы попали...
- Боюсь, не выйдет. А в двух словах – я видел машину с мартышкой на автостоянке в супермаркете. Пока я укладывал пакеты, машина уехала. Я заметил часы. И не знал, что с ними делать. Сунул в бардачок и забыл. И вдруг увидал случайно мартышку. Вот и все! Извини, Петрович, у меня сегодня очень туго со временем.
- Ладно, твой телефон у меня есть! Позвоню!
- Валяй! Да, а кто тебе эта женщина?
- Младшая любимая сестренка!

– Я так и подумал. Ну, бывай!

Да, подумал Петр Петрович, как мужика перемолотило! Постарел... Но все-таки держится. Молодец!

А я молодец, сказал себе Бобров, войдя в лифт. Все верно просчитал. Ну и слава богу! А вот встречаться с Сокольским, пить кофе и беседовать мне совершенно ни к чему. Не хочу!

Марта готовила любимое блюдо брата и у нее текли слюнки. Для себя готовить ей было лень. Она покупала обычно что-то готовое или ела на работе в кафе. Или просто делала себе омлет, считая и это подвигом. А тут сподобилась! Она решила, что приготовит много, так, чтобы осталось еще на день-два. Уж очень вкусно... Тем более с узбекскими лепешками, которые продавались в ближайшей «Магнолии». Мечта!

Но вот раздался звонок домофона.

– Открываю! – крикнула она.

И побежала к лифту.

– Петька! Привет!

– Привет, Мартышка! Ох, как вкусно пахнет!

– Иди скорее, мой руки!

– А я вот тут твое любимое мороженое купил!

– Спасибоочки!

– О, и стол уже накрыт! Надо было цветочков купить, прости, не успел. Но у меня все-таки есть для тебя подарок! Вот, держи, растеряша! Да, браслетик я починил!

– Ой, – завизжала Марта. – Часики! Господи, Петька, но как? Откуда?

– Благодаря твоей кретинской мартышке, представь себе!

И он поведал сестре чудесную историю возвращения часов, не упомянув, правда, о своем знакомстве с человеком, эти часы нашедшим. Не хотел лишних расспросов. Ни к чему это!

– Значит... Он тебе не сказал... – задумчиво проговорила Марта.

– Чего он мне не сказал? – насторожился Петр Петрович. – У тебя с ним что-то было?

– Господи, да нет же! Просто он мне здорово помог.

– Помог? В чем? И он даже не знает твоего имени?

– Нет, не до того было! И он тоже не назвался. Но я просто не думала, что такие еще есть...

– Какие такие?

– Настоящие.

– Ну вот что, мне надоело слушать этот бабский лепет! Говори толком, что стряслось?

Пришлось Марте рассказать брату о том, что с ней приключилось.

– Ну ни фиги себе! В обморок хлопнулась? Ты, часом, не беременна?

– Да нет же...

– А ты была у врача?

– Была, – соврала Марта. – Он сказал, что это спазм сосудов на фоне резкой смены атмосферного давления.

– И что с этим делать?

– Он прописал таблетки, я их пью...

– А если бы ты была за рулем? Это ж подумать страшно!

– А вот интересно, почему он тебе не сказал про обморок?

– Слушай, а ты чего это так им интересуешься? Он тебе понравился, что ли?

– Понравился, хоть я его толком и не разглядела. В нем есть какая-то трагическая тайна.

– Ах ты, господи, это ж надо... Трагическая тайна. А может, тайная трагедия?

– Ну вот... Слушай, Петька, а у тебя ведь есть его телефон?

– Да ну, я его выбросил. Я и не думал, что ты носишь в душе образ рыцаря без страха и упрека. Мне он не понравился, мрачный какой-то тип... И потом, если б ты ему глянулась, он бы сам взял твой телефон.

– Просто я бы поблагодарила его за помощь. Это было бы только нормально.

– Хватит с него и того, что я рассыпался в благодарностях.

– Ну да...

– Ох, сестренка, как же это вкусно! Сто лет не ел! А ты не хуже мамы готовишь.

Они предались воспоминаниям.

– Помнишь, Мартышка, как ты побила мою девушку? Это ж надо, с веником за ней гналась!

– И была права! Она оказалась той еще сучкой!

– Никогда не забуду, как она явилась на мой день рождения, а ты вдруг как фурия выскочила с веником наперевес и давай ее лупить! Я так опешил...

– А нечего было говорить о тебе гадости. Я случайно услышала, ну и задала ей перцу! А как ты меня выслеживал, когда я на свиданки ходила. И все докладывал родителям, сволочь!

– Мы за тебя боялись, и папа меня на это шпионство благословил!
Им было уютно и весело вдвоем. Они любили друг друга и очень соскучились.

– Вот, Петька, признай, что ты был не прав!

– В чем это?

– Как ты ругал меня за мартышку! А благодаря ей ко мне мои любимые часики вернулись!

– Да уж! Воистину нет худа без добра!

– А тот мужик он еще и честный. Часы-то дорожные, вполне мог присвоить. Значит, не перевелись еще нормальные люди.

– Что-то ты из него просто супермена делаешь. Уж не влюбилась ли?

– Ну, если б встретила с ним, может и влюбилась бы. Но я его и не узнаю на улице. А вообще, Петька, я как-то ничего хорошего от мужиков не видела. Только папа и ты – два исключения. А этот... И пришел на помощь и часы вернул.

– У тебя такая глупая рожа сейчас... Мечтательная до ужаса!

Может, дать ей его телефон? – подумал Петр Петрович. Да нет, не стоит, зачем ей Бобров? Наверняка после всего пережитого характер у него чудовищный, и вид такой мрачный. А моя Мартышка солнечная девочка... Хоть и разочаровалась в мужиках. Ничего, встретится ей еще какой-то нормальный, она заслуживает...

...Бобров возвращался домой, с удовольствием предвкушая спокойный вечер. Можно будет поработать над книгой. Он приготовил себе ужин, выпил немного виски, аккуратно все убрал и сел за работу. Внезапно позвонили в дверь. Кого черт принес? – раздраженно подумал он.

– Кто там?

– Миша, открой, это я!

Майя! Только ее мне сейчас не хватало!

Он открыл дверь. Но вид у него был хмурый.

– Миша, мне надо поговорить с тобой! Серьезно поговорить!

– Почему же ты не позвонила?

– Потому что ты стал бы всячески увиливать от встречи!

– Ну что ж, заходи. Если уж возникла необходимость.

Сейчас она скажет, что беременна... – с тоской подумал он.

– Ты есть хочешь?

– Нет!

– Может, чаю?

– Ничего мне не нужно!

– Ну хорошо, я тебя слушаю!

– Миша, мы встречаемся уже целый год!

Он молчал.

– Я люблю тебя.

Он молчал.

– Миша, ну так нельзя, неправильно это... Давай поженимся...

Он молчал.

– Миша, ну что ты молчишь?

– А я не знаю, что на это сказать, чтобы не обидеть тебя.

– Ты уже меня обидел, горько обидел.

– Извини. Если бы ты не затеяла этот разговор...

– У тебя есть другая?

– Пока нет.

– Что значит пока?

– Ну, я так понял, что тебя наши отношения не устраивают. Жениться я в принципе не собираюсь. Значит, какая-то женщина неизбежно появится.

– Боже мой, какая же ты скотина! Выходит, я нужна была тебе только в койке?

– Я никогда ничего тебе не обещал. Только не вздумай меня пугать самоубийством или как-то шантажировать. Я, знаешь ли, пуганый!

– А я ведь ничего о тебе не знаю, кроме твоих сексуальных предпочтений...

– А что тебе надо знать? Тебе известно, что я доцент МГИМО и консультант в МИДе, что я не женат, у меня нет детей и я совершенно не горю желанием заводить семью. Кстати, если вспомнишь, я сразу предупредил тебя об этом. Так что не взыщи. А еще тебе прекрасно известно, что я ненавижу, когда нарушают мои планы. Я собирался сегодня работать, а ты...

– Я тебя ненавижу! Скотина!

– Извини.

– Значит, между нами все кончено?

– Извини.

– И ты не хочешь, чтобы я сегодня у тебя осталась?

– Извини.

Она подбежала к нему и дала пощечину.

Он только пожал плечами.

– Извини. Это твой выбор.

А она в слезах выбежала за дверь.

Нехорошо, сказал себе Бобров, даже гадко, но иначе с ними нельзя.

Сядут на голову. Не хочу!

Но рабочее настроение было сбито. Он включил телевизор, там шел хоккей. Вот и отлично. Он налил себе еще виски. И испытал облегчение. Все к лучшему в этом лучшем из миров!

Марта

Бобров доехал до метро «Новокузнецкая». Оттуда было совсем недалеко до здания бывшего радиокомитета. Его пригласили выступить на радио, вернее, поучаствовать в какой-то программе, посвященной международной политике. Он отказывался, но там настаивали, и он решил – почему бы и нет? Вошел, показал паспорт и позвонил наверх, чтобы его встретили.

– Бегу! – крикнул в трубку какой-то человек.

Из лифта вышли две девушки. Высокая эффектная брюнетка и среднего роста блондинка, показавшаяся ему знакомой. Нет, показалось. К девушкам подбежала еще одна, что-то сказала и все они рассмеялись. Лицо блондинки озарилось таким светом, словно в ней включили лампочку. Она стала очень хорошенькой. Ба, да это же та девушка из машины с мартышкой. Сестра Петровича... Похоже, она тут работает. Ну и что? – сам себя одернул Бобров. Она скользнула по нему взглядом. Явно не узнала. И вместе с подружками вышла на улицу.

– Вы Бобров? – спросил запыхавшийся юнец.

– Я.

– Извините, лифта пришлось долго ждать. Идемте!

Бобров был суеверен. В третий раз в таком городе как Москва я натыкаюсь на эту блондинку. Это неспроста. Да еще она сестра Петровича. И она, оказывается, красивая. Я тогда не разглядел. Естественно, ей же было совсем плохо. В принципе найти ее нетрудно. Я знаю ее подъезд... И что? Будешь дежурить у подъезда в твои сорок два? Абсурд. Да и зачем? Видимо, Петрович не сказал ей, что знает меня, иначе она, скорее всего, позвонила бы поблагодарить. Но она не позвонила. А Петрович, похоже, решил, что я не пара его сестре. Смешно, ей богу! Она более чем взрослая девочка... – рассуждал Бобров на обратном пути.

На другой день вечером он поехал на каток. Любил в мороз покататься на коньках, благо сейчас в Москве катки чуть ли не на каждом шагу. После таких пробежек хорошо спалось, не мучили кошмары. Интересно, а она катается на коньках? – невольно подумал он. А тебе, Бобров, какое дело? Она живет на Бориса Галушкина, а значит, если и пойдет на каток, то, скорее всего, на ВДНХ. Может махнуть туда? Фу, что за глупости! Это чуть ли не самый большой каток в Европе, да и зачем она тебе, Бобров? Уж

больно хорошо улыбается, как-то солнечно... А тебе в твоей жизни солнышка ох как не хватает. Да, это сейчас солнышко, а потом... Слезы, сопли, любовь-морковь, давай поженимся... Нет, хватит с меня! Все, забыли!

Выступление Боброва на радио понравилось руководству. У него был свой, оригинальный подход ко всем вопросам, которые затрагивались в программе. Ему позвонили и пригласили принять участие еще в одной передаче. Он приехал и с некоторым волнением вошел в вестибюль. Прежде чем позвонить наверх, огляделся вокруг. Идиот, сказал он сам себе. А после передачи, шедшей в прямом эфире, его пригласил к себе главный редактор.

– Михаил Андреевич, – начал Главный, – благодаря вам наши рейтинги растут.

– Благодаря мне? С чего бы это?

– Ну, уж не знаю, видно, ваши взгляды и ваша манера говорить, да и ваш голос, нравятся нашим слушателям.

– Странно, – пожал плечами Бобров.

– Ну почему же... Я навел справки и узнал, что ваши лекции в МГИМО пользуются большой популярностью. Так вот, мы хотели бы вам предложить стать постоянным участником нашей пятничной программы.

– Постоянным?

– Да! Программа идет в прямом эфире, мы обсуждаем наиболее острые вопросы, так что заранее готовиться не нужно, а у вас молниеносная реакция и отличное чувство юмора. Соглашайтесь! Знаете, что мне сказала моя дочь, которой двадцать лет и она учится в Бауманке?

– Интересно! – улыбнулся Бобров. – Ваша дочь слушает такие передачи?

– Представьте себе! Так вот, она сказала: «Пап, кто такой этот Бобров? Его так интересно слушать и просто снайперская реакция»!

– Лестно! – засмеялся Бобров.

– Итак, вы согласны?

– Можно попробовать! В пятницу вечером я, как правило, свободен.

– Замечательно! Разумеется, мы будем вам платить, это, конечно, небольшие деньги, но...

– Я согласен.

– Прекрасно! Просто прекрасно!

Интересно, почему я согласился? – думал Бобров. Не из-за этих же

копеек. Хотя мне понравилось это общение в эфире. Неужели из-за той блондинки? Зачем она мне нужна? Или свято место пусто не бывает? Но ведь я могу никогда больше ее не увидеть. Здесь работает масса людей... А я даже не знаю, как ее звать. Я знаю только фамилию ее брата, но она могла сто раз ее сменить... Ладно, поглядим, не к спеху.

Прошло еще две недели. Бобров вместе с еще одним участником программы спустился в вестибюль. Оба остановились, продолжая интересный разговор. Краем глаза он заметил высокую брюнетку, которую видел с той блондинкой. Брюнетка вытащила из кармана телефон.

– Алло, Марта, ну сколько можно ждать? Мы же опоздаем!

Почему-то показалось, что Марта это она. И в самом деле, через две минуты с лестницы бегом сбежала она.

– Сокольская, у тебя совесть есть? Бежим скорее!

Ага, Марта Сокольская! Вот и прекрасно! Я ее найду! У Марты Сокольской такая улыбка... Но ведь она может оказаться дурой или даже идиоткой, только идиотка может нарисовать на своей машине мартышку. А ее, видимо, в детстве звали Мартышкой, от Марты... Нет, не стану ее искать. Столкнет нас судьба, тогда поглядим.

– Марта?

У нее занялось дыхание. Это был голос из прошлого. Не может быть!

– Мартышка, не узнаешь?

– Тимур? Это ты? – дрожащим голосом спросила Марта.

– Ну, наконец-то! Как дела, старушка?

– Что это ты вдруг обо мне вспомнил?

– Да вот приехал в белокаменную, вспомнил старую любовь. Дай, думаю, позвоню, узнаю, как и что... Ну, как и что?

– Да нормально, – взяла себя в руки Марта. – Живу!

– Замужем!

– Была. Развелась.

– Дети есть?

– Нет.

– А что, он оказался негодяем?

– Естественно! Ну а ты как? На родину потянуло?

– Да вот еще! В гробу я ее видал. Дело одно возникло...

– А ты где сейчас?

– В данный момент?

– Нет. Где сейчас обретаешься, где корни пустил?

– Корни? Да я же человек без корней! Одно время жил и трудился в Сингапуре, но это не по мне. Сейчас во Франции. Слушай, Мартышка, может, повидаемся?

– Зачем?

– Что значит зачем? Охота повидать старую подружку и вообще... Давай, зови в гости!

– В гости? С какой это стати!

– Боишься меня? – хмыкнул он.

– Да ни капельки, просто не хочу.

– А, у тебя есть мужик? Его опасешься?

– Представь себе!

Ей ужасно не нравился этот разговор. И встречаться с ним не хотелось. В его тоне было что-то удивительно хамское, а хамства она не терпела.

– Ну вот, отлуп по полной программе, так?

– Считаю что так. Ладно, я спешу, извини, что не оправдала твоих ожиданий. Ты, небось думал, я сразу растаю, кинусь в твои объятия, но извини... Твой поезд ушел.

– А мне что-то слабо верится. А если я приглашу тебя поужинать? Завтра вечером, а?

– Завтра вечером я работаю!

– Несешь всякую ахинею на радио «Солнце»? Ну-ну!

– Послушай, Тимур, мне не нравится твой тон.

– Да, а чего ж ты на радио, а не на телевидении? Или рожей не вышла?

– Пошел в жопу!

И она швырнула трубку. На глаза набежали злые слезы. Господи, а ведь я его любила! Но он тогда не был таким чудовищным хамом.

Видимо, жизнь не задалась, вот он и озлобился, охамел. А как я сходила с ума по нему... Мама и Петька были в ужасе. А я готова была идти за ним хоть на край света, только он на край света отправился без меня. И слава богу! Ни радости, ни теплоты, только тревога... Он может учинить любую пакость... Хотя зачем ему? Да мало ли, просто из вредности. Да ладно, ерунда все это.

– Сокольская, что с тобой, ты чего такая зеленая? – сразу спросила подруга Вика.

– Тимур звонил.

– Да ты что? Чего хотел?

– Повидаться.

– А ты?

– Послала его в жопу!
– Так сразу и послала?
– Не сразу. Но он стал таким хамом...
– Ну надо же... А что сердчишко-то, екнуло?
– Только в первый момент, когда его голос услышала. А потом как отрезало.
– Ладно, черт с ним, до эфира три минуты!
– Да, он сказал, что я потому работаю на радио, что для телевидения рожей не вышла.
– Козел!

Бобров спустился в вестибюль. Возле бюро пропусков он заметил на редкость красивого мужчину, который о чем-то допытывался у дежурных. Надо же, какой красавец... И вдруг услышал:

– Так работает здесь Сокольская или нет?
– Мы таких справок не даем, сказано же русским языком!
Сам не понимая почему, Бобров насторожился.
– Молодой человек, – кокетливо обратилась к красавцу женщина средних лет. – Вы ищете Марту?
– Да! – обворожительно улыбнулся красавец. – Понимаете, я приехал из-за границы, ищу ее...
– А Марта с подружками сегодня празднуют, впрочем, я не в курсе, что именно они празднуют, но вы можете найти ее в кафе, тут недалеко, на Ордынке. Они всегда там закупаются!
– Ох, спасибо вам огромное! Сделаю Марте сюрприз! – обаятельно улыбнулся он. – Я ваш должник!

И поспешно ушел.

Бобров знал это кафе, он как-то ужинал там. И решительно направился в ту сторону. Зачем я иду? Но он точно знал, что ему необходимо туда пойти. Интуиция редко его обманывала. Ему ужасно не нравился этот тип. А он как раз остановился у цветочного киоска. Бобров прошел мимо и первым вошел в кафе.

Компания из пяти женщин расположилась за столиком в углу. Они весело смеялись чему-то и Марта вместе с ними. Какая она милая... Бобров заказал себе ужин. А красавец все не появлялся. Между тем заиграла музыка. Бобров раздраженно подумал: и чего я сюда приперся? Но вот появился красавец с букетиком нарциссов. И напрямик направился к Марте. Она страшно побледнела и сразу как-то сникла, подурнела.

Бобров не слышал, о чем они говорили. Только внимательно следил за

выражением ее лица. Оно было хмурым и недовольным. А ее подружки весьма оживились при виде красавца. Но, видимо, его это не трогало. Он что-то внушал Марте, держа ее за руку. А она только отрицательно мотала головой. Наконец красавец в сердцах отшвырнул ее руку и выбежал вон. Так тебе и надо, голубчик! – злорадно подумал Бобров. Он как-то сразу невзлюбил этого типа. Мало-помалу Марта успокоилась и вновь стала улыбаться. Бобров опять залюбовался ее улыбкой. Как ни дико, но он наслаждался. Выпив пятьдесят граммов виски, он вдруг расслабился. Господи, какое счастье сидеть вот так, ничего собственно не опасаясь, не нужно все время быть настороже, и можно просто смотреть на девушку, с которой он почему-то чувствует какую-то странную связь... Заиграла тихая музыка. Он вдруг вскочил и подошел к столику, где сидели девушки.

– Вы позволите вас пригласить? – обратился он к Марте.

– Меня? – почему-то удивилась она. Посмотрела на него.

Он понял: не узнала.

– Да, спасибо, с удовольствием, – пробормотала она и встала.

Он обнял ее за талию, она положила руки ему на плечи и чуть смущенно улыбнулась.

– У вас чудесная улыбка.

– Спасибо.

– А как вас зовут?

– Марта. А вас?

– Михаил.

– Очень приятно.

– Мне тоже. Вы ведь работаете на радио?

– Да. Откуда вы знаете?

– Я несколько раз вас видел. Я по пятницам тоже там бываю. А вы с подругами что-то празднуете?

– Да, у Вики день рождения, Вика это моя лучшая подруга... А вы, наверное, какой-нибудь политолог?

– Почему? – улыбнулся он.

– Ну, если не политолог, то...

– Можете считать, что политолог, во всяком случае, на радио я выступаю именно в этом качестве. А вообще-то я просто преподаватель.

– И что вы преподаете?

– Новейшую историю, ну и... вы угадали, политологию, – рассмеялся он.

– Какой у вас приятный на ощупь пиджак! Слегка мохнатенький, мягкий. И вам идет... Ой!

Он довольно сильно прижал ее к себе. И тут же ослабил хватку.
– Простите, вам неприятно?
– Нет, почему же... Очень приятно!
– Марта, а что если нам встретиться наедине?
– Наедине?
– Простите, я имел в виду... без ваших подруг? Вы катаетесь на коньках?

У нее загорелись глаза.

– Да! Обожаю!
– Так может прямо завтра и покатаемся, а?
– Миша, а вы... Да! Я согласна! Покатаемся!
В ее голосе слышалось ликование.
– Тогда встретимся завтра, ну, скажем, в час дня у входа на ВДНХ, а потом где-нибудь пообедаем?
– О, я с радостью. Я в этом году еще ни разу не каталась.
– Скажите мне ваш телефон, я вам наберу. На всякий случай, вдруг вы не сможете.

– А вы запомните?

– Да, я хорошо запоминаю наборы цифр.

Она сказала номер телефона.

– До завтра, Марта!

Он подвел ее к подругам. Быстро расплатился и ушел страшно довольный.

– Марта, что за мужик? – спросила Вика.

– Это Бобров, – сказала Тина, девушка работавшая в другой редакции. – Интересный мужик. Он тебе свиданку назначил?

– Нет, пытался, но мне не надо.

Марте вовсе не хотелось посвящать всех в свою личную жизнь. Она этого не любила.

– А мне он понравился, – мечтательно проговорила Люда. – Что-то ты, Марта, такими мужиками разбрасываешься! То офигительного красавца шуганула, хотя, согласна, он все-таки хам...

– Тинка, а кто этот Бобров?

– Политолог, он у нас два раза был гостем, и после этого его пригласили постоянным участником в пятничную программу.

– Обалдеть, сколько политологов кругом развелось, просто куда ни плюнь, попадешь в политолога, – засмеялась Люда.

– Говорят, он бывший шпион.

– У нас не бывает шпионов, у нас разведчики! – засмеялась Марта, и у нее захватило дух, так интересно и романтично... И он такой... мужественный... и глаза такие яркие, карие... Ей вдруг вспомнилась знаменитая фраза из любимого маминого фильма «Адъютант его превосходительства»: «Пал Андреич, вы шпион?» И почему-то радостно екнуло сердце.

Мороз и солнце, день чудесный

Бобров проснулся в прекрасном расположении духа. Он крепко спал, ему ничего плохого не снилось, впрочем, и хорошего тоже. Он просто выпался. И первая мысль была: сегодня увижу Марту! Я что, втюрился? Может быть... У нее при ближайшем рассмотрении, изумительные глаза, большие, серые, с ободком вокруг зрачка, и какие-то чистые, что ли... А этот красавец, которого она шуганула, явно из прошлого, судя по всему, он когда-то исчез из ее жизни, а теперь решил вновь возникнуть, а она, гордая, не захотела... И права! Он хоть и красив, но мизинца ее не стоит и вообще, цена ему грош в базарный день, уж я-то в людях разбираюсь.

Он стал думать, поехать ли на каток на метро или лучше на машине? На машине, решил он. После катка тащиться куда-то на метро... Ну, она-то точно без машины будет, живет совсем недалеко. Надо же, пиджак ей мой понравился... Страшно вспомнить, сколько я за него заплатил, хоть и на распродаже. Но не зря... А сегодня на каток надену зеленый свитер, он тоже жутко приятный на ощупь... А как она вздрогнула, когда я прижал ее... И это было так здорово...

Марта шла к назначенному месту, пристально вглядываясь в толпу ожидающих. Сердце отчаянно колотилось. Неужто он и вправду разведчик? Бывший разведчик. Значит, он провалился и его арестовали, а потом обменяли на какого-нибудь шпиона? Он вернулся в Москву, на родину, и теперь страшно одинок... Хотелось бы знать, почему из нас пятерых он выбрал именно меня? Я ему понравилась? Определенно понравилась! Эх, жалко Петька уехал, он наверняка что-то знает о нем, если он шпион... Тьфу, разведчик! Хотя, конечно, все равно шпион... – засмеялась она.

– Марта!

– О, здравствуйте! Я не опоздала?

– Нет-нет, вы замечательно точны. Знаете, я ненавижу непунктуальность!

– Я тоже! Мне с детства внушали, что я не имею права красть время у других людей.

– Я страшно рад вас видеть! Пошли.

...Ах, как прекрасно было на катке! День морозный, градусов двенадцать. Оба покраснелись и почему-то все время смеялись. Сперва

катались порознь, потом он взял ее за руку. Она обрадовалась.

– Миша, чего мы, как дурные, все время смеемся? – давась от смеха спросила Марта.

– Не знаю... – еще пуще рассмеялся Бобров. – Смех без причины... Знаете, чего это признак? Да нет, ерунда, мы смеемся от радости, по крайней мере я. Мне сейчас так хорошо, как давным-давно не было. Москва, морозец, каток... И такая прелестная женщина рядом...

Ему страшно хотелось поцеловать ее, но он не решался, не был уверен, что она не оттолкнет его. Куда ты спешишь? – одернул он себя. На ней была голубая ветровка поверх голубого же свитера, и голубая вязаная шапочка. И все это так ей шло... Но все равно он чувствовал себя счастливым.

Как хочется, чтобы он меня поцеловал, думала Марта. А может, поцеловать его первой? Нет, нельзя, инициатива всегда должна принадлежать мужчине, так учила бабушка. И Петька всегда твердил, что терпеть не может девушек, которые сами лезут к парню. А впрочем, и так все замечательно, просто прекрасно! И она снова засмеялась и он тоже! Это ведь такое наслаждение – кататься на коньках в морозный солнечный день, а рядом такой интересный мужчина, кажется, бывший разведчик.

– Не замерзли? – спросил он.

– Нет, мне так хорошо! А вы замерзли?

– Нисколько! Мне тоже хорошо! Так хорошо, что даже удивительно!

Не думал, что на такое способен!

– Я рада, я правда очень-очень рада!

– Чему вы рады?

– Тому, что вам хорошо!

Он резко притормозил. Она чуть не споткнулась.

– Марта, – он пристально посмотрел ей в глаза. – Почему?

– Что почему?

– Почему вы так радуетесь за меня?

– Просто когда мне хорошо, то хочется, чтобы люди рядом тоже... чтобы им тоже было хорошо... Вот и все!

Ей вдруг показалось, что он разочарован. Он что, думал, я сейчас буду ему в любви объясняться? Еще чего!

– Знаете, Миша, я что-то притомилась...

– Ну еще бы! Два часа катаемся, не присев! Ну что, пошабашим?

– Пошабашим!

– Поехали обедать!

– О, с удовольствием, я так проголодалась!

И она снова рассмеялась, и он тоже. Хорошо!

Они ели обжигающий борщ. Бобров специально попросил официанта, чтобы борщ был с пылу с жару!

– Я тоже терпеть не могу остывшую еду, – кивнула Марта.

Борщ был очень вкусным.

– Миша, а расскажите о себе, я же совершенно ничего о вас не знаю, только что вы преподаете политологию.

Он как-то загадочно улыбнулся. Точно, шпион!

– Что ж вам рассказать? Я много лет прожил в Лондоне, работал там... Я не женат, детей нет. Мне сорок два. Из родственников только старая тетушка, очень милая интеллигентная дама, живет за городом, я ее очень люблю, ее зовут Милица Артемьевна, она сестра моего отца.

– Надо же, Милица... Какое редкое имя...

– Ну, тетушка вообще редкий экземпляр.

– Вы ее любите, да?

– Очень.

– А как вас по батюшке?

– По батюшке? Андреевич. А почему вы спросили?

– Так... Просто. А я Петровна.

– Здорово. А можно я буду звать вас Петровной? – улыбнулся Бобров.

– Можно, Андреич!

Она так ему нравилась! И с ней было просто и уютно.

– Ну, может, перейдем на ты, Петровна?

– Давай, Андреич!

– Жаль, я за рулем, не выпьешь на брудершафт!

– Считаю, что наше конькобежное приключение было вместо выпивки на брудершафт!

– Принимается! А теперь, Петровна, расскажи о себе, а то так нечестно!

– Согласна. Я окончила журфак, работала сперва в газете, потом в издательстве, выскочила замуж сдуру, развелась, детей у меня тоже нет, из родных остался только старший брат, но он работает в Нью-Йорке. Он хороший брат, заботится обо мне... Иной раз даже слишком.

– Слишком? Это как?

– Тут недавно со мной случилась такая история...

Он напрягся.

– Я была у знакомых в другом районе, засиделась допоздна и решила зайти в супермаркет. Закупила продукты, села в машину и мне вдруг стало

плохо... Я потеряла сознание... И тут какой-то человек увидел меня, подошел, привел в чувство и отвез домой на моей машине.

– Видно, ты ему понравилась.

– Не думаю. Он даже не спросил, как меня зовут, и сам не назвался, просто довез и все. А на другой день я обнаружила, что у меня пропали очень дорогие золотые часы, Шоппард.

– Этот мужик свистнул?

– Нет, мне такое и в голову не пришло! Там был слабый замок, я все никак не могла собраться его починить. Нет, как ты мог подумать...

Господи, какая же она прелесть, подумал Бобров.

– Но, если я не ошибаюсь, на тебе вчера были часы Шоппард?

– Слушай дальше! Вскоре приехал мой брат. Он взял мою машину, а у меня аэрография, мартышка нарисована.

– Тебя в детстве звали Мартышкой?

– Ага, брат и сейчас меня так зовет. Короче говоря, Петька, это мой брат, вдруг обнаружил на лобовом стекле записку: «Я нашел ваши часы! Мой телефон такой-то»! Брат позвонил, и тот человек вернул ему мои часы. Говорит, опознал по мартышке! Можешь себе представить, какой благородный человек...

– А ты думаешь, это был один и тот же человек?

– Думаю, да. Я попросила у брата его телефон, чтобы позвонить, поблагодарить, но брат сказал, что выбросил ту бумажку. Так жаль...

Сказать ей или не стоит? Пожалуй, не стоит. Это будет перебор! Я хочу, чтобы она... полюбила меня независимо от той истории.

– А что же с тобой было? Отчего случился обморок? Ты обратилась к врачу?

– Нет, конечно! Ну было и было, подумаешь, большое дело! С тех пор ничего такого больше не случилось. Просто я, видимо, переутомилась.

– Но если такое случится за рулем?

– Да ну... – засмеялась Марта, – зачем думать о плохом. Не люблю! Я же работаю на радио «Солнце»! А ты на какое радио ходишь?

– «Резонанс».

– А! Андреич, ты почему так грустно на меня смотришь?

– Завидую!

– Чему? – поразились Марта.

– Способности аккумулировать солнце! Ты не женщина, а солнечная батарейка...

– Вот даже как! А ты? Хочешь сказать, что ты мрачный тип?

– В основном да, мрачный тип.

– Не сказала бы! По-моему очень даже предприимчивый и довольно веселый мужик! Сколько хохотал на катке!

– Да, в самом деле, видно, от тебя подзарядился.

Он взял ее руку и поцеловал.

Ей это понравилось.

– Скажи, а ты был женат?

– Давно, да и то недолго. Просто я совершенно не гожусь для семейной жизни, – как-то сухо проговорил он, зачем зря обнадеживать женщину. – А скажи-ка ты мне, кто был тот красавец, которого ты вчера так явно отвергла?

– А, это так, фантом из прошлого.

– А он красивый!

– Знаешь, Андреич, это я по молодости западала на красивых, а теперь...

– А теперь на каких западаешь?

– На умных. И обаятельных. Таких, как ты.

– Хочешь сказать, что ты на меня запала?

– А ты разве на меня не запал?

– Определенно запал, – засмеялся он. – Только мы же совсем еще друг друга не знаем. А первые впечатления часто бывают обманчивы. Поэтому мы не будем спешить, да?

Он накрыл рукой ее руку и посмотрел ей в глаза.

– Не бойсь, Андреич, я никогда первая к мужикам не лезу. Так воспитана.

– Ты обиделась?

– Даже не собиралась. Я провела чудесный день, пообщалась с понравившимся мне человеком, вот и буду радоваться этому обстоятельству! А вдаль я не люблю заглядывать. Так что живи спокойно. И почему вы всегда думаете, что женщине непременно нужно вас захомутать?

У нее зазвонил телефон.

– Извини! Алло, Вика! Нет, я не дома, но через час уж точно буду! Конечно, обязательно! Ну вот, Андреич, мне пора домой, я тут недалеко живу, а ты сиди тут сколько хочешь!

– Нет уж, девушка, я тебя отвезу!

– Не обязательно!

– Обязательно!

Бобров довез ее до знакомого подъезда.

- Я позвоню! – сказал он.
 - Не обязательно!
 - И все-таки я обязательно позвоню!
 - Дело хозяйское! И спасибо за чудесный день! Всего доброго.
- И она скрылась в подъезде.

Линия разграничения

Что я за идиот? Зачем поспешил очертить границу, провести демаркационную линию? Чтобы не питала пустых иллюзий! Зачем я ей нужен с моим-то анамнезом? Думаю, затем же, зачем и она мне... Очень, ну просто очень хочется уложить ее в койку. Она так откровенно призналась, что запала на меня... И ушла с обидой. К ней приедет подружка, она все ей расскажет, и вдвоем они решат, что я такой же козел, как и все мужики... А разве не такой же? Она совершенное очарование, многое, вероятно, повидала в жизни, но все равно это девочка из хорошей семьи. Петьку Сокольского смолоду уважительно звали Петровичем, он был начитанным и рассудительным. Значит, он выкинул мой телефон. Не пожелал, чтобы его любимая сестренка спуталась с таким, как я. А с каким, собственно, таким? Чем я плох в его глазах? А он, вероятно, считает меня неудачником... Он просто очень многого не знает. На самом-то деле я еще везунчик! Остался жив и, в общем-то, почти невредим, вернулся в Москву, работаю, на меня и мой опыт есть спрос... Моей вины в случившемся нет и ни одна собака не смогла бы меня обвинить, там все было более чем ясно – прямое предательство. Подлое, корыстное предательство. Так прозрачно, что дальше и ехать некуда. Да, я везунчик! И еще мне встретила такая чудесная солнечная девушка... А я ее обидел. Ничего, через денек-другой я ей позвоню, приглашу куда-нибудь... Это же такой недвусмысленный перст судьбы! Судьба-индейка... Нет, судьба-мартышка! – рассмеялся он. А ведь даже если бы я не увидел эту машину с мартышкой, я все равно столкнулась бы с ней на радио... Никуда не денешься.

И он поехал домой. Войдя в квартиру, подумал – а хотел бы я, чтобы сейчас здесь была Марта? Пожалуй, нет, разве что на часок-другой, и не более. Что ж, тогда все правильно. Демаркационная линия в отношениях с женщинами – это самое главное.

- Сокольская, что с тобой? – с порога спросила Вика.
- А что со мной?
- Какая-то ты слишком румяная...
- А я на катке была! Такой кайф!
- А с кем ты была на катке? Не одна же?
- Да нет, так, с одним... козлом.
- Из старых запасов?

– Да нет...

Марта вдруг подумала: ничего у меня с ним не будет, с этим шпионом. А в таком случае можно рассказать Вике.

– Из новых? Уж не с тем ли, с которым вчера танцевала?

– Ага, с ним!

– Козел?

– Сначала показалось, что нет. Сначала он мне понравился, а потом он... как это называется... провел линию разграничения, заявил, что непригоден для семейной жизни. Как будто я после двух часов на катке замуж за него собралась! Бред!

– Да уж! Слушай, а как его звать?

– Михаил.

– А отчество?

– Андреевич.

– Сокольская, а ты у него не спросила: «Михаил Андреевич, вы шпион»?

– Все время хотелось, но я не отважилась.

– Но он тебе понравился?

– Да. Он умный и обаятельный, с чувством юмора.

– А чем он занимается?

– Он политолог.

– Вот развелось как собак нерезаных. То каждый второй был психолог, а теперь политолог. Слушай, а если еще позвонит, пойдешь на свиданку?

– Да нет, наверное, я не люблю, когда меня ставят на место. Я сама как-нибудь определюсь. На фиг!

И подружки заговорили о другом.

Когда Вика ушла, Марта стала вспоминать сегодняшний день. Это воспоминание причинило боль. Почему? Я обиделась? Да, обиделась. А если он позвонит? Вот если позвонит сегодня и попросит прощения, тогда я еще подумаю...

Но он не позвонил.

В воскресенье Бобров поехал за город, навестить любимую тетюшку. Он купил продукты, журналы, телепрограмму на следующую неделю и два блока сигарет – тетюшка дымила как паровоз. Дом, где она жила, принадлежал деду Боброва, отцу его отца Андрея Артемьевича и тетки Милицы Артемьевны. В детстве он проводил там каждое лето. Поселок с тех пор неузнаваемо изменился, но в доме все было по-прежнему, хотя какое-то время назад там сделали ремонт. Но тетюшка не позволила ничего

менять.

– Я всегда знала, что ты рано или поздно вернешься и хотела, чтобы ты все тут узнал. Когда я умру, можешь все перестроить!

– Да не хочу я ничего перестраивать, так что живи подольше!

Тетуська когда-то была редактором в толстом журнале. И хотя давно уже вышла на пенсию, ей до сих пор давали рукописи на редактуру из большого издательства, где работала ее знакомая. Тексты сбрасывали на почту Боброву, он распечатывал их и привозил тетке. Компьютеров она не признавала. А работу свою любила, хоть и нещадно ругала большинство нынешних авторов.

– Мишенька! Ты привез сигареты?

– И сигареты, и «Антенну», и новую работу! Ах, как хорошо здесь! Я тут всегда отдыхаю душой!

– В который уж раз задаю вопрос: почему бы тебе здесь не жить? Места много!

– Не могу, родная! Пробки! Я даже в городе машиной мало пользуюсь. Предпочитаю метро.

Он отправился на кухню, убрал в холодильник привезенные продукты. Передал Милице Артемьевне объемистую папку с новой работой для нее.

– Ну, как ты тут живешь?

– Хорошо живу, спокойно! Работаю, гуляю, даже снег расчищаю сама. Справляюсь! Телевизор смотрю. И только удивляюсь, почему тебя не приглашают в эти бесчисленные политические программы?

– Хватит с меня и радио! Я вовсе не хочу, чтобы в меня тыкали пальцем.

– А когда ты наконец женишься?

– Ох, Миля, не хочу!

– Но тебе уже пятый десяток пошел. Я понимаю, раньше ты не мог завести семью, но сейчас-то что мешает?

– Мешает отсутствие подходящей женщины. Все элементарно.

– Да, мне Майя тоже не нравится.

– А Майи уже нет.

– Как нет?

– Мы расстались.

– И ты пока никого не завел? А студентки разве в тебя не влюбляются?

– Только мне не хватало заводить шашни со студентками! Я еще не сошел с ума!

– А ты знаешь, кого я видела по телевизору?

– И кого же?
– Петю!
– Какого Петю?
– Сокольского! Была пресс-конференция в МИДе, и он там был! Такой стал импозантный! Хороший был парнишка...
Что за наваждение? Никуда мне что ли от этой семейки не скрыться?
– А знаешь, я на радио познакомился с его сестрой, – осторожно начал Бобров.
– С Петиной сестрой? Кажется, ее звали Марфа?
– Нет, Марта.
– Да, и что она собой представляет?
– Очень славная блондинка. Работает на радиостанции «Солнце»!
Милица Артемьевна внимательно посмотрела на племянника. Но ничего не сказала. Минут через пять спросила:
– А какая фамилия у Петиной сестры?
– Сокольская. А что?
– Просто спросила. Она не замужем?
– Миля, оставь, я этим не интересовался. Я даже не сказал, что знаком с ее братом.
Зачем?
– А, ну да... Ваши шпионские дела!
Тетушка накормила его вкуснейшим обедом, он вымыл посуду.
– Я подарю тебе на день рождения посудомойку, – сказал он. –
Чрезвычайно удобная вещь!
– Ерунда, никогда машина не вымоет посуду как следует!
– А ты помнишь, как ты утверждала, что машина стирает хуже, чем ты? А теперь не нарадуешься!
– Просто стирать мне уже тяжело!
– Ты ретроградка!
– А мне по возрасту положено быть ретроградкой. А она хорошенькая?
– Посудомойка?
– Нет, Петина сестра!
– Да, ничего, улыбка у нее милая.
Неужто тетка что-то почуяла? Поразительное чутье!
– А почему это она тебя так интересуется?
– Мне показалось, что она тебя интересуется.
– Когда кажется, надо креститься! – засмеялся он, расцеловал тетушку, простился и уехал.
Нет, не стану я звонить ей, не нужно этого, хотя бы потому, что она

сестра Петровича, а он не захотел нас с ней свести. Он станет ее отговаривать от меня. Ну и что? Пусть отговорит, – мелькнула крамольная мыслишка. Да ну... Лишнее это все. Лишнее!

В пятницу на радио он Марту не встретил. И в субботу поехал на каток один.

– Пойдем, кофейку попьем! – позвал Марту Корней, ее соведущий.

– Что это с тобой? Домой не торопишься?

– Да нет, жена с потомством в Нижний к матери свалила. Могу не спешить!

– Давай! – согласилась Марта.

Корней заказал кофе и пирожные. Он был сластеной.

– Скажи-ка, подруга, ты чего загрустила? Очередной козел расстроил мою подружку?

– Конечно.

– И чем же он ее расстроил?

– Тем, что все-таки оказался козлом, – грустно засмеялась Марта.

– Ну и черт с ним!

– Естественно!

– Но он тебе понравился, да?

– Ну понравился, и что? Считаю, уже разонравился.

– Не грусти, Мартуся! Хочешь, я тебя познакомлю с одним оператором, который снимает прыжки с парашютом? Представляешь, он вывешивается из самолета с камерой!

– Еще не хватало! Он псих?

– Может, и псих!

– Нет, спасибо! Корнюш, а ты чего это третье пирожное лопаешь?

– Так свобода же! Семейство уехало!

– Ох, и золотой ты мужик, не пьянствуешь, не пускаешься в загул на свободе, а просто лопаешь пирожные!

– А вот Зойка говорит, что я чересчур правильный и потому скучный!

– Она так говорит? И это при трех детях? Какого рожна ей нужно? Мне бы такого... А то у меня все не как у людей, то алкаш, то подонок, то вообще шпион...

– Шпион? – вытаращил глаза Корней. – Какой еще шпион, откуда?

– Не волнуйся, отсюда. Это наш шпион! Бывший!

– Обалдеть! А, я теперь понял... – усмехнулся Корней, – у тебя романтика в заднице засвистела... А шпионы, оказывается, тоже козлы. Бедная девочка! Ну, расскажи дяде, в чем его козлизм?

– Да ну, неохота мне о нем разговаривать. И вообще, Корнюша, пора мне, я сегодня иду в покер играть!

– Пойди, пойди, это тебя отвлечет! А твой шпион в покер играет? Это, кстати, гениальный тренинг для шпионов, нельзя свои эмоции показывать! И как тебе удастся?

– Удастся! Ну все, я побежала!

Они не часто собирались своей картежной компанией, от силы раз в месяц, но уж играли всю ночь напролет. И тут ни о чем другом не думалось, куда там, такой азарт!

Марте в эту ночь сказочно везло, она выиграла кучу денег. Сначала радовалась, а подъезжая к дому, вдруг подумала: вот уж точно, кому везет в игре, не везет в любви! Ну и пусть! Проспав три часа, она встала, оделась и поехала тратить выигранные деньги. Купила себе новое платье и чудесные туфли. Скорей бы весна! И спасибо Петьке, это он научил меня играть в покер!

Время шло. Как-то, попав в пробку, Бобров в раздражении принялся переключать кнопки радиоприемника, хотел найти тихую музыку, как вдруг услышал знакомый голос: «Привет, друзья! С вами опять Корней и Марта! На улице по-прежнему мрак, а у нас радио «Солнце»! Значит, грустить полюбому не будем! Корней, что там у нас сегодня за тема? Твоя очередь, предлагай! О чем будем сегодня трепаться?»

Черт возьми, какой голос! Я как-то не обращал внимания на ее голос, а зря! Просто созданный для радио, с такими модуляциями и обертонами! Тут вступил мужской голос, тоже приятного тембра.

«Ну что ж, в преддверии Восьмого марта потрепемся о любви, хотя о ней по-моему все уже сказано классиком: «сколько сердец, столько родов любви!» И тем не менее! Мне иногда кажется, что в наш безумный век, когда все прежние представления как-то вывернуты наизнанку, эта тема стала какой-то третьестепенной, что ли. А ты так не считаешь, Марта?»

«Пожалуй! Просто раньше, в классической литературе, например, которую сейчас мало знают, в основном мужчина добивался любви женщины. Сейчас зачастую происходит все наоборот...»

«Ну, всяко бывает».

«Да, но мы же говорим о тенденциях. А тенденции сейчас такие: девушки жаждут выйти замуж за деньги или положение».

«Ну не скажи, я знаю массу девушек, которые еще жаждут любви,

семьи...»

«Да, конечно, но мужчины боятся этого как черт ладана! Вот недавно одна моя подруга познакомилась с мужчиной...»

Зачем я слушаю эту ахинею для домохозяек? – подумал Бобров.

«Он ей понравился, и она ему вроде бы тоже».

Бобров напрягся.

«И вдруг он ей заявляет, что категорически не приспособлен для семейной жизни!»

«Это на первом свидании?» – уточнил Корней.

«Именно! У политиков и политологов это называется «линия разграничения». Моя подруга совершенно не думала о том, чтобы как-то захомутать этого мужчину, просто ей было приятно с ним, ни о чем дальнейшем речи пока не шло, дело вообще происходило на катке. Но она сразу просекла, что этот человек опасается ее и сразу стал ей неинтересен, он трус...»

«И к тому же, видимо, плохой стратег, – засмеялся Корней. – И что, они больше не встречались?»

«Насколько мне известно, нет! Вот друзья, что вы думаете по этому поводу? Звоните нам, мы в прямом эфире»!

Бобров решительно выключил радио. Мнение слушателей его совершенно не интересовало. А вот вся эта история задела его. Она меня, похоже, презирает! И считает трусом. А разве я не трус? Самый распоследний трус и говнюк! Чего я испугался? Потерять свою пресловутую свободу? А на кой ляд она мне нужна? А даже если я не готов с ней расстаться, с этой своей свободой, то не так и не тогда надо было проводить демаркационную линию. Надо было познакомиться с ней поближе, ведь она мне так понравилась... И о какой вообще свободе речь, пока ты еще мужик и тебе нужна женщина? И лучше всего именно такая, нет, не такая, а эта! И у нее еще волшебный голос. Ох, а ведь это опять перст судьбы... Я целый месяц ее не видел, стал даже забывать, и вдруг включил радио. Да я сроду этого радио «Солнце» не слышал, а тут налетел... И что теперь делать? Может, поехать сейчас и встретить ее после эфира? Наврать что-нибудь? Только не признаваться, что слышал эту передачу. А если она и разговаривать со мной не захочет? Нет-нет, положусь на судьбу, она явно меня сводит с Мартой. И приняв это благое решение, он поехал покупать подарок коллеге, который пригласил его на свой день рождения. Ему исполнялось сорок пять и торжество предстояло завтра в шикарном ресторане. Бобров не любил такие сборища, но считал своим долгом пойти, чтобы не производить впечатления обиженного

судьбой одинокого волка.

Конем не объедешь

Ужин происходил в отдельном зале модного ресторана. За столом было человек двадцать, кое с кем Бобров был знаком, в целом компания ему понравилась. Были и дамы, правда, все при мужьях. Но одно место, как раз рядом с ним, было свободно. Не иначе хотят меня с кем-то познакомить. А вдруг это будет Марта? – заволновался он. И страшно захотелось, чтобы так оно и было. Но увы, на место рядом с ним села женщина лет пятидесяти, полная и очень симпатичная, как оказалось, сестра виновника торжества. Она неподражаемо рассказывала анекдоты, народ покатывался со смеху. Это было весьма артистично и даже талантливо. Бобров от души смеялся и вообще вечер получился приятный.

– Миша, а почему такой интересный мужчина один? – пьяноватым голосом осведомилась его соседка, утомившись от анекдотов.

– Даже не знаю, что вам ответить...

– Да ладно, и так все яснее ясного!

– И что же вам ясно?

– Вы старый холостяк, дрожите за свою свободу, хотя уже и не рады ей. Вам наверняка кажется, что каждая женщина, к которой вы приближаетесь, непременно жаждет женить вас на себе. Хотя, конечно, в большинстве случаев так и происходит, никуда не денешься, – рассмеялась она. – Слушайте, Миша, а хотите, я вас познакомлю с моей соседкой? Чудесная женщина, интеллигентная, красивая, самостоятельная, разочаровавшаяся в мужиках...

– Хотите, чтобы я стал еще одним ее разочарованием?

– А вдруг? Мало ли... Ой, у меня в телефоне есть ее фотка, сейчас покажу.

– Да не стоит...

– Стоит, стоит, за посмотри денег не берут.

Дама полезла в сумку, долго выуживала оттуда свой смартфон, а Бобров вдруг совершенно четко понял, что сейчас ему покажут Марту. Дама что-то все искала в телефоне...

– Ага, вот она! Смотрите какая лапушка!

Он даже не удивился. Это и вправду была Марта. И она так чудесно улыбалась. Это судьба!

– Ну как?

– Милая! А чем она занимается?

– Она радиоведущая, ну и еще пишет статейки для журналов. У нее хорошая квартира...

– А что? Можно попробовать, – вдруг воодушевился он.

– То есть вы согласны с ней познакомиться?

– Согласен.

– Иными словами, она вам понравилась?

– Очень, очень понравилась.

Дама заволновалась.

– Ой, а как бы нам это обставить, чтобы не было очень нарочито? Это важно, в какой ситуации знакомиться... Надо бы невзначай... Знаете, я, кажется, придумала!

– Да? Интересно.

– Я послезавтра уезжаю в командировку. Я зайду к Марте и попрошу ее в мое отсутствие передать знакомому, ну, допустим, какой-нибудь конверт. Скажу, что этот человек ей позвонит и зайдет за конвертом. А дальше уж вы сами...

– Ну, Антонина Юрьевна, вы просто мастер!

Боброву стало весело.

– А скажите, вы надолго в командировку? Какой у меня временной запас?

– Уеду в понедельник, вернусь в субботу.

– Замечательно! Ну, если что-то получится, я ваш должник!

– Я мечтаю, чтобы получилось! Марта чудесный человечек!

– А вы расскажите мне что-нибудь о ней, ну, чтобы я нечаянно не совершил какую-то бестактность.

– О! Мне такой подход уже нравится! Ну что вам сказать... Родители ее умерли, у нее есть старший брат, он дипломат, работает в ООН, она была два раза замужем, первый муж был алкаш, второй скотина, она нравится мужчинам, иногда настолько, что ей приходится их веником гонять...

– Веником? – фыркнул Бобров.

– Да, был у нее один, красавец писанный, он ее бросил когда-то, а недавно опять возник, так она его веником, веником! И еще она в карты играет! В покер! И часто выигрывает, говорит – в любви не везет, так хоть в карты!

– Интересно... Вы меня так заинтриговали, Антонина Юрьевна!

– А знаете, я удачливая сваха! Трех своих знакомых девушек пристроила!

– О, это обнадеживает! – рассмеялся Бобров.

– Только не приходите к ней с цветами, а то она сразу сообразит, что

тут что-то нечисто!

- Антонина Юрьевна, вы меня совсем за дебила держите?
- Ох, ну да... Да, а как вы к кошкам относитесь?
- К кошкам? Нормально отношусь. А что, у нее кошки?
- Один кот, здоровый, толстый, рыжий котище, она в нем души не чает!
- Ничего не имею против, мне вообще кажется, что женщинам идут кошки...
- А вы сами-то в карты играете?
- Играю, в бридж, в преферанс... но я не особо азартен.
- Почему-то мне сдается, что вы друг дружке глянетесь...
- Тося, о чем это ты так оживленно беседуешь с Михал Андреичем? – подошел к ним виновник торжества.
- Да так, нашлись общие знакомые, вот мы им косточки и перемываем.
- Иными словами, сплетничаете?
- Сплетничаем, Толя, сплетничаем!
- Тоже дело! – засмеялся Анатолий Юрьевич. – Но ты и мертвого разговоришь, Тося, Миша у нас слывет молчальником!
- Не заметила! Очень даже милый и общительный господин!
- Бобров галантно поцеловал ей руку.

По зрелом размышлении столь воодушевившая его поначалу идея, чем дальше, тем больше смущала Боброва. Ну, заявлюсь я к ней... Вряд ли она мне поверит. Вряд ли примет за чистую монету эту историю с оставленным конвертом. Но, с другой стороны, я ведь понятия не имел, какой у нее номер квартиры и этаж... Да что ж я, совсем утратил навыки, не сумею разыграть искреннее удивление? И радость? Пусть видит, что я страшно обрадовался... А что если она меня тоже... веником, веником? Что ж, поделом вору и мука! Веником меня еще не гоняли! И это самый нестрашный вид оружия, веник... Забавно, как-то сложно себе представить Марту с веником в руках, да не просто с веником, это-то вполне представимо, а с воинственно поднятым веником! Ему опять стало весело. Пойду, решил он! Непременно позвоню ей во вторник, так будет правильно!

Он виртуозно умел менять голос.

- Алло, добрый день, – начал он, – мне дала ваш телефон Антонина Юрьевна...
- Ах да... Вы насчет конверта?

- Совершенно верно.
- Заезжайте! Сегодня в любое время, а завтра только во второй половине дня, после четырех.
- Отлично, если позволите, я заеду завтра после пяти.
- Да-да, заезжайте! Адрес знаете?
- Да, спасибо, я бывал у Антонины Юрьевны.
- Всего доброго!

Кажется, я зря сказал, что бывал у ее соседки. Тогда странно, что провожая Марту после ресторана, я не сказал, что бывал в этом подъезде. Ерунда, она уж и забыла, небось, об этом звонке.

В среду около шести он позвонил в домофон.

– Вы за письмом? – спросила Марта.

– Да!

Он волновался. Здорово волновался.

Поднялся на лифте, где черной краской было написано: «Жители – казлы!» Через «а». С гулко бьющимся сердцем нажал на кнопку звонка.

– Иду! – услышал он из-за двери.

Дверь распахнулась.

– Марта? – ахнул он.

– Вы зачем пришли? – сухо спросила она.

– Так за конвертом от Антонины Юрьевны. Это ты ее соседка? С ума сойти! Но я страшно рад тебя видеть!

– Вы серьезно?

– Ты о чем?

– Это действительно случайность?

– Ну, разумеется! А ты что подумала? Что это уловка? Марта, побойся бога, неужели я стал бы прибегать к таким дешевым приемчикам, если бы...

– Ах, ну да! Если б захотели меня видеть, то вам кажется, достаточно пальчиком поманить эту козу... Нет, не на ту напали! Вот ваш конверт и ступайте себе с богом!

И она практически вытолкала его и захлопнула дверь у него перед носом!

Да, какой же я идиот! Надо ж так опростоволоситься! Сказать женщине, что если б я хотел, то... Тьфу! Идиот! Отвык от общения с нормальными женщинами. И только горше ее обидел! Кретин! Завтра же позвоню ей и повинюсь! Да, брат Миша, ты не разведчик, а шпион из

советского кино... Так бездарно проколоться!

...А Марта расплакалась. Он нравился ей, этот Бобров! Но разве так себя нормальные люди ведут? А где они, нормальные? Нету их! Хотя нет, есть... вот тот человек, что помог мне тогда, а потом еще и часы мои вернул... Вот в него я могла бы влюбиться... Дура, купилась на романтику... Разведчик он, видите ли. Никакой не разведчик, а провалившийся шпион! Трус и, скорее всего, вообще предатель! Эх, если бы Петька не выбросил телефон того человека...

А может купить сейчас цветов и вернуться? Сказать, что она нужна ему, что его к ней тянет, просто поцеловать ее наконец? И признаться, что пришел вовсе не за конвертом, а к ней? Быть с ней честным и открытым. А потом... если она меня все же выслушает... так повернуть, чтобы она не собиралась за меня замуж, по крайней мере пока? Нельзя же так, с бухты-барахты... Я же умею быть убедительным, иной раз даже убийственно убедительным, а тут спасовал перед женщиной... Смех да и только!

Он обнаружил неподалеку цветочный магазин. Что купить, розы? Нет, банально. Гвоздики тоже.

– Я могу вам чем-то помочь? – любезно улыбнулась ему продавщица.

– Мне нужны цветы...

– Для дамы?

– Да.

– Извините, по какому-то случаю или просто так?

– По случаю! Надо попросить прощения! – улыбнулся он.

– Тогда советую вот эти, они красивые и необычные, дама удивится и скорее простит, – кокетливо проговорила девушка, – особенно вот эти, у нас этот цвет впервые.

И в самом деле, цветы были темно-бордовые, густого насыщенного цвета...

– Да, правда, красиво. А как они называются?

– Лютики!

– Как лютики? Разве такие лютики бывают?

– Могу написать на бумажке латинское название, но оно вам надо? Вы же хотите удивить даму?

– Отлично, пусть будут лютики!

– Кто там?

– Марта, открой!

– Зачем еще?
– Надо поговорить!
– О чем говорить? Ступайте себе с богом!
– Марта, я сейчас сяду на коврик, сделаю селфи и выложу в сеть. Вот так радиоведущая Марта гнобит своих поклонников! Лучше открой!
– Хорошо, открою!
Дверь открылась.
– О! Ты без веника? А я вот видишь с веником!
Он протягивал ей букет.
– Ой, какие красивые! Это лютики, да?
– Да!
– Я такого цвета не видела... Ой, а откуда вы знаете про веник? – улыбнулась она.
За такую улыбку можно душу продать, мелькнуло у него в голове.
– Так что вы хотели сказать?
– Ты позволишь снять пальто?
– Снимайте, ботинки снимать не надо. Идите на кухню! Кофе хотите?
– Хочу! И покрепче!
– Поняла! Без сахара?
– Да! Марта, я... Ты прости меня... Я повел себя как идиот...
– Когда?
– И тогда и сегодня... Прости меня! Можешь даже побить меня веником!
– Откуда вы знаете про веник? – засмеялась она и поставила перед ним малюсенькую кофейную чашечку.
– От Антонины Юрьевны! Все так странно получилось...
И он честно рассказал ей все, как было.
– То есть этот конверт только предлог?
– Ну да! И, знаешь, когда она искала в телефоне твою фотографию, у меня сразу возникла уверенность, что это будешь ты.
– Почему?
– Откуда я знаю? Интуиция, вероятно. А кофе у тебя классный!
Он уже боялся опять что-то лишнее ляпнуть, следил за каждым своим словом и был очень напряжен. Сейчас надо уйти! Так или иначе, шаг к примирению сделан, теперь я смогу позвонить ей, пригласить куда-то, а там будет видно. Да, так и сделаю. А то поспешишь...
Он глянул на часы.
– Прости меня, но мне надо идти! Я позвоню на днях, и мы увидимся, да?

Она пожала плечами.

– Звоните! Там видно будет. Но я хочу предупредить, что не люблю неожиданных визитов.

– Ну и зря, ты в этом виде очаровательна.

И с этими словами он ушел.

Ну надо же, понял, что меня смутил мой домашний вид, это дурацкое платье с кошкой на пузе, толстые шерстяные носки... Разведчик, блин! Но интуиция у него будь здоров! А, впрочем, может так и лучше, что я была не при параде. Может, ему это неважно? Тогда стоит с ним поддерживать отношения! И какие удивительные цветы... А Антонина Юрьевна-то какова! Пристроить меня вздумала за первого встречного. Обалдеть!

Какая она очаровательная, и ее ничуть не портит это смешное платье с полосатой кошкой на животе, которая держит в лапах поварешку, а на лбу у нее слово Love! И толстые шерстяные носки на стройных ножках... Воплощение уюта! – с тоской подумал он. Вероятно, если заснуть с такой женщиной, не будут сниться эти кошмары... Ему часто снилась тюрьма, и во сне это было куда страшнее, чем наяву. Во сне рушились стены, погребая его под собой заживо, и он знал, что никто его не спасет. Странно, что эти сны не мучили его в тюрьме, они начались уже дома, на свободе, как напоминание... А в тюрьме было страшно только до суда, неизвестность хуже всего, и потом, когда огласили приговор – пятнадцать лет... Срок невообразимый... Но ведь могут же обменять... Эта мысль заставляла держать себя в руках, и через три месяца он привык. Регулярно делал гимнастику, отжимался, и читал, читал, наверстывая то, что упустил, занятый учебой и работой. И в самом деле, его обменяли... И шеф при встрече похлопал его по плечу:

– Молодец, не сдался, не распустился! Для тебя есть хорошая работа в Москве, будешь преподавать. Но сперва отдохни, приди в себя, а с осени пойдешь работать...

А примерно через полгода начались эти ночные кошмары. Он просыпался в холодном поту. Но никому не хотел говорить об этом. Однажды он ночевал на даче у Милицы Артемьевны, и она утром спросила его:

– Мишенька, тебе что-то плохое снилось, ты кричал во сне...

– Я не помню, – сказал он тогда.

– А ты не хочешь показаться врачу, может, выпишет тебе какие-то таблетки?

– Да нет, мало ли что бывает...

Но с тех пор он больше на даче не ночевал.

В четверг Бобров позвонил Марте. У нее был явно простуженный голос.

– Ты заболела?

– Так, слегка.

– Помощь нужна?

– О нет, благодарю!

– Значит, каток в субботу отменяется?

– Конечно, у меня в воскресенье эфир. Надо привести себя в рабочее состояние, уж не взыщите!

– А в каком часу эфир?

– С одиннадцати до двух!

– А что если нам увидаться после эфира? Может, пообедаем где-нибудь?

– Можно.

– Тогда я за тобой заеду! Я соскучился, Петровна!

– Ну, допустим. Тогда до воскресенья!

И она первой положила трубку.

Она все еще сердита на меня, с сожалением подумал Бобров.

В субботу к Марте заглянула соседка Антонина Юрьевна.

– Привет, красавица! Как ты? Нешто хвораешь?

– Антонина Юрьевна, что это вам вздумалось сводничать? Как-то не ваш жанр!

– А что, он тебе не глянулся? А по-моему очень даже привлекательный мужик!

– Да я уже раньше была с ним знакома!

– То есть как?

Марта рассказала о своей встрече с Бобровым.

– Ну надо же! Как интересно... А ведь это судьба, Марточка!

– Какая еще судьба?

– А вот когда конем не объедешь! Ты только представь себе, в таком городе как Москва чтобы так сошлось... И что теперь?

– В воскресенье пригласил обедать.

– Пойдешь?

– Схожу.

– Что-то особого энтузиазма в голосе не слышу.

– Антонина Юрьевна, да он же боится... Все время чего-то опасается.

Хотя я чувствую, что нравлюсь ему...

– Послушай, а ты знаешь его биографию?

– Ну, вроде он бывший шпион...

– А я вот у брата выяснила, кого я к тебе подслала!

– И кого же?

– Он герой!

– Штаны с дырой! – хмыкнула Марта.

– Это ты зря! Он был нашим разведчиком, очень много сделал для страны. Его предал один мерзавец, да не только его, но он, уже понимая, что вот-вот загремит в тюрьму, сумел все-таки предупредить одного ну очень важного агента, и тот успел утечь. Если бы и его взяли, беда была бы в сто раз серьезнее... Но сам уже не успел и два года просидел в тюрьме. Потом его обменяли. Вот! А при этом у него чувство юмора и вообще, он такой интересный! Конечно, не такой писанный красавец как твой Тимур, но зато...

– Ох, не поминайте Тимура. Я вообще не понимаю, что я в нем нашла! Дура была, коза!

– А Миша, он... Знаешь, что еще мне брат сказал?

– И что же?

– Он обожает всякую бытовую технику!

– То есть?

– Брат один раз был у него, говорит, там все технические новинки есть. И какая-то навороченная кофеварка, и куча еще какой-то техники. Хлебопечка, блендеры, миксеры... Черт его знает, что еще!

– Значит, он псих!

– Ничего ты не понимаешь! И вправду коза! Это он от одиночества! Пытается техникой заменить жену... Хочет быть во всем независимым, мол, я все умею, и хлеб испеку и котлет наварчу!

– Ну, и зачем мне такой?

– Дура ты, Марта! Если его по-настоящему пригреть, он с восторгом бросит всю эту технику и будет есть твои котлеты и хлеб из булочной... А, ладно, живи как хочешь. Только помни – он человек травмированный, с ним надо бережно...

– А я не травмирована, со мной не надо бережно? – расплакалась вдруг Марта, ей было так жалко Боброва, но она не хотела показать это соседке. Она так ясно видела эту кухню, в которой никогда не была. Все в высшей степени аккуратно, прямо-таки вылизано, и повсюду приборы: шашлычница, мультиварка, мультипечка, ну и что там еще сейчас рекламируют... И Бобров, одинокий и понурый, вынимает хлеб из

хлебопечки. Нюхает его, режет, мажет маслом и достает яйцо из самого ненужного в мире прибора – яйцеварки! Марта еще горше заплакала. Бедный Бобров! И уже не было никакой обиды, осталась только нежность... Мой бедный любимый шпион! Стоп, Марта, откуда вдруг он любимый? Нет, с любовью спешить не надо! Жалость часто принимают за любовь! А я ведь не люблю его... Он мне просто нравится, даже очень нравится, но не более того!

...В субботу Бобров поехал к тетушке.

– Миша! – встретила она его. – Я вчера слушала тебя по радио!

– Господи, зачем?

– Я просто хотела знать, как у тебя это получается! Ты молодец! Говоришь сдержанно, никакой истерики, но весомо, так что не поспоришь, твои аргументы убийственным, и противники просто не знают, чем крыть! Здорово! Действительно здорово! Андрей гордился бы тобой, Мишенька! Ты умный!

– Спасибо, родная, я тронут!

Милица Артемьевна накормила племянника обедом.

Он, как всегда, вымыл посуду. Потом нашел в ящике рулетку и принялся что-то измерять.

– Что ты делаешь?

– Неважно!

– Ты собираешься купить посудомойку, да?

– Представь себе!

– Миша!

– Ты пойми, чудачка, это же так удобно! И ручки портить не надо! Нажала кнопку и через полтора часа вся посуда чистая, такая чистая, что аж скрипит!

– А вдруг мне не понравится?

– Не может такого быть! Я куплю тебе небольшую, настольную, она тут прекрасно встанет!

– Ну-ка, посмотри на меня! – распорядилась Милица Артемьевна. – Мальчик мой, у тебя что-то хорошее случилось?

– Да нет, просто не случилось ничего плохого, – улыбнулся Бобров, в который уж раз подивившись тетушкиной интуиции.

– Скажи мне, а ты больше не видел ту девочку?

– Какую девочку?

– Сестру Пети Сокольского?

Он засмеялся.

– Ну ты даешь! Я завтра пригласил ее пообедать. Ты довольна?
– Домой пригласил?
– Нет, в ресторан.
– А может, привезешь ее как-нибудь ко мне? Я бы хотела с ней познакомиться...

– Нет, родная, рано еще. Я вовсе не уверен, что после завтрашнего обеда захочу еще с ней видаться. Спешить не буду, хватит с меня, столько раз обжигался...

– Ну что ж, пожалуй, это разумно. Но все-таки, если у вас сладится...

– Тогда я непременно ее тебе предъявлю, можешь не сомневаться!

– ...Сокольская, ты чего это так вырядилась? – спросила Вика при виде Марты. – Нешто у тебя нынче свиданка?

– Свиданка не свиданка, просто обед, – зарделась Марта.

– Платье новое, я что-то не помню!

– Ага, недавно купила!

– На очередной выигрыш?

– Именно!

– Не нравится мне твое везение в карты!

– Ну хоть в чем-то везет! – засмеялась Марта.

В новом ярко-синем платье она ужасно себе нравилась. Авось и Бобров оценит...

Сначала Бобров думал встретить Марту в вестибюле, но потом решил, что не стоит. Зачем привлекать внимание? Он послал ей эсэмэску: «Жду в такси, желтый «ниссан-ольмера», № 352». Конспиратор хренов, со смехом подумала Марта, но он, конечно, прав, зачем привлекать внимание?

– Марта, на randevу собралась? – спросил Корней.

– А хоть бы и так! – задорно бросила Марта уже в дверях.

– Удачи тебе!

– Спасибо!

...Она вылетела из здания, завернула за угол и сразу увидела Боброва. Он стоял возле желтой машины и радостно улыбался. Какой он элегантный! – мелькнуло в голове у Марты.

– Марта, чудесно выглядишь!

И неожиданно он чмокнул ее в щеку. Она вспыхнула.

– Привет!

Он усадил ее на заднее сиденье, сам сел с водителем.

- Как прошел эфир?
- Нормально. В адеквате, как у нас говорят. А куда мы едем?
- Ты, я слышал, любишь кошек, так в том ресторане, куда я тебя везу, живет замечательный кот...
- Это, часом, не «Мадам Галифе»? Так я с этим котом знакома. Его Борей зовут! – радостно засмеялась Марта. – А кто это вам про кошек сказал? Ах, ну да, Антонина Юрьевна!
- Именно! Но ты не против этого ресторана?
- Конечно нет!

Они сели за столик в углу у окна, выходящего в Ботанический сад, так называемый «Аптекарский огород».

– Марта, как тебе идет синий... Ты такая красивая сегодня... И давай вернемся...

- Куда?
- К тому моменту, когда ты тоже говорила мне «ты». Ты же простила меня?
- Хорошо! И спасибо за то, что надел этот пиджак! Он мне так нравится!

Она погладила его по рукаву. Он поймал ее руку и поцеловал в ладонь.

– Ой, извини, я отлучусь на минутку.

– Что тебе заказать?

– Баранину с овощами.

И она ушла. Через несколько минут она вернулась. За столиком рядом с Бобровым сидела какая-то женщина, она что-то горячо говорила ему, а он явно был очень сердит.

– О, а вот и твоя новая дама...

– Майя, я прошу тебя уйти, все давно сказано!

– Да мало ли что сказано, просто увидела тебя, вот и подошла... Не волнуйтесь, девушка, он мне не нужен, я сейчас уйду, он псих, орет по ночам как резаный, и к тому же практически импотент!

– Да? – не растерялась Марта. – Ну с вами, возможно, а со мной так определенно сексуальный гигант! И вообще, не мужик, а мечта...

Бобров оторопел. А Майя вскочила и выбежала вон.

Марта же вдруг залилась краской.

Бобров расхохотался.

– Ты была неподражаема! А почему ты вдруг бросилась мне на помощь? Я и сам бы справился...

– Я ненавижу хамство! А она типичная трамвайная хамка! Не

понимаю, как ты мог с такой связаться!

– Был момент... Но это неважно, важно что ты... ты настоящая боевая подруга!

– И ты пошел бы со мной в разведку? – лукаво улыбнулась Марта.

– Ох, не надо в разведку. Но на край света определенно! Ты чудо, Марта! Именно такая мне и нужна. Ты не предашь...

Они выпили водки, неприятный эпизод, казалось, был забыт.

– Смотри, Боря! – воскликнула Марта.

По снегу важно вышагивал большой черный кот с белой манишкой.

– Я его обожаю!

– А я тебя обожаю, – страстно прошептал Бобров, и вдруг запустил руку ей в волосы. Они были мягкие, шелковистые...

Она потерлась щекой о его руку.

– Только мы сегодня на этом и остановимся, ладно?

– Почему? – удивился Бобров.

– Мне кажется, так будет лучше.

– А, я понял! Ты решила, что я сегодня попытаюсь оправдать твои авансы и могу... ударить в грязь лицом? – расхохотался он. – Ты об этом подумала, дуреха моя дорогая? Поверь, я не такой впечатлительный и совершенно не хочу ни на чем останавливаться...

– Ничего подобного, я в тебе вовсе не сомневаюсь. Просто я сегодня не готова.

– Точно?

– Точнее не бывает.

– А когда? Когда ты будешь готова?

– Через два дня.

– А посмотри-ка мне в глаза... Вот так! А ведь ты врешь! И мы сейчас поедem ко мне.

– Но...

– Никаких но! Я по глазам женщины могу определить, есть у нее... так называемые критические дни или нет. Так у тебя их нет. Но если ты не захочешь, ничего и не будет. Просто посмотришь, как я живу... Согласна?

Она была уже на все согласна!

– Михаил Андреич, вы шпион? – вдруг слегка пьяным голосом спросила она.

– Шпион, да! И что?

– Ничего, мне нравится... А определять по глазам критические дни тебя в шпионской школе научили?

– Ну, разумеется, только сразу хочу сказать, я не люблю говорить на

эту тему, это тяжело и неприятно. Если я тебе хоть немного нужен, давай не будем об этом говорить, ладно?

– Идет! Только я еще хочу кофе и десерт! Тут вкусное крем-брюле!

– Мороженое?

– Нет, это такой горячий десерт!

– Вкусный?

– Мне нравится!

– А я, пожалуй, возьму яблочный пирог! Может, выпьем еще?

– Ты пей, а я не хочу! Мне и так хорошо. Мне нравится просто смотреть на тебя... У тебя такое интересное лицо... И вообще... ты такой привлекательный... Я, наверное, зря все говорю, но...

– Почему зря? Боишься, что я зазнаюсь? – нежно улыбнулся он.

– Так ведь наверняка зазнаешься.

На самом деле ей ужасно хотелось спросить, отчего это он кричит по ночам, но не решалась. Впрочем, это можно понять... Наверняка он пережил много тяжелого и страшного. И не хочет говорить об этом. Ну и пусть... Когда-нибудь он, возможно, сам мне все расскажет...

– Марта, на самом деле это я должен говорить тебе комплименты.

– Мне не нужны такие комплименты, когда ты должен...

– Ты не дала мне договорить, типично женская черта! Я хотел сказать, что у меня от нежности язык присох к гортани... слов просто нет... Со мной такого давно не было, а может и никогда...

Им принесли десерт.

– Хочешь попробовать крем-брюле? – проворковала она.

– Хочу!

– Пробуй!

– Нет, не так! Ты своей ложечкой...

– Тебе в рот положить? – засмеялась Марта.

– Именно! М-мм, вкусно, только чересчур сладко. А теперь ты попробуй мой пирог...

– Я сто раз пробовала этот пирог! Я его не люблю! Хотя кусочек яблока без теста я бы съела, с твоей вилочки!

Он просиял.

И чего это меня так прет, сам себе удивился Бобров. Она мне нравится, нет, она мне безумно нравится. Я больше не могу...

– Я вызываю такси!

– Может, поймает?

– Давай!

В такси они сели рядом. Он обнял ее. Она прижалась к нему и оба замерли. Интересно, он покажет мне квартиру или сразу потащит в койку? Интересно, в его коллекции бытовой техники есть яйцеварка? Ей стало смешно.

– Миш, а у тебя большая квартира?

– По московским меркам вполне. Две комнаты и большая кухня. Тебе места хватит... Ты не удивляйся, у меня в доме очень много всякой техники, это моя слабость...

– Какой техники?

– Бытовой, кухонной.

– Да? И даже яйцеварка?

– Яйцеварка? Да, есть, а почему ты спросила?

– Просто мне кажется, что это самый ненужный и бессмысленный бытовой прибор!

– Пожалуй, я соглашусь, – засмеялся он.

– Ты им когда-нибудь пользовался?

– Один раз, когда купил.

– ...Ну вот, заходи!

Он снял с нее пальто.

– Ну, показывай свою коллекцию! – потребовала Марта.

Он молча обнял ее сзади и поцеловал в шею. Она вздрогнула.

– Милый, давай не будем спешить...

– Желание дамы закон, – хрипло рассмеялся он. – Идем на кухню. Хочешь, сказочный кофе сделаю?

– В кофеварке?

– Нет, хотя она у меня тоже есть, но я предпочитаю из турки.

– Хочу! Ой, а это что за штука?

– Вафельница!

– Ты печешь вафли?

– Ага! Я обожаю вафли и у меня здорово получается.

– То есть ты тут в одиночестве печешь себе вафли? Бедный мой! – на глазах у нее навернулись слезы.

– Почему бедный?

– Это ужасно!

– Что ужасно? – удивился Бобров.

– Когда такой интересный, мужественный и... шпион... печет себе самому вафли...

Она заплакала.

– Марта, маленькая моя, что ты? Что ты плачешь? – перепугался он.

– Мишенька, милый, ты такой... такой...

И она стала целовать его, заливаясь слезами, так ей было его жалко.

Он прижал ее к себе и тоже стал целовать...

И тут, конечно же, по всем законам жанра, убежал кофе из турки.

– Ой, – вдруг рассмеялась Марта, – как в кино!

Бобров был сбит с толку.

– Что как в кино?

– А в кино, если ставят турку на огонь, то герой или героиня непременно отвлекаются, и кофе убегает...

– Боже мой, Марта, какая же ты прелесть, просто невозможная прелесть! Я таких еще не встречал, но просто счастлив, что встретил...

И в этот момент в дверь позвонили.

Они замерли.

Звонок повторился.

– Это твоя, которая тебя импотентом объявила?

– Нет, она не так звонит.

– Миша, открой, мало ли... вдруг кому-то помощь нужна!

Он глянул на нее с изумлением и пошел к двери.

– Кто? – спросил он.

Ответа Марта не слышала, но дверь открылась.

Марта прислушалась. Похоже, там была немая сцена, потом раздался громкий и радостный мат в два голоса, второй голос был тоже мужской.

Марта выглянула в прихожую. Двое мужчин стояли обнявшись. Похоже на неожиданную встречу старых друзей или однополчан.

Она вернулась на кухню и стала отмывать залитую кофе плиту. Больше всего ей сейчас хотелось незаметно слинять, но незаметно никак не получится.

– Господи, как ты меня нашел? Невероятно!

– Пришлось постараться, тем более что я даже не знал твоей фамилии.

– Как и я твоей! Но главное, ты жив!

– Твоими молитвами!

– Черт, я просто обалдел... Ну, проходи, дружище, будем заново знакомиться!

– А я гляжу, тут у тебя сапожки женские и пальтишко... Я не помешал?

– Нет-нет, идем, я тебя познакомлю с лучшей женщиной на этой планете!

– О, как интересно!

– Марта, позволь тебе представить...

– Земцов, Алексей Земцов! – сам представился гость.

– А я Марта! – подала ему руку Марта.

Он крепко пожал ее.

– Знаешь, Марта, я не был уверен, что он вообще жив! И вдруг такая радость!

– Это здорово! Ну вот что, мальчики, я чувствую, вам надо побыть вдвоем, а у меня дома кот не кормлен! Миша, вызови мне такси!

– Марта, дорогая, я приехал сюда с роскошным предложением! У меня внизу машина, поедem сейчас ко мне на дачу, пожарим шашлыки! Шашлыки на морозе – это вещь! Затопим печку, выпьем... Я чувствую, что чему-то помешал, но там в вашем распоряжении будет весь этаж... А по дороге заедем покормить вашего кота. Идет?

– Предложение очень заманчивое, но вам сейчас лучше обойтись без женщин, бабы в такой ситуации просто лишние! Как я понимаю, тут речь идет о мужском братстве в ваших мужских играх. А на дачу к вам мы с удовольствием приедем в другой раз, правда, Миша? Ты вызвал такси?

– Да, сказали, машина будет через пять минут.

Земцов ушел мыть руки.

– Марта!

– Миша, я все понимаю, ни капельки не обижаюсь, и мне было сегодня хорошо с тобой. Честное слово! Меня брат научил, что в таких случаях женщинам нет места, все нормально!

Он проводил ее до машины, поцеловал на прощание.

– Ты чудо, настоящее чудо!

– Прекрасно, чувствовать себя чудом так приятно!

– Я позвоню!

Бобров вернулся в квартиру.

– Слушай, какая женщина... Умница, красавица! Я очень помешал?

– Если честно, то да! – рассмеялся Бобров. – Она первый раз была у меня...

– И вы еще не...

– Не успели!

– Ну прости, друг! Успеешь еще! Она так на тебя смотрит... Это любовь?

Бобров помедлил с ответом:

– Любовь? Не знаю еще, но определенно – судьба!

Я все правильно сделала, уговаривала себя Марта, хотя ей было себя немножко жалко. Ничего, это поправимо! А я, кажется, его люблю... И как

я поняла из обрывков их фраз, этот Земцов, кажется, обязан Мише жизнью... Боюсь, я никогда об этом не узнаю. Но они оба явно были мне благодарны за то, что я слиняла. Да, я молодец и никаких обид! Если я хочу быть с Мишей, то только так и надо себя вести, пусть чувствует, что я не стану ему обузой, не буду виснуть на нем и, если нам суждено быть вместе, никогда не стану задавать ему некоторые вопросы: где ты был? Когда вернешься? Куда идешь? И так далее. Дома, покормив кота, она достала из ящика комода новенький блокнот, подаренный кем-то на работе к Новому году, и записала: «Никогда не спрашивать: Куда идешь? Где был? Когда вернешься и т. д. Никогда не проверять телефон, не залезать в почту, не обшаривать карманы. **НИКОГДА!**» Если что-то еще придет в голову, потом запишу.

Вечером Бобров не позвонил. Ну ясно, они там небось квасят! Бойцы вспоминают минувшие дни... И все-таки, ложась спать, она положила мобильник на тумбочку. Мало ли... Но он не позвонил. А утром, после душа, она получила СМС. Всего одно слово: «Люблю!!!»

Марта так обрадовалась, что просто запрыгала по квартире. Отвечать или не стоит? И решила: не стоит! Мало ли, может у него с утра похмелье, что-то почудилось... Вот если придет еще одну эсэмэску, тогда отвечу...

– Марта, с вами что-то хорошее случилось? – спросила ее в лифте редакторша из соседней редакции, немолодая, но очень приветливая дама Алла Исаевна.

– Еще не знаю, но, кажется, да!

– Дай вам бог!

– Спасибо!

На время эфира телефоны, естественно, выключались. Гостем передачи был известный семейный психолог, очень напористый мужчина лет пятидесяти. И во время разговора Марта вдруг спросила: «Иосиф Денисович, скажите, а какие вопросы никогда не следует задавать мужу?»

– О, это на редкость правильный ход мысли, дорогая Марта! Из-за этих вопросов, от которых большинство женщин просто не в силах удержаться, зачастую распадаются семьи. Так вот, дорогие дамы, как бы вам иной раз ни хотелось, не следует спрашивать мужа, где был, почему задержался, куда идешь и когда вернешься. Даже самого преданного и спокойного человека эти вопросы могут довести до бешенства, мгновенно испортить настроение. Попробуйте поставить себя на его место. Вам бы это понравилось? Даже если у мужчины и в мыслях нет изменять вам, то

такими вопросами вы непременно наведете его на эти мысли. А зачем вам это? А если вы, наоборот, не станете мучить его вопросами, он подумает: у меня такая хорошая понимающая жена, я так занят, зачем мне искать приключений на свою голову...

Здорово, подумала Марта, хотя ничего нового, по сути, психолог не сказал.

После эфира она выхватила из сумки телефон. Эсмэска от Боброва! «Вечером приеду, часов в восемь? Пустишь? Я, кажется, люблю тебя!»

Кровь бросилась ей в лицо! «Мне тоже кажется! Милости прошу!»

Ответ пришел немедленно: «Покорно благодарю! Отменяю слово «кажется»!

– Сокольская, ты чего? Не заболела? – спросила Вика. – Ты чего такая красная?

– Вика...

– Нешто шпион?

– Ох, Вика...

– Пошли, кофе попьем и ты все расскажешь!

Они спустились в кафе.

– Ну, что стряслось?

– Вика, я люблю его!

– Уже и любишь? Ты с ним хоть переспала?

– Нет еще, но он сегодня придет ко мне...

– О! А вчера ты с ним встречалась?

– Да!

И Марта все рассказала подруге, не упомянув только о появлении Майи и ее инсинуациях.

– И ты просто взяла и уехала?

– Конечно!

– И тебе не было обидно?

– Да ни капельки, я же понимала...

– Ох, Марта, не слишком ли ты понимающая? Хотя... Может, ты и права... А вот что ревела из-за вафельницы, так это чистая дурь!

– Почему? Мне его и в самом деле было безумно жалко... Шпион... с вафлями... Ты можешь себе представить, чтобы Филби или Абель вафли пекли?

– Да запросто! Он же уже, слава богу, бывший шпион, так почему бы на досуге вафлями не побаловаться?

– Тоже верно! – фыркнула Марта.

– Только советую, ты тут с ним особо не светись, а то девки из

«Резонанса» на него глаз положили...

– Плевать! Место занято! Да, как думаешь, если я испеку яблочный пирог? Он в ресторане ел...

– Испеки, если не лень! Но надо еще что-то посущественнее, мужик с работы придет.

– Да, я сделаю чахохбили.

– Ой, мечта! Твое чахохбили это мечта! Если останется, приду завтра доедать!

– Не вопрос!

Марта примчалась домой. Слава богу, в квартире порядок, но вот постельное белье стоило бы поменять. Сказано – сделано! Затем она взялась за готовку. Ой, а вдруг он не любит грузинскую кухню? Тогда я просто сделаю ему омлет! Не стану я этими проблемами заморачиваться. Что значит, не любит грузинскую кухню? Он же не идиот! И вряд ли в английской тюрьме его кормили так вкусно! Ее кидало то в жар, то в холод. Но к шести часам она со всем управилась и полезла под душ, вымыла голову и стала думать, как одеться? Не в халате же его встречать... Петькина жена Ирочка прислала ей очень красивый балахон из черного трикотажа с бисерной вышивкой у ворота. Он ей здорово шел и она еще ни разу его не надевала. Волосы после мытья были шелковистые и лежали крупными завитками. Девчонки всегда ей завидовали и не верили, что они сами у нее так вьются. Как он вчера запустил руку мне в волосы... Это было так приятно, так волнующе...

Когда все было готово и даже кот Тимошка расчесан, Марта в жутком волнении упала в кресло. Но тут же вскочила и открыла форточку, чтобы перевести дух.

Но вот раздался звонок в дверь.

– Иду! – крикнула она, бросила последний взгляд в зеркало и открыла дверь.

На пороге стоял... брат. Она похолодела.

– Мартышка, привет, я проездом! Ты что, мне не рада?

– Да, Петька, сегодня не рада! – отрезала она.

– Так, понятно, мужика ждешь! Не страшно, я всего на полтора часа, даже домой не заехал. Покормишь? Я жутко голодный!

– Петь, я прошу тебя, как брата...

– Что значит, как брата, я и вправду тебе брат! А ты хочешь выгнать меня?

– Да, хочу!

– Совсем спятила? Что за мужик-то? Скорее всего, опять какой-нибудь прохвост...

– Я люблю его. И он меня любит. Но я не хочу ни с кем его обсуждать, понимаешь ты это?

– Ну ладно, перекушу в каком-нибудь кафе. Раз ты меня выгоняешь...

– Петька, если ты сейчас и вправду уйдешь, я буду любить тебя еще больше!

– Ладно, ладно, уйду, а то у тебя уже глаза вот-вот потекут и губешки дрожат... Ну, кто бы он ни был, ему повезло! Но учти, за тобой должок!

– А ты уже перестань являться ко мне без звонка!

– Да я уж понял!

Петр Петрович зашел в ближайшее кафе и позвонил Вике.

– Викуша, привет, это Петя Сокольский!

– О, Петя! Какими судьбами! Ты что, Марту потерял? Так ее у меня нет.

– Да я ее видел, но она меня выставила вон!

– Шутишь?

– Какие шутки! Говорит, мужика ждет! Что за мужик, скажи ты мне? Опять, небось, какой-нибудь прохвост?

Так, Вика, осторожно, подумала она, Петька частенько лезет в Мартину жизнь, а тут явно не тот случай...

– Да я толком не знаю, но, кажется, на сей раз вполне приличный тип. Преподаватель в каком-то престижном вузе, забыла, в каком именно. Неженатый, интеллигентный...

– Опять красавчик?

– Не видала, но Марта говорит, что красотой не блещет. Словом, вполне приличный человек.

– Фу, ты меня успокоила... А как его зовут?

– То ли Саша, то ли Миша... Нет, Саша. А фамилии я не знаю.

– А где она с ним познакомилась?

– На катке!

– Ну надо же, на катке! Что ж, Вика, спасибо тебе, ты хорошая подруга. Ничего не сказала!

– Петь, да я сама ничего не знаю, Марта молчит, боится сглазить!

– Ладно, поживем-увидим! И все же ты меня успокоила! Если бы считала этого мужика прохвостом, ты бы мне сказала! Значит, я спокоен! Пока!

Петр Петрович с досадой подумал: и чего я мчался к сестре, не мог

что ли предположить, что ей будет не до меня? Дурак! Пора уж запомнить, что Мартышка уже не мартышка, а влюбленная до одури взрослая обезьяна!

Он поел и отправился обратно в аэропорт.

Лютики-цветочки

Марту трясло. Ей ужасно не хотелось, чтобы Бобров встретился с Петькой. Рано еще! Петька начал бы что-то выяснять, у них запросто могут найтись общие знакомые и Петька стал бы что-то разузнавать о Боброве. А я не хочу! Сегодня же напишу Ирке. Пусть внушит ему, что я уже большая девочка...

Опять раздался звонок в дверь. Не дай бог, Петька решил вернуться!

На пороге стоял Бобров и так улыбался! В руках у него был букет лютиков, таких же невероятно красивых, как и в прошлый раз.

– Марта! Вот! Тебе же понравились эти лютики. Лютики-цветочки...

– Миша!

– Марта, что с тобой? Что-то случилось? У тебя глаза... мечут такие гневные молнии... Чем я тебя на сей раз прогневил?

– Нет, что ты! Миша, Мишенька... раздевайся, проходи скорее...

– Но все же что-то случилось?

– Нет, просто... неожиданно появился мой брат. Он проездом в Москве, явился без звонка, а я так разозлилась, что прогнала его!

Слава богу, подумал Бобров, ему совсем не хотелось встречаться с Сокольским.

– Марта, ты что, плакала? Ты вообще, похоже, плакса? Ну иди ко мне, дай я тебя поцелую, пока еще кто-то не появился.

Он обнял ее, прижал к себе, поцеловал. Ей вдруг стало так хорошо и спокойно...

– Мишенька, ты голодный?

– Если честно, то да, не успел сегодня пообедать.

– А ты любишь грузинскую кухню?

– Ты приготовила что-то грузинское?

– Да! Идем скорее!

– Можно я руки помою?

– Да! Вон там ванная! А я пока разогрею...

Он неторопливо мыл руки. Глянул на себя в зеркало. На подбородке был замечен след от помады. Хотел стереть, а потом решил – не буду, пусть она сама... И пошел на кухню.

– Ох, чем это так вкусно пахнет?

– Чахохбили!

– Это что-то из кур?

– Да!

И тут он заметил, что на одном из стульев у стола сидит огромный рыжий кот и с большим интересом на него смотрит.

– Ого! Вот это котище! Здорово, брат! Как тебя звать?

– Тимошей! – сообщила Марта.

Бобров погладил кота, почесал за ухом.

– Не беспокойся, брат, я твою хозяйку не обижу! Я, знаешь ли, ее люблю! Она самая лучшая из всех женщин, которых я встречал! Ты ведь тоже ее считаешь лучшей, правда? Значит, нас уже как минимум двое!

Все это он говорил коту, даже не глядя на Марту.

– Ты позволишь мне пожать твою честную лапу? Хотя это не котовское дело лапу подавать, но ради знакомства...

И он в самом деле пожал лапу коту. И тот вдруг громко запел!

– Миша... – слабым голосом проговорила потрясенная Марта. – Он никогда чужим не поет... Только мне...

– Ну, я с детства усвоил, что с животными надо разговаривать. И он меня признал!

– Садись... Вот, вытри руки влажной салфеткой.

– Да я же только что мыл руки. А, ты думаешь, после кота я буду каждый раз мыть руки? Не дождешься! Я не так боюсь микробов! Ну, корми меня! Запах, с ума сойти! Боже, как вкусно!

– Вот, бери лепешку, ломай ее просто!

– Тимоша, твоя хозяйка еще и готовит божественно!

Бобров чувствовал себя изумительно. Как уютно, как хорошо здесь... И как она на меня смотрит... Так когда-то смотрела на меня мама, когда я голодный прибежал из школы... И как здорово, что она не устала стол бесчисленными закусками собственного приготовления, чтобы проложить пресловутый путь к моему сердцу, а просто приготовила безумно вкусное блюдо грузинской кухни вовсе не будучи уверенной, что я люблю эту грузинскую кухню. В этом тоже было что-то настоящее, бесхитростное...

– А можно мне еще добавки?

– Господи, конечно! А потом будем пить чай с яблочным пирогом!

– Сама пекла?

– Конечно! Ох, какая же я все-таки свинья... Чахохбили – любимое блюдо моего брата...

– Ни слова о брате! И вообще, не слишком ли много слов? Иди сюда! И что, на этом платье нет ни одной застёжки? Его надо просто сдергивать, да?

– Да... – пролепетала Марта.

Чай с пирогом они пили уже глубокой ночью, на кухне. На третьем стуле опять сидел Тимоша.

– Как мне нравится твой кот! Он ведь беспородный, да?

– Конечно, я его нашла котеночком во дворе. Ему уже четыре года. Вон какой вымахал...

– А Тимошей в честь кого назвала?

– Ни в честь кого, просто понравилось имя.

– Да, имя хорошее... Тимофей Михайлович... хорошо звучит...

– Это ты его усыновил?

– Нет, просто прикидываю... сына тоже Тимошей назовем.

– Какого сына? – перепугалась Марта.

– Что значит какого? Нашего.

– Миш, ты чего? Не надо так шутить!

– А я и не шучу. Мне давно пора, да и тебе тоже. Или ты не хочешь детей?

– Хочу, конечно, очень хочу, но...

– Какое тут может быть но?

– Мы совершенно не знаем друг друга! И вдруг у нас не получится вместе... мало ли...

– А, по-моему, все у нас получится. Мне с тобой так хорошо, как никогда в жизни. Знаешь, я как вошел сегодня к тебе в квартиру, увидел твои бешеные глаза, услышал запах твоего грузинского блюда, забыл, как называется...

– Чахохбили.

– Ну да, чахохбили, увидел твоего кота, и почувствовал, что ничего другого в жизни я не хочу, только приходить вечером домой, видеть эту женщину, гладить этого кота...

Она смотрела на него с испугом, но почему-то безоговорочно верила ему, и ей опять до слез было его жалко.

– А ты, ты этого не хочешь?

– Господи, хочу, конечно хочу!

– Так в чем же дело?

– Да ни в чем, собственно.

– Я вижу, ты боишься. Тогда давай попробуем жить вместе. Или так сделаем: первое время всю неделю будем жить каждый у себя, а в выходные вместе?

– Да, так хорошо... Попробуем...

– В пятницу после эфира буду приезжать к тебе. И никому пока ничего

говорить не станем. А ты думаешь, твой брат будет против?

– Ну, если познакомится с тобой, то вряд ли. Ты такой положительный... Мишка, я люблю тебя! – вдруг воскликнула Марта и заплакала.

– Господи, какая плакса! Но до чего же любимая... Вот не думал, что полюблю плаксу. Мне вообще казалось, я никого не смогу полюбить и вдруг влип... Ну все, все... хватит слезы лить... Ой, какие они вкусные, солененькие...

– Миша, перестань... – засмеялась Марта. – Ты не думал, что полюбишь плаксу, а я...

– А ты не думала, что полюбишь шпиона, да?

– Откуда ты знаешь?

– А нам, шпионам, положено читать мысли, а у таких чудесных девушек это совсем нетрудно! Скажи, а у тебя от твоих мужей не осталась случайно бритва, не могу приходить на работу небритым?

– Есть! Петькина электробритва! Он частенько тут ночевал.

– Прекрасно! Но в пятницу я завезу сюда свои туалетные принадлежности, согласна?

– Конечно!

Утром, когда Бобров ушел, Марта в совершенном смятении взялась за уборку. Ровно в десять позвонила Вика.

– Ну как? – спросила она сходу.

– Что как?

– Как наши разведчики в смысле секса?

– Вика!

– Что – «Вика»? Так как?

– Супер!

– Рада за тебя. А мне, между прочим, вчера звонил твой брат!

– Зачем?

– Догадайся с трех раз! Хотел узнать, что это за мужик у тебя завелся, если ты родного брата взащей выгнала.

– И что ты ему сказала?

– Ничего! То есть я сказала, что, кажется, его зовут Сашей, что он преподает что-то в каком-то престижном вузе... И это все! Да, он спросил, где ты с ним познакомилась, я сказала, что на катке.

– Вика, ты гений!

– Конечно, а ты сомневалась! Ну, ладно, рассказывай!

– Он сказал, что любит меня и хочет сына...

– То есть после первого пересыпа сразу сына захотел?
– Ага!
– А ты?
– А я испугалась.
– Чего, дурища?
– Такой скорости... Ну, мы решили пока попробовать притереться друг к другу...

Марта ввела подругу в курс дела.

– Правильно вообще-то. Попробуйте как вам вместе, и как вам врозь. Разумно. И еще! Никому на работе не говори! И пусть он тоже тебя не светит. Лишнее это! Он мужик завидный, а бабы наши в большинстве своем злые и завистливые. Знаешь, как они шипели, когда он пригласил тебя танцевать!

– Господи, правда?

– А ты помнишь, что было, когда я за испанца собралась? На ушах стояли, чтобы меня с ним рассорить! Особенно Людка старалась!

– Так ты из-за этого с ним порвала?

– Нет! Просто поняла, что не смогу жить в чужой стране. Но крови они мне испортили, будь здоров! А тут твой Бобров вроде как в Людкиной епархии...

– Но если мы все же сойдемся?

– Так вы уже сошлись! Но знать об этом им необязательно! И Мише своему скажи... Да, ты там, в эйфории, не забудь, что у тебя завтра эфир!

– Не забуду!

...Боброву безумно хотелось поехать вечером к Марте, но он взял себя в руки и ограничился телефонным звонком. После разговора, разнеженный, он сел за работу, но никаких мыслей не было. Книгу, конечно, пока можно и отложить, но готовиться к лекциям необходимо, да и справки для МИДа тоже никто не отменял. И он углубился в работу.

Зазвонил телефон.

– Алло!

– Мишенька! – он узнал голос тетушки.

– Да, родная, что-то случилось?

– Нет, ничего страшного, но у меня сломался тонометр! Не мог бы ты заказать мне по Интернету, там же быстро привозят...

– Непременно закажу, сегодня же.

– Миша, а почему у тебя такой молодой голос?

– Да есть причины... Послушай, Миля...

– У тебя произошло что-то радостное?
– Можно и так сказать!
– Это женщина?
– От тебя ничего не скроешь!
– Очень даже скроешь, если хочешь, но сейчас, видимо, не хочешь! И кто она?

– Она чудесная...
– Уж не сестра ли это Пети Сокольского?
– Откуда ты знаешь?
– Ты же сам говорил... Может, привезешь ее ко мне?
– Я бы привез... Но у меня есть одна просьба.
– И какая же?
– Не надо пока говорить Марте, что ты знала Петьку. Это долгая и глупая история... И я пока не хочу...

– Хорошо, не скажу! Большое дело! Но ты мне потом эту историю расскажешь!

– Расскажу, конечно. И ты, возможно, дашь мне умный совет...
– О, мои советы всегда умные! Так когда вас ждать?
– В субботу!
– Буду ждать с нетерпением! И не забудь про тонометр!
– Нет-нет, сию минуту этим займусь!

Он действительно сел к компьютеру и заказал тетке тонометр, а заодно и посудомойку. Авось при Марте тетка не станет скандалить.

При Марте! Какое это счастье – при Марте!

– Ты влюбилась? – огорошил ее вопросом Корней, едва она вошла в аппаратную.

– А что, так заметно?
– Значит, все-таки влюбилась! И в кого, если не секрет?
– Пока секрет!
– Ну и ладно, а то начнешь рыдать у меня на плече, сперва от радости, потом от горя. Оно мне надо?
– Не надо! – радостно воскликнула Марта.

Золотистый шалашник

– Михаил Андреевич! – подошла к Боброву в коридоре студентка Гаврюшина, очень хорошенькая девушка, но чересчур бойкая и не слишком умная.

Бобров чувствовал, что она к нему равнодушна и опасался ее. Нынешние девушки бывают очень навязчивы.

– Да, Гаврюшина, я вас слушаю!

– Михаил Андреевич, я слышала в пятницу вашу передачу...

– С ума сойти! Зачем это вам?

– Ну интересно же! Вы так круто размазали этого Дельмаса! Просто отпад!

– Благодарю вас. Это все?

– Нет, не все! Михаил Андреевич, я что, вам ни капельки не нравлюсь? – кокетливо осведомилась девушка.

– Свое отношение к вам я выражаю исключительно в оценках.

– Нет, я имею в виду другое... Вы жутко интересный мужчина, к тому же не женатый, и вы мне просто жутко нравитесь не только как преподаватель...

– А вот это лишнее. Я шашни со студентками не завожу принципиально. У нас много перспективных студентов и аспирантов, поищите там, а я, извините, для вас стар!

– Они все неинтересные, а вы такой романтичный герой...

– Гаврюшина, вы всегда казались мне понятливой студенткой.

– То есть, вы меня отвергаете? – в голосе девушки послышалась угроза.

– О, миленькая, никак вы мне угрожать вздумали? Запомните, не на того напали! Всех благ!

И он поспешно ушел. Его предупреждали, что такое может случиться. Будем надеяться, что этим все и ограничится. Но чутье ему подсказывало, что со студенткой Гаврюшиной надо держать ухо востро.

Бобров заметил, что когда на ночь он говорит с Мартой по телефону, то спит лучше. И кошмары его не мучают. Он просыпается утром выспавшийся, свежий, в отличном настроении. Девочка моя дорогая, мне тебя Господь послал, плакса моя милая!

В пятницу вечером после эфира он задержался в вестибюле, позвонил

Марте узнать, не надо ли что-то купить.

– Нет, милый, не надо, приезжай уже скорее, я смертельно соскучилась!

– У тебя на завтра есть какие-то планы?

– Нет, а что?

– Хочу свозить тебя за город, к моей тетушке. Мне нужно кое-что ей отвезти...

– Я с удовольствием!

– Тогда еду!

Он спрятал телефон в карман и собрался уже уйти.

– Михаил Андреевич! – окликнула его Люда, редактор.

– Да, Люда?

– А вы напрасно ждете, ее по пятницам вечером не бывает!

– Вы о ком?

– О Марте!

– А кто такая Марта? – не моргнув глазом ответил Бобров.

– А вы не знаете?

– Понятия не имею!

– Это та блондинка, которую вы пригласили танцевать в кафе!

– Да? Я не знал, что ее зовут Марта. Очень милая девушка, но и только. Извините, Люда, я спешу!

– Михаил Андреевич, вы на машине?

– Вас куда-то подвезти?

– А вам в какую сторону?

– Мне в Ясенево, – соврал Бобров. – Могу подбросить, если вам по пути, но, увы, я спешу.

– Вас ждут?

– Да.

– Не Марта?

– Нет, – рассмеялся он, – к сожалению, не Марта, а Марат. Ко мне приехал друг из Екатеринбурга.

– А вам не скучно будет вдвоем?

– А кто сказал, что мы будем вдвоем?

– Извините! – смутилась Люда. – До следующей пятницы!

– Всего наилучшего, Люда. Хороших выходных.

Ох, как он не любил становиться объектом ненужного женского внимания! Это и в прежней работе мешало, и в институте сейчас совершенно ни к чему, да и тут, на радио... Мне нужна только моя Марта! Надо, наверное, поскорее на ней жениться официально, тогда многие

претендентки сами по себе отпадут. Сердце сладко замирало при мысли, что скоро он войдет в ее квартиру, где пахнет ее чудесными духами, навстречу ему выбежит Марта, а за ней важный рыжий кот. И всю ночь они будут вместе и ничего плохого ему не приснится. И почему я все никак не признаюсь ей, что это я тогда обнаружил ее без сознания в машине? Дурь какая-то... Мне отчего-то кажется, что это нечестно... это как будто лишний бонус в мою пользу...

– Миша! – кинулась ему на шею Марта. – Наконец-то, я уж заждалась!
– Лютиков сегодня не было, я купил тюльпаны! И вот еще, держи!
– Что это?
– Кофемолка! У тебя же нет!
– Да я сроду кофе в зернах не покупаю!
– Зато я признаю только настоящий кофе, уж не взыщи!
– А, ну тогда ладно! Только хлебопечку и мультиварку ради бога не вздумай мне покупать! И вафельницу тоже, у меня нет столько места на кухне!

– О, кстати...
Он вытащил из кейса какой-то пакетик.
– Вот, держи!
– Что это? – испуганно спросила Марта.
– Вафли! Собственного изготовления. Попробуй, какая вкуснота!
– Ты голодный?
– Признаться, да.
– Тогда мой руки! Ой, а что это у тебя в сумке?
– Кое-какие вещи, чтобы чувствовать себя здесь достаточно комфортно...

– Тебе нужно место в шкафу, да? Вот, тут вешалки...
Он достал из сумки аккуратно сложенные вещи – стопочку белья, халат, тапки, два свитера, пиджак, джинсы. И большой несессер.

Марта ошалела от счастья. Он решил начать вить гнездо. Кажется, есть такие птицы, у которых гнездо вьет не самочка, а самец... Золотистый шалашник. Он вьет гнездо в виде шалашика и украшает его цветочками. Или это бобр строит хатку?

– Ты не сердишься?
– Нет, я рада без ума.
– А можно я перед ужином душ приму и переоденусь?
– Что за вопрос?

Когда он, свежевыбритый, в красивом английском халате вышел на

кухню, Марта встретила его такой счастливой улыбкой, что он задохнулся.

– Миша, ты такой... такой джентльмен... просто улет!

– Ну, ты попробовала мои вафли?

– О да! Мечта! Смотри, как я их упаковала!

На столе стояла коробка, на которой красовалась отпечатанная на принтере наклейка: «Вафли по-шпионски».

Она думала, он рассмеется, а он с трудом проглотил подступивший к горлу комок, молча привлек ее к себе – он сидел, а она еще стояла – и уткнулся лицом ей в грудь. Она нежно гладила его по голове.

– Ну что ты, что ты, все же хорошо, так хорошо, что даже страшно... Мишенька, любимый...

Она поняла, что надо его переключить на какую-то постороннюю тему.

– А я слушала сегодня твою программу!

Какой козел этот Мануйлов... Кто он вообще такой?

Он сразу поднял голову, глаза метали молнии.

– О! Это такое дерьмо! Прыщ на ровном месте! Европейец хренов! Ничтожество!

– Но кто он такой? Чем занимается?

– Говорит, что режиссер, но никто никогда не видел ни одного его фильма. Терпеть не могу таких...

– Да он гадостный! А ты молодец, так убрал его... А кто этот Фомин?

– О, он умница, политолог с Дальнего Востока.

– У него очень ясная голова, насколько я смогла судить...

Он улыбнулся, ему было необыкновенно приятно, что ее интерес не формальный, а подлинный, и она так эмоционально все это восприняла... Девочка моя!

Утром за завтраком они пили кофе, сваренный Бобровым в турке. На вкус Марты он был крепковат и она набухала туда много молока.

– Безобразие! – смеялся Бобров. – Это же бурда, а не кофе!

– Я за завтраком не могу пить такой крепкий... Миша, а кто твоя тетушка, к которой мы поедем?

– О, она тебе понравится. Когда-то давно преподавала языки в МГИМО, заболела и перешла в толстый журнал, редактором. А сейчас давно на пенсии, но еще редактирует, бодрa, свежа, упряма как осел, муж ее умер давно, там была большая любовь... детей Бог не дал... больше замуж она не вышла, хоть и была очень хороша. Меня любит. Безумно обрадовалась, когда я вернулся... И еще больше обрадовалась, когда я вчера сказал, что приеду со своей девушкой. Я по мере сил помогаю ей, и

деньгами и так... по дому иной раз, кроме того привожу ей работу. Если надо что-то заказать в Интернете, это тоже моя обязанность, но мне это только в радость, она единственная из родни у меня осталась. Зовут ее Милица Артемьевна.

– Милица? Какое красивое и редкое имя...

На заднем сиденьи стояла большущая картонная коробка.

– Что это? – полюбопытствовала Марта.

– Посудомойка! Я давно хотел ей купить, но она все вопила, что ей это не нужно. Пожалуйста, поддержи меня, скажи, как это удобно!

– Ладно, скажу, – засмеялась Марта.

– А я, кстати, посмотрел, у тебя на кухне вполне встанет нормальная посудомойка!

– Миша! Ради бога!

– Почему? Я сам ее устанавливаю, я это все умею, зачем портить такие нежные ручки... ты только представь, ушли гости, ты все составила в машинку, а утром вынула чистую посуду...

– Ну, у Вики, это моя самая близкая подруга, стоит посудомойка... Она довольна...

– Умница моя!

– Миш, а ты намерен полностью оснастить меня современной бытовой техникой? – со смехом спросила Марта.

– Понимаешь, это моя слабость. Я обожаю ходить в такие магазины, выбирать что-то, отслеживать новинки... мне это интересно. Я дурак, да?

– Почему? Вполне простительная слабость. Только прошу об одном: ты все-таки меня предупреждай, если тебе взбредет в голову купить мне какую-то хрень, вроде мульти-пекаря или яйцеварки...

– Ты чего прицепилась к яйцеварке? – засмеялся Бобров.

– Самая ненужная вещь на свете! А еще когда-то мама купила картофелечистку и так ни разу ею не воспользовалась.

– А она у тебя сохранилась?

– О нет! Я вынесла ее в подъезд, дня три простояла, никто не хотел брать...

– Скажи, а какая техника у тебя есть, чтобы я знал? Стиральную машину я видел. Кстати, как она работает?

– Прекрасно, прекрасно работает, – поспешила заверить его Марта, – ну пылесос хороший, электромясорубка, блендер, измельчитель... Вот, пожалуй, и все, хотя нет, есть еще миксер.

– А мультиварка?

– Нет! Я не хочу!

– Ладно, согласен, а вот аэрогриль необходим в хозяйстве!

– О! Аэрогриль я хочу! Хочу-хочу! В нем такая вкусная печеная картошка получается!

– Вот, хорошо! А еще у тебя электрочайник допотопный!

– Миш, ради бога, не все сразу! И учти, мне еще важен дизайн, сейчас такое разнообразие чайников, я смотрела в Интернете...

– Понял. Давай как-нибудь съездим в какой-то большой магазин и выберем вместе!

– Здорово! Мне уже хочется выбирать что-то вместе с тобой! – Марта чуть приоткрыла окно в машине. – Миш, чувствуешь, весной пахнет?

– Да! Знаешь, на даче у нас масса сирени... Любишь сирень?

– А кто же не любит сирень!

Бобров вспомнил, как в тюрьме тосковал по цветущей на даче сирени... Эту сирень посадил его отец, когда только женился на маме. И сейчас дом в мае буквально тонул в сирени. Но Марте он ничего не сказал, не хотел грузить ее разговорами о пережитом.

– Слушай, а ты пробовала Тимошу за город вывозить?

– Нет. А вдруг потеряется?

– Да не должен... Мы ему ошейничек с чипом купим. Пусть котяра свежим воздухом дышит, травку жрет. Он кастрированный?

– Да.

– Бесчеловечно! Такой славный кот... А вот мы и приехали! – возвестил Бобров минут через пять.

– Какой симпатичный дом! – воскликнула Марта. – Даже с виду уютный!

Они поднялись на крыльцо. Марта держала в руках какие-то пакеты и букет тюльпанов, а Бобров коробку с посудомойкой. Марта позвонила и почти сразу распахнулась дверь.

– О! Милости прошу, заходите! Мишка, ты что это опять припер? Поставь сейчас же и знакомь меня с девушкой!

– Здравствуйте, Милица Артемьевна! Я Марта! Миша столько о вас рассказывал!

– Вот мерзавец, а мне о вас почти ничего! Только какие-то междометия. О, она такая! Она чудо! Ну, что из этого можно понять? Только то, что мой племянник влюбился по уши! И все-таки, что это ты припер?

– О, это чудесная вещь! – воскликнула Марта. – Посудомойка! Это так удобно, просто прелесть!

– А у вас есть посудомойка?

– Пока нет, но я давно о ней мечтаю!

– Теперь будет, не сомневайтесь! Ну что ж мы стоим? Заходите, Марточка, раздевайтесь. Миша, поухаживай за Мартой, а я пока поставлю цветы!

– Спасибо за поддержку, – шепнул ей на ухо Бобров, принимая у нее куртку. – Вот тут тапочки...

– Ребята, вы голодные?

– Спасибо, родная, мы сразу после завтрака!

– Ой, я вижу у вас гриб! Можно мне стаканчик? Я с детства его не пила...

– Да, он как-то совсем из моды вышел, а я люблю! Хотите, дам отросточек!

– Нет! Я этого не переживу! – со смехом заявил Бобров. – Ненавижу эту тварь! Будешь приезжать к Миле и тут хоть залейся...

– А ты, оказывается, домашний тиран? – засмеялась Марта, ей и самой вовсе не хотелось возиться со склизким организмом чайного гриба.

– Ну, не такое уж это тиранство. Ладно, мои дорогие, вы пока общайтесь, а я пойду прилаживать посудомойку. Это недолго, она ведь настольная...

– Марта, ничего, если я стану говорить вам «ты»?

– Буду только рада!

– А ты можешь звать меня Милей, но, разумеется, на «вы»!

– Я попробую... – улыбнулась Марта.

– О, глядя на тебя понимаешь, что значит «лучезарная улыбка»!

– Спасибо!

– Скажи, а ты... давно знаешь Мишу?

– Нет, все как-то очень скоропалительно... Месяца два...

– Скажу тебе по секрету, я его таким не видела! И я очень надеюсь, что у вас сладится. Он чудовищно одинокий мальчик. Знаешь, у него стали другие глаза... Он закрытый, тяжелый, наверное... Но душа у него золотая. Ты знаешь его историю?

– В самых общих чертах. Он молчит, а я боюсь ковырять...

– Умница! Он созреет и расскажет то, что можно. Если бы ты видела, какой он вернулся... Ужас просто! Я удивляюсь, какой он все-таки сильный человек! Оправился, нашел в себе силы вернуться к нормальной жизни, начал работать и, как я понимаю, успешно.

– О да! О его преподавательской деятельности я судить не могу, но у нас на радио он пользуется большим успехом! Пятничные выпуски имеют

самый высокий рейтинг именно благодаря ему!

– Да, он молодец, я теперь всегда слушаю. Только он иной раз бывает резок до беспощадности.

– Так за дело же!

– Несомненно! – рассмеялась Милица Артемьевна. – Любишь его?

– Мне кажется, да... Люблю!

– Хорошо, что ты именно так сказала: «кажется»... Правильно! Понять, любовь ли это, можно только со временем... А теперь расскажи о себе? Твои родители, они кто?

– Их, к сожалению, уже нет в живых. Отец был дипломатом, а мама музыканткой, пианисткой, но ей пришлось бросить музыку из-за карьеры отца. У меня есть старший брат, он тоже дипломат, работает в ООН. Я дважды была замужем, но...

– А детки есть?

– Нет. Первый муж был алкаш, какие уж тут детки... Но Миша хочет детей и я тоже...

– Миша хочет детей? – ахнула пожилая дама. – Он всегда говорит, что в наше время...

– А мне сказал, что нам обоим уже пора, – улыбнулась Марта.

– Я счастлива это слышать, это значит, что мой любимый племянник выздоравливает. Скажи, он кричит по ночам?

– Я ни разу не слышала. Но у нас еще не так много ночей было, – смущенно улыбнулась Марта.

– Он перестал у меня ночевать, когда однажды я спросила, что ему снилось... Он так страшно кричал тогда... Но не сказал, что ему снилось. А он говорил тебе о Наде?

– О Наде? Нет. А кто такая Надя? – встревожилась вдруг Марта.

– Надя? Это его жена. Она тоже была разведчицей, и они вместе уехали из России, вместе работали, а потом Надя умерла. Ее сбила машина... насмерть.

– И что?

– Больше он не женился. Ему нельзя было жениться на ком попало. И он больше не захотел...

– Там... там была любовь?

– Не знаю. Спроси у него сама. Он не соврет, прошло уже столько лет...

– Нет, я ни о чем не стану его спрашивать. Пусть сам расскажет, если сочтет возможным. Ревновать мужчину к покойнице попросту глупо.

– Ты мне нравишься, Марта!

Тут появился Бобров.

– Дамы! Принимайте работу!

– Ох, грехи наши тяжкие! – вздохнула Милица Артемьевна. – Пойду гляну, что ты там устроил. Батюшки! Как тебе удалось так удачно ее поставить? Она даже не выглядит какой-то бандурой! Аккуратненькая такая...

– У тебя есть грязная посуда?

– Да пока нет. Вот пообедаем, тогда и будет!

– Нет, это долго! Марта, помоги Миле достать из буфета чайный сервиз, знаешь, цвибельмустер!^[1]

– Ты с ума сошел! Я не дам!

– Миля, не бузи! – засмеялся он. – Я гарантирую тебе полную сохранность твоего сервиза!

– Ну что с тобой делать! Марточка, в самом деле, помоги мне!

Марта под руководством хозяйки вытащила из буфета довольно-таки пыльный бело-синий сервиз. Но прежде чем поставить посуду в машинку, стала тщательно осматривать каждый предмет и на одной чашке обнаружила трещинку.

– Милица Артемьевна, вот смотрите, тут трещина!

– Не может быть!

– Вот, смотрите сами!

– Миша, подай мне лупу! Да, в самом деле трещина. В таком случае эту чашку в машинку не ставь!

– Миля, родная, именно давай поставим! Посуду с трещиной держать плохая примета, но ты увидишь, что чашка не развалится! А если развалится, туда ей и дорога!

Чашка не развалилась! Милица Артемьевна была в восторге.

– Миша, Марта, я потрясена!

– Нет, ты посрамлена! – заявил Бобров, целуя тетушку.

Потом они обедали, после обеда составили посуду опять в посудомойку.

– Но тут мало посуды...

– Ничего, по моим прикидкам, она заполнится после завтрака. Тогда и включишь, я тут написал, что тебе надо будет делать пошагово, а если что, звони!

– А вы, ребятки, не останетесь на ночь? Завтра ведь воскресенье!

– Спасибо, родная, но у Марты завтра утром эфир, прости!

– Ну что поделаешь! Надеюсь, в следующую субботу вы опять приедете вместе?

– Обязательно! У вас тут так хорошо! – горячо заверила ее Марта.

А Милица Артемьевна, обнимая племянника на прощание, шепнула ему на ухо:

– Чудесная девочка! Рада за тебя!

Минут пять они ехали молча.

– О чем вы там шушукались? – с улыбкой осведомился Бобров.

– О тебе, о чем же еще! Милица Артемьевна рассказывала мне, какой ты чудесный мальчик.

– А мне она на прощание шепнула, что ты чудесная девочка! А что-нибудь она обо мне еще говорила?

– Говорила, но просто в развитие темы чудесного мальчика... Миша, я все собираюсь тебя спросить...

– О чем? – напрягся он.

– А вот тот человек... Земцов... Он приглашал нас на дачу, на шашлыки...

– Да. И что? Ты хочешь поехать к нему?

– Нет, просто... Он тебя разыскивал... И мне показалось, что ты был рад его видеть?

– В самом деле, я был рад, очень рад увидеть его живым, я не был уверен...

– И как я поняла, он жив благодаря тебе?

– Ну, в известном смысле, но я не буду об этом говорить, нельзя. Ты должна учесть, что в нашей жизни частенько будут возникать темы и вопросы, говорить о которых я не вправе. Ты не должна обижаться на это.

– Я понимаю. А общие вопросы можно задавать?

– Какого рода?

– Вот ответ мне, если возможно, что заставляет молодого парня идти в шпионы?

– В разведчики, – со смехом поправил он ее.

– Прости, в разведчики?

– Ты удивишься, причины не модные нынче в определенных кругах – романтизм и патриотизм, – совершенно серьезно проговорил Бобров. – Ведь вступая на этот путь, ты должен ясно сознавать, что вполне можешь провести остаток твоих дней в тюрьме.

– А вас... не всегда обменивают?

– Увы... Мне повезло, меня обменяли еще довольно быстро...

– Боже мой. Ты, значит, эдакий Джеймс Бонд?

– Знаешь, если бы профессиональный разведчик вел себя как Джеймс

Бонд, он бы и суток не продержался, его бы раскрыли!

– А ты... ты только в Англии работал?

– Нет, но не могу об этом говорить.

– Поняла! Миша, а твои студентки, они на тебя не вешаются, а?

– Еще как вешаются! – засмеялся он. – Тут на днях одна так откровенно начала меня клеить...

– Красивая?

– Хорошенькая.

– А ты что?

– Объяснил, что со студентками шашней не завожу.

– Она отстала?

– Нет, пристала как банный лист... И в голосе ее даже звучала угроза...

– Миш, а ведь такая может тебя подставить...

– Не на того напала! Я ведь не только кухонной техникой увлекаюсь... – многозначительно улыбнулся он.

– Мишка, я уже ревную!

– Ох нет, не вздумай! Я стойкий оловянный солдатик! И вообще, мне никто кроме Марты Сокольской не нужен!

– Миш, еще вопрос!

– Валяй!

– Ты всегда такой элегантный, и вещи у тебя все высококлассные... Ты сам их выбираешь?

– Да! Грешен, люблю хорошую одежду. Да мне в последние годы и по статусу было положено одеваться в определенном стиле. Но вопрос о статусе мы сразу закрываем.

– Ну, кое-что я все-таки выяснила!

– И что же?

– Ты из тех мужчин, которые совсем не прочь прошвырнуться по магазинам?

– Признаюсь, грешен!

– А скажи, ты когда жил там... ты мог говорить по-русски?

– О нет! Ни говорить, ни даже думать. Я за семь лет не произнес ни слова по-русски.

– Ужас какой!

– Сначала было трудно, а потом привык, человек ко всему привыкает... Ну все, хватит вопросов обо мне. Теперь я спрошу!

– Спрашивай!

– Скажи, все, что ты обо мне знала раньше и узнала сегодня... Все это

вкупе тебя не очень пугает?

– Пугает? Да нисколько! Меня это восхищает, волнует и еще мне... мне хочется как-то скрасить что ли... возместить тебе...

Она опять заплакала.

Он погладил ее по щеке.

– Я понял. Ты будешь хорошей женой. Такой, как надо... И давай уже скорее поженимся и будем жить вместе. Хочешь у тебя, хочешь у меня. Не могу я больше так. Хочу быть с тобой. Знаешь, я сегодня ночью встал по естественной надобности, возвращаюсь, ты спишь сном праведницы, а на моем месте уже развалился Тимоша. Я взял его на руки, поцеловал в лобик и шепнул ему: это, брат, теперь мое место... И он понял, я лег, а он устроился рядышком и запел. Признал во мне хозяина.

– Миш, ты все это серьезно?

– В моем возрасте с моей биографией такими вещами уже не шутят. Ну так что скажешь?

– Скажу да! Что же еще? А жить пока будем у меня, ладно? Но ты как-то обмолвился, что пишешь книгу... Ты сможешь писать ее у себя, когда будет настроение... А через годик, если не разбежимся, сменяем обе квартиры на одну большую...

– Ты небось хочешь свадьбу?

– Да зачем? Была у меня уже свадьба. Тьфу! Больше не хочу! Я хочу знать, что вечером придет мой любимый муж и мне надо приготовить ему что-то вкусное... И поговорить с ним о том, какой вонючий козел Мануйлов... а в выходные поехать к тете Милице и пойти купить какой-нибудь новый чайник или блендер... И засыпать и просыпаться с тобой... А еще в один прекрасный день встретить тебя вечером словами: «Мишенька, у нас будет ребенок!» Вот! Я нахалка, да? Дура набитая? Плаксивая коза?

– Несомненно только то, что ты плаксивая коза! – счастливо рассмеялся он. Каждое ее слово попадало точно в цель, именно это он хотел услышать от нее, но не ожидал, что она будет так откровенна! Я люблю ее! – Тогда в понедельник пойдем и подадим заявление, я хочу, наконец, потерять свободу! Она мне уже опостылела!

– Нет, в понедельник нельзя, пойдем во вторник!

– Почему нельзя?

– День тяжелый!

– Согласен! Ты вероятно должна сообщить брату? – с замиранием сердца спросил Бобров.

– Не собираюсь! Я взрослая женщина. Если бы мы устраивали свадьбу,

дело другое, но так... Потом сообщу! А то он вмешиваться будет! Он хороший брат, но не слишком тактичный, думает, что должен лезть во все мои дела, а я не хочу!

– Ну и ладно! Знаешь, ты там у себя в редакции тоже пока не звони...

– А что? Кто-то из наших уже на тебя покушался? – насторожилась Марта.

– Из наших!

– Людка, что ли? Приставала?

– Я молчу!

– Не бери в голову! Она пристаёт ко всем новым мужикам!

– Вот, вышло, что я насплетничал. Нехорошо! А знаешь, ну их ко всем чертям эти секреты! Почему я должен опять что-то скрывать? К черту! Я полюбил женщину и хочу на ней жениться, это вовсе не должно быть тайной!

– Да уж, в твоей жизни и без того тайн до фига и больше!

Утром Бобров застал Марту в задумчивости стоящей у открытого холодильника.

– Ты что тут высматриваешь?

– Да вот размышляю, что приготовить на обед!

– Не вздумай! Сегодня пообедаем в ресторане. Я заеду за тобой после эфира и куда-нибудь махнем. Я вовсе не хочу, чтобы моя жена до работы судорожно что-то стряпала. Это надо делать с удовольствием, без спешки, всегда можно где-то перекусить или придумать что-то очень простое. Во сколько ты сегодня освободишься?

– В час!

– Отлично! Сразу поедem купим аэрогриль, и на ужин испечем картошку! Кстати, покупать картошку тоже буду я, имей это в виду! Ой, только не вздумай плакать!

– Мишка, ты чудо! Таких больше нет!

– Мое московское начальство тоже так считало, – засмеялся Бобров. – Кстати, я сегодня тебя отвезу, поеду к себе, возьму еще кое-какие вещи и заеду за тобой!

– Господи, как хорошо-то! Все, я не плачу! Миша, а ты вчера мне так и не ответил про Земцова. Ты не хочешь поддерживать с ним отношения, да?

– Если честно, не хочу! Но не из-за него, а из-за себя. Я не хочу неизбежных в таком случае разговоров о прошлом, о той работе. Пусть прошлое в прошлом и останется.

– Все, я поняла!

...Марта появилась в редакции за четверть часа до эфира, успела перекинуться несколькими фразами с сегодняшним гостем программы, модным ландшафтным дизайнером, который однажды уже был у них на программе.

– Сокольская, – окликнула ее Вика, – кофе хочешь?

– Нет, Вика, спасибо!

– Колись, – Вика понизила голос, – кто это тебя привез? Бобров?

– Он!

– Ох, как ты просияла! Все хорошо?

– Лучше и быть не может!

– После эфира пошепчемся?

– Сегодня никак! Он за мной заедет!

– Ничего себе! А когда сможем? Завтра, к примеру? Мне тоже есть что рассказать!

– Завтра? Да! Завтра сможем.

Марта побежала в аппаратную.

Передача шла в обычном режиме. Когда прервались на рекламу, в аппаратную заглянула Вика и сунула Марте в руки записку. Текст был такой: «Женитесь? Если да, кашляни, когда включишь микрофон!» Марта засмеялась. Вот не терпится Вике! И едва включили микрофон, она кашлянула. Корней, прекрасно знавший уловки подруг, погрозил Марте пальцем.

После эфира Вика пошла проводить Марту вниз, ей еще предстояло работать.

– Сокольская, вы что, заявление подали?

– Во вторник подаем!

– Класс! Только не вздумай менять фамилию. Сокольская круче звучит, чем Боброва.

– Ну, это как он захочет...

– Уууу! Уже растеклась в сироп?

– Ты не представляешь, какой он!

– Знаю. Крутой! В Интернете порылась, нашла его интервью двухлетней давности... Это отвал башки!

– А что там? – вдруг испугалась Марта.

– Биография – зашибись! И на каждом шагу государственные тайны. Так интересно! А как он с Тимошкой?

– Там взаимная любовь! Тимошка поет ему песни, а Миша его целует и уже вынашивает план, как весной вывезет кота на дачу!

– Мне это нравится! Ой, а вот и он!
В вестибюль вошел Бобров и с улыбкой направился к девушкам.
– Миша! Вот, Вика, познакомься, это Михаил Андреевич, а это Вика, моя лучшая подруга!
– Бобров! Очень рад!
– Ох, у вас не взгляд, а рентген! – поежилась Вика.
– На снимке все чисто! – улыбнулся Бобров. – Я рад, что у моей будущей жены такая подруга!
– Ну надо же! – смутилась Вика.
– Как эфир прошел? В штатном режиме?
– Да!
– Ну что ж, рад был познакомиться. Марта, можем идти?
– Да! До завтра, Вика!

В машине Бобров первым делом поцеловал Марту.
– Ты роскошно выглядишь сегодня!
– Тебе вправду понравилась Вика?
– Да. Иначе я бы промолчал. Я в людях разбираюсь. В ней нет дерьма!
– О, это правда!
– Расскажи о ней в общих чертах. Она не замужем?
– Была два раза. Первый раз выскочила за рок-музыканта. Он помер от наркоты. Ну, это по молодости... А второй муж у нее был хороший, даже очень, но альпинист. Получил травму в горах и стал инвалидом. Она выхаживала его как могла, продала все, что можно и нельзя, а он покончил с собой.

– Господи!
– Вика настоящий друг! Знаешь, когда я выгнала брата из-за тебя, он позвонил Вике, узнать, кого это любимая сестричка себе завела, так Вика ничего ему не сказала, только какие-то общие слова, и даже сказала, что тебя зовут Саша, а фамилии она якобы не знает.
– Ох, боюсь, я не понравлюсь твоему брату.
– А мне плевать на это! И потом, как ты можешь не понравиться?
Абсурд!
– Вон даже как! – улыбнулся Бобров.

Ему было хорошо сейчас. Войдя сегодня в свою холостяцкую квартиру, которую в общем-то любил, он вдруг почувствовал, что не хочет больше жить здесь, что ему здесь холодно и одиноко, а Марта каким-то удивительным образом оставляет ему его жизненное пространство, не

пытается взломать границы этого пространства, хоть и задает немало вопросов, что, впрочем, вполне естественно. Именно такая женщина мне нужна, и судьба столько раз сталкивала нас... и мне перестали сниться кошмары... Черт возьми, я должен не скрываться от Петровича, а совершенно открыто сообщить ему, что женюсь на его сестре. Мне не нужно его благословение, да и Марте тоже, но я должен это сделать. И Марте обязан во всем признаться, что за идиотская манера все утаивать... Просто бред! Решено, сегодня же поговорю с моей девочкой.

Они купили вожделенный аэрогриль.

– Миш, у тебя в глазах даже какой-то хищный блеск появился, как только мы вошли в этот магазин! – смеялась Марта.

– Может быть, может быть... – рассеянно ответил Бобров, оглядывая витрину с электрочайниками. – Смотри, тебе нравится вон тот, зеленый? По-моему, красота!

– Миша, ты с ума-то не сходи! Этот чайник стоит двадцать одну тысячу! Зачем такой нужен? Дышать на него? И потом, он займет много места. Нет, я такой не хочу! Знаешь, давай я сама выберу в Интернете, а ты мне его купишь?

– Ладно, согласен!

– Все, поехали обедать, я голодная!

– Марта, – начал он, когда они уже поели и ждали десерта, – девочка моя любимая, я должен тебе кое в чем признаться...

– Ой, – испугалась Марта.

– Знаешь, профессиональная привычка скрывать что надо и не надо...

– Миша, не пугай меня!

– Пугаться нечего. Ну, во-первых, я знаком с твоим братом. Мы какое-то время учились вместе. Мы звали его Петровичем, он такой был обстоятельный, разумный...

– Ну так это же здорово!

– погоди, это еще не все. Это я вернул ему твои часы...

– Что? Но как? Постой, это был ты? Там, на стоянке? Ты?

– Я. Но ты меня не узнала...

– Миша, не может быть... Так просто не бывает!

– Бывает, как видишь!

– Но я же тебе тогда, на катке, рассказала эту историю... Почему ты тогда не признался?

– Мне показалось, что это нечестно.

– Господи, что нечестно-то?

– Я понимал, что нравлюсь тебе и ты мне безумно нравилась, и я даже решил, что нас сама судьба сталкивает, но... мне показалось, что такое признание, как бы это сказать...

– Что такое признание будет чем-то вроде бонуса в моих глазах, да?

– Чудо мое, именно так... именно этими словами. С ума сойти можно...

– погоди, а что ты сказал Петьке?

– Сказал, что видел, что женщина на машине с мартышкой потеряла часы. Без подробностей. Я почувствовал, что он не хотел бы, чтобы я... чтобы ты... Но в тот момент мне было все равно, я еще не влюбился в тебя, я даже не заметил, какая ты красивая... Я просто...

– погоди, а когда ты нашел часы?

– Когда вернулся на стоянку, глубокая ночь, никого народу, валяются дорогие часы... Ну не отдавать же охраннику, скорее всего он их упрет. Ну я сунул их в бардачок и забыл. И вдруг вижу машину с мартышкой...

– И подумал: второй такой дуры в Москве нет, да?

– Ну в общем да, – рассмеялся Бобров. – И ведь оказался прав!

– А Петька-то каков... Слова не сказал, что был с тобой знаком. Я так хотела позвонить тебе и поблагодарить. А он этого почему-то не хотел... Ну и черт с ним!

– Знаешь, я решил сам сообщить ему, что женюсь на тебе.

– Это типа попросить моей руки?

– Типа того, хоть я и ненавижу эти слова-паразиты.

– А Петька может обидеться, что не я ему об этом говорю...

– Возможно, но ты уже обидела его на всю катушку, когда выгнала из дому.

– Ой, правда!

– И потом, если ты ему первая скажешь, получится, что ты вроде как спрашиваешь у него если не позволения, то, по крайней мере, благословения. А если я, то я просто поставлю его в известность. Только и всего.

– Ох, Бобров, непростой ты мужик!

Он молча развел руками.

– Мне нравится такая постановка вопроса! Вот сегодня вечером и позвоним. У них это будет воскресное утро, лучше момента и не выбрать... Господи, Миша, ты знаешь, тот человек, который меня спас на стоянке, представлялся мне ну просто идеалом мужчины, благородным рыцарем, и это все ты... Счастье-то какое! Скажи, а я тебе тогда понравилась?

– Ни чуточки! Что там могло понравиться? Зеленая как лягушка, глаза

мутные, страхолюдина одним словом.

– А тогда почему?

– Что почему? Почему я тебе помог? Просто потому что ты женщина, а я как-никак мужчина. Жизнь на Западе еще не вытравила из меня осознание гендерной разницы, – засмеялся он. – Стоп, Марта!

– Что такое?

– Знаешь, я при тебе теряю голову... Дело в том, что я упустил из виду тот факт, что Петрович работает в ООН.

– При чем тут это?

– А при том, что... Такой человек как я вполне может испортить ему карьеру.

– Что? – ахнула Марта.

– Я стопроцентно уверен, что все его связи отслеживаются, а связь столь непосредственная с бывшим разведчиком, это о-го-го какой компромат для спецслужб, особенно в нынешней ситуации...

– Для чьих спецслужб?

– Ну не для наших же!

– Господи, и что, ты теперь на мне не женишься? Чтобы не испортить Петькину карьеру?

– Глупости, конечно, женюсь, смешно даже думать... Ох, глаза уже полны слез! Просто мы не станем сообщать ему пока. А вот приедет в Москву, тогда и скажем. И ты в соцсетях не выкладывай пока ничего.

– Да я вообще это терпеть не могу. Миш, а ты представляешь себе, сколько в Москве, не говоря уж о всей России, Михайлов Андреичей Бобровых? До фига и больше!

– Именно! Мы спокойно распишемся, будем жить... Никто тебя не отслеживает сейчас, а вот Петровича там отслеживают наверняка. Так что не станем мы ничего сообщать твоему брату.

– Ну и хорошо! Тебе виднее! Господи, ты уже не шпион... Прости, не разведчик, а должен все равно все это учитывать, отслеживать... Ужас какой-то! Ты и сейчас не можешь расслабиться...

– Да в том-то и беда, что с тобой я так расслабился, что чуть не наделал глупостей, это мне минус!

– Миша, скажи, а Петька... Он тоже разведчик?

– Нет, конечно! Он, что называется, карьерный дипломат, со временем может стать чрезвычайным и полномочным представителем или послом... Или даже министром иностранных дел!

– Ох...

– Ладно, маленькая моя, не бери в голову. Я знаешь что придумал?

– Ну?

– Я придумал, как мы отметим нашу свадьбу?

– И как?

– Мы накроем стол в саду под кустами цветущей сирени. Ты, я, Миля и твоя Вика! Как тебе такая идея?

– Просто восторг! Я уже вижу этот стол... И знаешь, что я придумала со свадебным путешествием? Ведь у нас будет свадебное путешествие?

– А как же! Так что ты придумала?

– Давай поедem в какие-то города, где будет в это время цвести сирень, а?

– Господи, какая роскошная идея! Но как не промахнуться с сиренью?

– А у меня есть знакомый ландшафтный дизайнер, он как раз сегодня был у нас на эфире, хороший дядька, он наверняка скажет...

– Ты имеешь в виду Россию?

– Ну да, а что? В России сейчас есть такие отели! Мы с Викой в прошлом году были в Липецке, делали один репортаж, так нам сняли номер в отеле, обалдеть, лучше, чем пятизвездочный в Берлине, где я была года три назад. Короче, это я возьму на себя...

– Ох, Марта, какой же я счастливый! Даже самому не верится.

– И мне не верится. Только давай пока не будем говорить про все это, а то сглазим, не дай бог!

– Ты еще и мудрая.

– Миш, а ты вот как-то обмолвился, что пишешь книгу... О чем?

– Ну, если в двух словах, то это специальная книга... А ты решила, что я пишу шпионский роман? – ласково улыбнулся Бобров.

– А почему бы и нет? Это могло бы быть безумно интересно...

– Ты хочешь быть женой популярного писателя?

– Да боже упаси! Я после института два года работала в издательстве. Навидалась! Они в большинстве своем самовлюбленные придурки! Я хочу быть женой господина Боброва, независимо от рода его деятельности. Вот!

– Ну, тут уж и мне впору разрыдаться! Но я, к сожалению, этого не умею!

Забавы молодых

– Михаил Андреевич! – окликнула его студентка Гаврюшина.

– Слушаю вас!

– Михаил Андреевич, мне нужно сдать зачет, я болела...

– Ну что ж, я приму, завтра в шестнадцать тридцать. Опоздаете, пеняйте на себя!

В глазах девицы мелькнуло торжество. Ну, голубушка, ты, похоже, готовишь мне ловушку... Ты еще не усвоила истину, что тот, кто роет другому яму... Но я тебе это объясню.

На другой день ровно в шестнадцать тридцать юная красотка заглянула в пустую аудиторию.

– Михаил Андреевич, можно?

– Вы точны, это похвально! Садитесь. Итак, начнем, скажите-ка мне, Гаврюшина...

Она начала отвечать довольно сбивчиво. Он подошел к окну, но при этом краем глаза наблюдал за девушкой. Боже, до чего же примитивно! Девица расстегнула кофточку, выставив напоказ прелестные юные грудки. Он резко обернулся.

– Это что? – холодно спросил он. – Рассчитываете, что я вам за это поставлю зачет?

Она явно ожидала другой реакции.

– Но... мне говорили...

– Если говорили, то врал! А скорее всего, врете вы! Не знаю, какую цель вы преследуете...

– Я люблю вас! И хочу!

– Это ваше сугубо личные проблемы. Я вас не люблю и даже не хочу, хоть вы и красиво смотрите в таком виде. Но все же запахнитесь хотя бы. И передайте подружкам, что на меня такие штуки не действуют.

– Хотите сказать, что вы импотент?

– Нет. Просто не люблю вульгарных навязчивых девиц. Вероятно, у вас задуман второй акт? Вы сейчас порвете на себе кофточку, рыдая выскочите в коридор, с криком, что доцент Бобров пытался вас изнасиловать? Ведь так?

– А что мне помешает! – в ярости выкрикнула девчонка. – Я такого порасскажу, ввек не отмоетесь, и из института вас выгонят, и в тюрьму еще

посадят, видно, не насиделись еще!

И она резко рванула кофточку, но ее смущала насмешливая улыбка Боброва.

– Ну что же вы? Вперед! Хотя не советую! Ладно, учитывая ваш юный возраст, я позволю сейчас вам уйти тихо и спокойно. Но если повторится еще что-то подобное, о ваших действиях узнает весь институт!

– Да кто вам поверит! Поверят мне! Я молодая девушка, а вы... старый... прожженный...

– Вот именно, что старый прожженный. И не вам, Гаврюшина, со мной тягаться! А чтобы вы не сомневались, не думали, что я блефую, посмотрите и послушайте!

Бобров повернул к ней стоявший на столе ноутбук, где вся эта сцена с самого начала была записана во всей своей неприглядности.

– Ну как? И кому поверят?

– Но как... как вы догадались?

– Да у вас на лбу все написано! Такой противник как я, вам не по зубам, зарубите это на своем хорошеньком носике! И запомните на всю жизнь, если папа с мамой вам это не внушили: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь»! Вот вам классический пример! И подите отсюда вон! Зачет сдавайте другому преподавателю. Мне слишком противно вас видеть! Свободны! И прикройтесь! Вон, у вас шарфик заготовлен, из сумки вывешивается...

Девчонка выкатилась вон. Какая гадость! Никакого торжества он не чувствовал, только гадливость. А ведь другой, менее прозорливый человек, вполне может попасться на эту удочку.

Бобров вдруг ощутил ужасную усталость. Хочу к Марте! Не буду я ей об этом рассказывать. Зачем? Но запись надо сохранить, мало ли что еще эта девица придумает. Со мной она вряд ли на что-то подобное решится, а кого-то другого вполне может подставить. У них теперь спорт такой...

Он знал, что Марты сейчас нет дома, но он любил возвращаться даже в пустую квартиру. Навстречу ему непременно выходил Тимоша и вел его прямоком на кухню, кормить.

– Сейчас, мой хороший, только открою баночку... Ну вот, половинку сейчас, а вторую на ночь...

И тут кто-то позвонил в дверь.

Он пошел открывать.

– Кто там?

– Простите, а Марта дома?

Бобров открыл дверь. На пороге стояла миловидная женщина лет сорока, очень элегантная, с пакетами нью-йоркских магазинов в руках. Она с любопытством воззрилась на Боброва.

– Марты нет дома! А вы, судя по всему, жена Петра Петровича?

– Да! Как вы догадались? И вообще, вы кто?

– Я... считайте, что я муж Марты, хотя распишемся мы только через месяц! – обворожительно улыбнулся Бобров. Он это умел. – Да вы заходите! Марта появится часа через полтора. Мы пока познакомимся с вами. С Петром Петровичем я знаком...

– А он мне ничего не говорил.

– Мы знакомы с ранней молодости, но не в связи с Мартой! Хотите кофе или чаю?

– Ну что ж, в самом деле, надо нам познакомиться. Ирина!

– Михаил!

– И, пожалуй, я выпью кофе! Я тут привезла Марте подарки...

– Спасибо, думаю она обрадуется. Вот, прошу вас! Сахар, сливки нужны?

– Нет-нет, спасибо! Скажите, Миша, если у вас это всерьез, то почему, собственно, Марта ни о чем нам не сообщила, или хотя бы мне? Мы с ней в очень доверительных отношениях!

– Видите ли, Ира, известие о том, что сестра Петра Сокольского выходит за меня, может здорово навредить его карьере в США.

– Это каким же образом? Кто вы такой?

– Я бывший разведчик.

– Бывший? Вас раскрыли?

– Меня предали. Возможно, вы слышали, несколько лет назад был громкий скандал...

– В Англии? Вы Бобров?

– Совершенно верно.

– О да, я слышала. А что вас связывает с Мартой? Она-то каким боком...

– Никаким! Это чистейшая случайность, вернее, даже цепь случайностей, в результате которой возникла такая старомодная штука, как любовь...

– Простите! Я не хотела вас задеть. Просто у нас у всех уже мозги набекрень. Никогда раньше не было так тяжело и даже противно работать в ООН.

– Могу себе представить...

– Миша, а чем вы сейчас занимаетесь?

– Преподаю, работаю на радио, пишу книгу. Иными словами, я на плаву... Но теперь вы поняли, почему мы ничего не сообщили вам?

– О да!

В этот момент Тимоша наострил уши, соскочил со стула и побежал в прихожую.

– Марта идет! – улыбнулся Бобров.

– Не говорите ей с порога, что я тут! Сделаю ей сюрприз!

Бобров тоже вышел в прихожую.

– Мишенька, ты давно пришел?

– Да уж час назад. Ужин приготовил! Идем скорее на кухню!

– Там кто-то есть? – шепотом спросила она, по его тону поняв, что они не одни.

Он молча кивнул.

– Ой, Ирка! – завизжала она при виде невестки. – Ирка, как же я рада! Ты уже познакомилась с Мишей? Правда, он классный? Ой, дай я тебя поцелую! Ты надолго в Москву? Одна или с Петькой?

– Погоди, столько вопросов сразу! Я одна, на неделю и мы, естественно, уже познакомились!

– А Миша тебе сказал, что у нас в конце мая свадьба?

– Сказал, конечно! Я рада за тебя!

– Ирочка, вы поужинаете с нами?

– С удовольствием! А вы умеете готовить?

– Кое-что! Я заехал на рынок и купил форель...

– Ой, Ирка, это так вкусно! Он ее какими-то травками начиняет...

Форель и в самом деле была выше всяких похвал. Потом пили чай с вафлями. Бобров перевез свою заветную вафельницу к Марте и ее коробка с надписью «Вафли по-шпионски» почти всегда была полна. Ирина долго хохотала, увидев эту надпись.

– Ну вот что, девочки, вам небось охота поболтать с глазу на глаз, так вы идите в комнату, а я тут все приберу.

– Ирка, чуешь, какое сокровище мне досталось?

– Да уж, чую!

Они уселись с ногами на диван.

– Мартышка, ты вся светишься... От счастья, да?

– Конечно! Я так его люблю... Он самый лучший! Знаешь, как мы познакомились?

И Марта рассказала Ирине всю историю своих отношений с Бобровым.

– Как ты могла его не узнать?

– Мне тогда было так плохо, что я просто не запомнила... А Петька сволочь! Не хотел, чтобы я с Мишей знакомилась. Но сама судьба за нас! Да, а Петька тебе не рассказывал, что я его выгнала?

– Кого? Петьку? Как выгнала?

– Он явился в момент, когда Миша должен был первый раз ко мне прийти, а тут здрасьте, я ваша тетя, Петька нарисовался, я его и выгнала...

– И правильно сделала! Что это за мода! Хотя я тоже сегодня явилась без предупреждения... Но все, больше не буду!

– Теперь можно! – засмеялась Марта.

– Тебе с ним легко?

– Очень! Легко, уютно... Только иногда до слез жалко его бывает!

– Жалко?

– Ну да... О иногда сидит... какой-то понурый, потухший, думает о чем-то явно тяжелом... Я подойду к нему сзади, обниму, поцелую в затылок... А он повернется, спрячет лицо у меня на груди, как-то судорожно меня обнимет и замрет. Мне всякий раз кажется, что он плачет... Но нет, глаза у него всегда сухие. Но в них есть что-то такое... Но я никогда не спрашиваю, что с ним, и мне кажется, он за это мне благодарен...

– Ох, как ты его любишь... И это прекрасно! Мне показалось, что он тоже тебя здорово любит. У него есть какая-нибудь родня?

– Только тетка, Милица Артемьевна, чудесная старая дама, живет на даче. Мы раз в неделю к ней ездим. Она так меня приняла...

– А свое жилье у него есть?

– Да, тоже двушка в Ясенево. Но там неуютно... Он помешан на всякой бытовой технике, это у него пунктик. Вафли себе пек... Я когда узнала, плакала... Это же все от одиночества... Чтобы такой человек, с такой биографией, на двести процентов мужик, пек вафли...

И глаза Марты вновь налились слезами.

– Я тебя понимаю, это действительно грустно, – кивнула Ирина. – А какие еще слабости ты у него обнаружила?

– Одеваться хорошо любит, по магазинам с удовольствием ходит. Он тут недавно затащил меня в один бутик и буквально заставил купить такую вещь, какую я сама бы сроду не купила.

– Покажи!

Марта вытащила из шкафа черный комбинезон из тонкого трикотажа.

– Слушай, как красиво и наверняка тебе идет! Ну-ка, примерь!

– Я еще ни разу в нем никуда не ходила.

– Ох, как тебе идет! И классная вещь! Так дорого смотрится!

– И стоит тоже... Ты правда считаешь, что мне идет?

– Не то слово! И как стройнит... Ой, я же совсем забыла, что привезла тебе подарок... Ну как чувствовала!

Ирина выскочила в прихожую, схватила самый большой пакет.

– Вот, держи!

– Это что?

– Это к лету!

В пакете оказалось длинное платье, не вечернее, а летнее, нежно-сиреневого цвета, а к нему сиреневые босоножки на высокой шпильке.

– Ирка! – заплакала Марта. – Ирка, я в этом буду замуж выходить! Ирка, как ты угадала! У нас свадьба задумана с сиренью...

– Как с сиренью?

Марта объяснила.

– А что... Красивая задумка... Ну тогда уж точно это платье сгодится! Ну, я рада!

– Ир, а вы с Петькой не сможете приехать?

– Боюсь, что нет.

– Жалко.

– Мне тоже. Слушай, Марта, а как ты думаешь, мне рассказать Петьке про свадьбу?

– А почему нет?

– А черт его знает, как он отреагирует... Он в последнее время стал такой дерганый, иногда просто бешеный. На мне срывается, я, конечно, терплю, понимаю, что с ним творится... Как-то даже напился дома, я удивилась, а он говорит, господи, хоть бы меня с этой работы выгнали... А когда под Новый год наших дипломатов вытурили в одночасье, он говорил, что завидует... Так, говорит, в Москву охота... Нет, лучше я ничего ему говорить не стану.

– Ну, тебе виднее.

– Понимаешь, он может так взбеситься, что каких-нибудь глупостей натворит, нет, молчание золото!

– А ты в командировку?

– Конечно. И тоже уже домой хочу, сил нет! Ох, Мартышка, вызови мне такси! Домой поеду, спать... Устала страшно!

– Может, у нас переночуешь?

– Нет, спасибо! Хочу утром проснуться в своей квартире. И мама завтра приезжает повидаться.

Мать Ирины жила в Орле.

Бобров проводил Ирину до машины.

– Рад был познакомиться, – сказал он на прощание.

– И я! Мартышка вся светится... Спасибо вам за нее. Она хорошая, берегите ее.

– Непременно!

– А она милая, – заявил он с порога.

– Да. Петьке повезло! Миш, у тебя что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Чувствую.

– Да ерунда, рабочие моменты.

Ему страшно не хотелось рассказывать Марте об идиотском демарше Гаврюшиной. Марта разнервничается, а зачем? Он чувствовал, что девчонка что-то еще выкинет. С ним она вряд ли рискнет связываться, но злобу точно затаила.

Ночью он проснулся, тихонько встал. Сработала интуиция. Это не было чувство опасности, нет, скорее ощущение какой-то своей недоработки, что ли... Он вышел в другую комнату, открыл ноутбук. И через пять минут поздравил себя с тем, что интуиция по-прежнему срабатывает.

Покопавшись в Интернете, он нашел то, что искал. Гаврюшина кому-то сообщала следующее: «Полный облом! Б. бывший шпион, разгадал меня, с ним связываться дальше опасно! Может засветить! Предлагаю заняться в этом плане каким-нибудь лохом! Например, Ф. Д. Полный лох! И все прохиляет, тем более, он вообще гражданин другой страны. Вот шуму-то будет! Пропремся по полной! Тут все каналы за меня драться будут! Как идея?» В ответ пришло письмо: «Улет! Действуй! Но выжди недельки две». «Есть, босс!»

Бобров рассмеялся. Все как на ладони! Девчонка рвется на телеэкран! Ну еще бы! Жертва изнасилования, а тем более гражданином другой страны! Круто! Еще круче, чем «бывший шпион» «Ф. Д.» – это преподаватель испанского Франко Дуарте, молодой человек, беззаветно влюбленный в русскую литературу, пишущий труд о взаимодействии русской и испанской культур, и в самом деле несколько лоховатый... Такой вполне может попасться на удочку юной красотки. Ничего, я завтра же его предупрежу, пусть будет начеку.

Утром он поехал в МИД, потом у него была встреча с журналистом, он

давал интервью, а потом поехал в институт. Едва он вошел, как к нему подошла коллега, преподаватель истории Фрида Марковна, очень славная немолодая тетка.

– Миша, мне необходимо с вами поговорить!

– Слушаю вас, Фрида Марковна!

– Нет, это на ходу нельзя. Вы когда освободитесь?

– У меня сегодня нет лекции, мне только нужно взять справку в деканате, надеюсь, это много времени не займет. Если вы подождете меня немножко, я приглашаю вас в кафе. Подкрепимся и поговорим без посторонних глаз и ушей.

– Чудесно! Пойти в кафе с таким интересным мужчиной, в моем возрасте это само по себе удовольствие! Бегите за вашей справкой, я жду вас здесь!

– Бегу!

Он действительно пошел в деканат, где весьма благоволившая ему секретарша Анжела сразу же выдала ему справку.

– Вот, Михаил Андреевич, я уже приготовила!

– Благодарю вас, Анжела, вы как всегда сама любезность! Извините, должен бежать!

Фрида Марковна обрадовалась столь скорому его появлению.

– Вы на машине?

– Да!

– Предлагаю поехать в какой-то другой район, в целях конспирации!

– Боже, Фрида Марковна, вы меня пугаете! – улыбнулся Бобров.

– Миша, я просто, честно сказать, в глубоком замешательстве! – начала она, едва они сели в машину.

– Я весь внимание!

– Миша, я совершенно случайно услышала один разговор... Он касался вас.

– Меня?

– Да, именно вас.

– А кто разговаривал-то? Уж не студентка ли Гаврюшина?

– Боже, откуда вы знаете? Она уже что-то предприняла?

– О да! Но она так глупа и примитивна...

– Миша, она отвратительна! И у нее весьма влиятельный папаша. Но что она сделала?

– О, как я понял, была задумана провокация с далеко идущими целями... Вам лучше и не знать...

– Нет уж, Миша, я должна знать все! Предупрежден значит вооружен!

– Да, безусловно, я все вам расскажу, но в данный момент опасность грозит не вам и даже не мне, а несчастному Франко.

– Господи помилуй! Да в чем дело? Говорите! Я не гимназистка!

– Хорошо! А вот мы и приехали! Сейчас закажем что-нибудь и я ничего от вас не утаю. А у вас случайно нет телефона Франко?

– Есть!

– Прошу вас, Фрида Марковна, позвоните ему, и если он свободен, позовите его сюда. Я мало с ним знаком, а к вам он прислушается...

– Я попробую. Алло! Франко? Это Фрида! Ты сейчас свободен? Тогда немедленно приезжай в кафе «Мадлен», запиши адрес, это очень-очень важно для тебя!

– Приедет?

– Да, уже выезжает. Он встревожился!

– И это хорошо! Что будете заказывать?

– Только черный чай с лимоном!

– Может какой-нибудь десерт?

– Нет, у меня аппетит отшибло! Умоляю, Миша, не томите!

– Хорошо! Итак, была задумана провокация, жертвой которой должен был стать я. Барышня задумала спектакль, но обломалась. Не на того напала.

– Как я поняла, она собиралась обвинить вас в изнасиловании?

– Именно!

– А вы догадались?

– Конечно. Там все было шито белыми нитками. Я подстраховался и снял все это на видео. Это было вчера. А ночью меня осенило, я полез в соцсети и обнаружил, что теперь объектом будет Франко.

– Помилуйте, Миша, но зачем все это?

– Это так круто – оказаться в центре сексуального скандала, такая молоденькая, хорошенькая будет рыдать на федеральном канале, получит миллионы лайков, мужика по-любому посадят, а она станет звездой Интернета.

– Но почему нужен именно преподаватель нашего института?

– А это тоже круто! Бывший разведчик, прожженный циничный тип, в Англии сидел, теперь и тут посидит... Но я избежал этой участи, так теперь еще круче – иностранец, совсем красота!

– Боже, какая мерзость! Что за поколение растет!

– Надеюсь, это наихудшая часть поколения, потому что в основном-то наши студенты вполне нормальные ребята...

– Миша, а у вас есть эта запись?

– Разумеется!

– А то, что вы нарыли в Интернете?

– И это тоже!

– Вот и прекрасно! Мы сейчас поговорим с Франко, а потом все вместе пойдем к ректору! Хотя нет, вам это, вероятно, как теперь говорят, запахло... Сделаем иначе! Я с вашими записями пойду к ее папаше! Ему подобный скандал тоже вряд ли нужен! Тем более что ректор сейчас в отъезде.

– Нет! Об этом не может быть и речи. Я не могу подставлять даму, кто знает, как этот папаша отреагирует...

– Но надо же действовать!

– У нас есть время, они пока решили взять тайм-аут! Что-то придумается.

Фрида Марковна сидела, ломая руки.

– Миша, скажите, зачем такой девке, не могу подобрать для нее другого слова, учиться в нашем институте? Это же уровень самый низкопробный...

– А скомпрометировать институт это тоже круто! Оказывается, туда берут преподавателей практически педофилов... Я думаю, она ненавидит наш институт, сюда ее видимо определил папаша, она не тянет здесь, чувствует, вероятно, что большинство студентов относятся к ней свысока, вот она и решила отомстить всем сразу. И папаше, и институту, и заодно устроить себе грандиозный бесплатный пиар...

– Да, думаю, вы правы. Я вот видела какую-то передачу, там была девчонка, школьница, последняя оторва, хамка, посадила явно хорошего парня и стала-таки звездой Интернета, да еще ее пригласили в кино сниматься... Такая гадина!

– Вот видите!

Тут появился Франко, высокий, очень худой, в очках с толстыми стеклами. Он близоруко вглядывался, ища Фриду Марковну. Она помахала ему рукой.

– Вот и я! О, господин Бобров? Здравствуйте! Что-то случилось?

– Пока нет, но может случиться... Вы студентку Гаврюшину знаете?

– Да, красивая девочка, но неспособная... А в чем дело?

Бобров постарался как можно деликатнее все ему объяснить.

– Вы это серьезно? Это не розыгрыш? – не поверил своим ушам Франко. – Как такое возможно? Я вам не верю!

– Не верите? Тогда смотрите! – рассердился Бобров. Он не привык, чтобы ему не верили.

Франко молча смотрел запись, а Фрида Марковна только тихонько вскрикивала.

– Какая гадость! – наконец произнес Франко. – Но причем тут я? Эта девочка, как и многие наши студентки, без памяти влюблена в господина Боброва...

– Что за бред?

– Это не бред. Вы в их глазах герой. Но никак не я!

Болван! – про себя произнес Бобров.

– А вот причем! – и он показал недоверчивому испанцу то, что нарыл в Интернете.

– Вы и теперь не верите? – холодно спросил Бобров.

– Верю, но не понимаю, зачем...

– Франко, нельзя быть таким тупым! – взорвалась Фрида Марковна. И объяснила ему, в чем корысть студентки Гаврюшиной.

– И что, ей бы поверили?

– Конечно! Многие захотели бы поверить, а там пойди, докажи...

– Но, коллега, извините, я очень благодарен вам за предупреждение... Но как же мне быть? Я не умею с этой техникой управляться...

– Не оставайтесь с ней наедине! Ни при каких обстоятельствах. А если вдруг начнет приставать, скажите, что Бобров вас предупредил! Сразу отвянет...

Они еще долго судили и рядили, как со всем эти быть, и пришли к выводу, что когда вернется ректор, они втроем пойдут к нему.

Однако ситуация разрешилась самым неожиданным образом. На следующий день Боброву вдруг позвонили.

– Это господин Бобров? – спросил усталый мужской голос.

– Да. С кем имею честь?

– Господин Бобров, моя фамилия Гаврюшин, Анатолий Васильевич.

– Слушаю вас, – очень холодно произнес Бобров.

– Господин Бобров, давайте не по телефону! Вы сейчас в институте?

– Нет, я в МИДе. А в чем дело?

– Позвольте, я через четверть часа подъеду и мы поговорим.

– Исключено. Я буду занят.

– Господин Бобров, поверьте, я отлично понимаю, что вам противно даже слышать мою фамилию. Но поверьте, это важно! Я готов приехать куда и когда вы скажете!

Интонация у Гаврюшина была даже заискивающей.

– Ну хорошо, через два часа в сквере на Кудринской площади, у

высотки.

- За вами прислать машину?
- Благодарю вас, не нужно.

Интересно, что ему понадобилось? Он настроен совершенно не агрессивно, явно не собирается угрожать. Скорее всего, будет просить уничтожить запись. Ну уж нет...

Бобров пришел минута в минуту, а вскоре появился и Гаврюшин. Бобров видел его фотографию в Интернете. Это был весьма вальяжный господин лет пятидесяти пяти, рядом шел еще какой-то мужчина. Охранник, сразу сообразил Бобров. Он шагнул навстречу.

- Анатолий Васильевич?
- А вы Михаил Андреевич?
- Да. Может, мы присядем?
- Да-да, разумеется.

Вид у важной шишки был убитый. Доченька допекла, подумал не без злорадства Бобров.

- Степа, поди погуляй! – распорядился Гаврюшин.

Охранник не пошел гулять, а переместился на другую скамейку.

– Итак, Михаил Андреевич, я, прежде всего, должен объяснить вам... Кроме дочери, у меня есть сын, старший, в отличие от Маргариты он нормальный и очень дельный парень. Позавчера он пришел ко мне и рассказал, что его сестра, как он выяснил... привожу дословно: «подлая гнусная тварь, для которой нет ничего святого, которая ради весьма сомнительной, ничтожной популярности готова сломать не одну жизнь». Сын задыхался от негодования, его буквально трясло... Оказалось, что в пьяном виде Ритка разболтала брату о своих намерениях. И о том, что вы, Михаил Андреевич, ее переиграли, и если вас ей провести не удалось, то она отомстит всем, и отцу и всему этому долбаному институту. Я сначала не мог поверить, но сын привел весьма убедительные доказательства... Короче, я все это пресек в зародыше! Она больше ни для кого опасности не представляет!

- И что вы с ней сделали?

– Отправил в кругосветное путешествие, на маленькой яхте, где капитаном мой родной брат. Там ей мало не покажется! Мой брат человек в высшей степени суровый и уж он ей спуска не даст. Там ей некогда будет измышлять всякие гадские интриги... Не до того будет!

- Круто! – улыбнулся Бобров.

– Это я виноват... Я запихнул ее в ваш институт, думал, вдруг за ум возьмется, но, похоже, ей не за что браться. Ее мамаша была точно такая же. Михаил Андреевич, сын сказал мне, что у вас есть запись... Вы не покажете ее мне?

– Мне кажется, вам не стоит ее смотреть.

– Стоит! Очень даже стоит! Это укрепит меня в правильности моего решения...

– Это как-то не по-джентльменски с моей стороны, но, впрочем, вся история уж очень далека от правил хорошего тона. Смотрите!

Гаврюшин был бледен, потом побагровел...

– Господи, какую шваль я вырастил! Знаете что, господин Бобров, скиньте мне эту запись. Чтобы я не расслабился в какой-то момент, не пожалел бедняжку... Всегда надо помнить и знать, на что способны твои родственники! А вы молодец!

Бобров молча пожал плечами.

Гаврюшин достал из кармана плаща какие-то таблетки. Сунул одну в рот.

– Вам плохо?

– А разве может мне быть хорошо? Ничего, я справлюсь. У меня остался еще сын, и вот уж он... нормальный хороший парень... Скажите честно, Михаил Андреевич, вы чего-то совсем другого ожидали от разговора со мной?

– Пожалуй, да, – улыбнулся Бобров.

– Думали, я буду на вас наезжать, требовать запись, так?

– Ни о чем конкретном я не думал, но, должен сознаться, разговор оказался для меня приятным сюрпризом. Думаю, лучшего способа повлиять на вашу дочь и выдумать нельзя. Если ей так нужна интернет-популярность, пусть ищет ее не в качестве жертвы насильника, а в качестве...

– Морской волчицы, да? – усмехнулся Гаврюшин.

– Именно!

– Еще один вопрос. Как, по-вашему, я должен встретиться с этим испанцем?

– Полагаю, что нет! Там ведь были только намерения...

– Но он о них знает?

– Разумеется, я счел своим долгом... Не беспокойтесь, Анатолий Васильевич, я сам с ним поговорю, успокою его. С вас и без того довольно! Позвать вашего охранника?

– Нет, не надо. Я еще посижу, отдышусь. И спасибо вам за понимание!

Всего вам доброго!

– И вам!

Бобров ушел, немало удивленный. Подумать только! Из машины он первым делом позвонил Франко и успокоил его.

– Спасибо, господин Бобров! Камень с души...

– У меня тоже!

– Я скажу Фриде?

– Конечно!

На редкость благополучно разрешилась эта история, но гадкий осадок все-таки остался.

Куда иголка, туда и нитка

Петр Петрович, встретив жену в аэропорту, сразу спросил:

– Ты Мартышку видела?

– Ну а как же! Конечно, видела!

– Ну и что за мужик у нее завелся?

– Кажется хороший, порядочный...

– Ты его видела?

– Мельком! Я уже уходила, а он пришел, внешне очень приятный, Мартышку явно любит, а уж она... цветет как майская роза...

– Чем он занимается?

– Он преподает что-то в вузе, я забыла в каком. Хорошо воспитан, больше ничего сказать не могу!

Петр Петрович не поверил ни одному слову жены. Чтобы такая дотошная женщина как Ирина чего-то не узнала, чего-то не запомнила... Абсурд! Значит, они обе что-то от меня скрывают. Ну, Мартышка тайны разводит, это понятно. Но если бы этот мужик Ирине не понравился, она бы мне сказала, забила бы тревогу. Она же любит Мартышку. Значит... Значит, он ей определенно понравился, но они обе решили скрыть от меня, кто он такой. И кто же? Какой-нибудь славный парень, никчемный художник или артист, который обаял моих женщин? Хотя, что тут скрывать? Был уж у Мартышки один артист... Нет, тут что-то другое.

И на следующий день, когда Ирина уже была с головой погружена в работу и они вместе собрались пойти на ланч, он вдруг огорошил ее вопросом:

– Иришка, я что-то запамятовал, как ты сказала зовут Мартышкиного мужика?

– Миша, – машинально ответила Ирина.

И тут Петра Петровича осенило!

– Ну да, Миша, Бобров, кажется?

– Бобров. А что? Петя, что с тобой?

– Бобров? Миша Бобров? Я этого не допущу!

– Господи помилуй, почему?

– А ты не знаешь, кто он такой? Не помнишь?

– Да все я знаю, все я помню, но ты-то чего так яришься? Он классный! И, если хочешь знать, он не позволил Марте и сам не стал сообщать тебе об их намерениях, именно чтобы не подвести тебя! А так ты

можешь себе представить, сколько в России Бобровых, даже и Михайлов Андреевичей? Неисчислимое множество!

– Нет и нет! Я этого не допущу!

– Что значит, ты не допустишь? Они уже живут вместе, обожают друг друга и в конце мая поженятся.

– Я это поломаю!

– Еще чего! С какой стати?

– Он сделает ее несчастной! У него такая сложная тяжелая биография. Эти бывшие... очень тяжелые люди... И вообще... Я не желаю, чтобы Мишка Бобров был моим родственником! Не желаю!

– Он сделал тебе что-то плохое?

– Ничего он мне не сделал! Но такой судьбы я Мартышке не желаю, пойми ты это наконец!

– Но она же любит его!

– Большое дело ваша бабья любовь! Разлюбит! И вообще, я маме обещал, что буду заботиться о ней!

– Ничего себе забота – поломать сестре жизнь. Имей в виду, уж этого я не допущу!

– Окстись! Ты же ничего не понимаешь! Это никакая не любовь, а тонко спланированная интрига, направленная против меня, именно с целью меня скомпрометировать.

– Петя, обратись-ка к психиатру! Это чистый воды паранойя! Это кому же понадобилось так сложно действовать? Ты сам-то себя слышишь? Если бы ты их видел! Как они смотрят друг на друга...

– Да, кажется я перегнул палку... Просто не люблю я этого Мишку. Смолоду не люблю...

– Он что, у тебя какую-нибудь девчонку отбил?

Петр Петрович вдруг покраснел.

– Не то чтобы отбил, но... – пристыженно рассмеялся он. – И еще его тетка преподавала у нас французский и вечно придиралась к моему произношению...

– Господи, детский сад! – скривилась Ирина. – Устроил тут истерику, фу... Как-то не по-мужски!

– Ну конечно, Мишка Бобров идеал мужика!

– Представь себе! По крайней мере, твоей сестре так кажется. Она заслуживает счастья!

– Тоже мне счастье... Мишка Бобров! Он это специально, назло мне...

– Петя, я выходила замуж за блестящего, умного, молодого дипломата, а ты превратился в старого истеричного придурка! – рассердилась Ирина. –

Да зачем ты ему сдался, этому Мишке Боброву? После всего, что он пережил... Смешно, ей богу! Вот если б ты у него когда-то девушку отбил, еще можно было бы понять твою логику...

– Ну да, да, ты кругом права... Я действительно уже стал параноиком... Но тут поневоле спятишь, когда ежечасно нужно доказывать, что и сам ты не верблюд и страна твоя тоже не страна верблюдов... Тьфу!

– Вот! Это уже ближе к норме! – улыбнулась Ирина.

– Ну, а теперь в двух словах расскажи, что там у них?

– Зачем в двух? Хватит и одного: любовь!

– Ну дай-то Бог!

– Миша, – обратилась к Боброву Фрида Марковна, – у вас что-то хорошее в жизни случилось? Вы так помолодели... Неужели любовь?

– Это так заметно? – улыбнулся Бобров. – Как мужчине мне это приятно слышать, а вот как разведчику – это мне минус!

– Так вы уже экс-разведчик! А мужчина... Вы и так-то были интересный, и наши девчонки к вам сильно неравнодушны, Франко не зря тогда сказал... А сейчас вы какой-то другой... Колитесь, Миша!

– Должен признать вашу правоту!

– Я счастлива за вас!

– Спасибо, Фрида Марковна! – улыбнулся Бобров и поцеловал ей руку.

– И кто же эта счастливица?

– Одна прелестная женщина...

– Миша, знаете что? В субботу у меня день рождения, пятьдесят пять, пенсионный возраст... Приходите вместе с вашей девушкой, а? У меня соберется теплая компания, из наших, кроме вас, я никого не зову. Народу будет немного, человек двенадцать... Приходите, Миша.

– В субботу? А в котором часу?

– В семь!

– Ну что ж, я с удовольствием...

– Вот хорошо! А как зовут вашу девушку?

– Марта. Ее зовут Марта.

– Мишенька, вы с таким наслаждением это произнесли. Как это чудесно. Я сгораю от нетерпения. Она красивая? Хотя, что за глупости я спрашиваю! Для вас она наверняка самая красивая, да?

– Да. Но не только для меня... Вот, посмотрите. – И он протянул ей свой телефон.

– О, какое чудное лицо!

– Фрида Марковна, а можно один вопрос?

– Конечно!

– Что вам подарить?

– Ну, Миша, я не знаю...

– Может что-то из бытовой техники? Чайник или кофеварку...

Фрида Марковна с интересом на него взглянула.

– Знаете, у меня сломалась электромясорубка, а мой муж обожает котлеты...

Бобров просиял.

– Прекрасно! Есть какие-то предпочтения по фирмам?

– Нет! Я в этом ничего не смыслю.

– Мясорубку я вам выберу самую лучшую!

– Только не покупайте безумно дорогую, что-нибудь попроще, чтобы я с ней справлялась...

– Договорились! А где будет торжество?

– Неподалеку от нашего дома есть очень славный ресторанчик, почти уже домашний, там и соберемся. А вам не нужно спросить вашу девушку?

– Жену, Фрида Марковна, уже жену.

– О!

– Нет, не нужно!

– Куда иголка, туда и нитка? – улыбнулась Фрида Марковна.

– Пока да! Только одна просьба... Марта ничего не знает об истории с Гаврюшиной.

– Поняла! Но эту пакость никто обсуждать не будет. Я только мужу о ней рассказала, а он у меня не из болтливых, даже когда подопьет!

– Марта, – с порога крикнул Бобров, – ты дома?

– Дома, дома, просто не могу отойти от плиты!

– Что ты такое готовишь?

– Протертый суп! Из шпината! Очень, говорят, полезно... Ты вообще-то ешь шпинат?

– Из твоих рук я готов есть все! Петровна, мы в субботу идем в гости!

– В гости? К кому?

Они еще ни разу не ходили в гости.

– К одной моей коллеге.

– Фриде Марковне?

– Да. Она пригласила меня с женой.

– Ты уже меня женой аттестуешь?

– А кто ж ты мне? Разве не жена? Дай, обниму, а то пока не обнял тебя, не чувствую, что я дома. Правда, когда тебя нет, приходится обнимать

Тимошу.

- А по какому случаю в гости?
- День рождения.
- А дарить что будем?
- Мясорубку!
- Миша! Это ужасно!
- Почему? – искренне удивился Бобров.
- Дарить женщине, которой исполняется пятьдесят пять, мясорубку...

По меньшей мере, бестактно.

- Почему?
- Это вроде как намек, теперь, мол, тебе остается только котлеты крутить!
- Да что за ерунда! Она сама попросила!
- Сама? Что, так и сказала – хочу мясорубку?
- Так и сказала! Я только спросил, что ей подарить.
- Ага, поняла! Ты спросил, что подарить, она смутилась и сказала, что не знает, а ты тут и предложил: может что-нибудь из бытовой техники... Так?

- Счастье мое, все в точности так и было! – хохотал Бобров.

Марта между тем налила ему в бульонную чашку очень красивый ярко-зеленый суп.

- Вот, попробуй!
- Слушай, как вкусно!
- Вот, гренокки возьми!
- Господи, ты это сказала совсем как мама в детстве: «Вот, гренокки возьми...»

– Я тебе не мама, и даже еще не жена, я тебе пока что любовница, и, надеюсь, ею и останься даже со штампом в паспорте!

- Это я тебе гарантирую!
- Слово шпиона?
- Слово разведчика! Только одна просьба – надень в субботу черный комбинезончик!

– Да с радостью! Я все думала, куда бы мне его надеть! Он такой шикарный!

В субботу рано утром они поехали покупать мясорубку, потом к Милице Артемьевне.

– Родная, мы сегодня ненадолго, вечером идем в гости! – с порога возвести Бобров.

- В гости? Это к кому?

- К Фриде Марковне, я тебе о ней рассказывал...
- Ах, да, кажется она милый человек. Марта, а ты с ней знакома?
- Пока нет.
- А к себе вы гостей зовете?
- Нет, пока...
- Обязательно надо звать гостей и самим ходить в гости, это старая русская традиция...
- Знаешь, Милечка, как-то пока неохота, нам так хорошо вдвоем... И потом у нас еще нет посудомойки. Что ж, моей девочке руками посуду мыть?
- А кстати, я страшно довольна этой машинкой. Ты был прав, Мишка, она моет посуду лучше, чем я!
- Кто бы сомневался...

На обратном пути Марта вдруг спросила:

- Миша, а можно один вопрос о прошлом?
- Попробуй!
- Как тебе удалось сохранить такой хороший русский язык, если ты в течение многих лет не говорил на нем и даже не читал?
- Не знаю, не думал об этом, но я всегда знал наизусть кучу стихов... и если была возможность хоть немного отвлечься, я вспоминал стихи... особенно в тюрьме.
- Да? Ты любишь стихи? Вот не знала... Впрочем, я вероятно еще очень многого о тебе не знаю. Зато так гораздо интереснее... И кто же твой любимый поэт?
- Все просто до банальности. Пушкин. А еще я вспоминал песни Высоцкого... И там я понял – кто бы что ни говорил, а Высоцкий тоже великий поэт!
- О да! – обрадовалась Марта. – Я тоже так считаю! Миша, а мы в гости на машине поедem или на такси?
- На такси! В гостях грех не выпить...
- Миш, а там танцуют, ты не знаешь?
- Понятия не имею! А тебе хочется танцевать?
- Ужасно! Мы ж с тобой вообще только один раз танцевали...
- Это называется танцевали? – засмеялся Бобров. – Просто топтались под музыку и, так сказать, прияхивались друг к другу!
- А если вдруг меня кто-то пригласит танцевать, что тогда?
- Если тебе захочется потанцевать с этим человеком, танцуй на здоровье!

- Ты, значит, не ревнивый?
- Я и сам не знаю... Но ты пока мне поводов не давала...

Фрида Марковна и ее муж Гурген Ашотович очень понравились Марте. Такие приветливые, милые люди!

– Ох, Миша, какую красивую отхватил! – воскликнула Фрида Марковна.

– Примите наши поздравления! Фрида Марковна, вот обещанная мясорубка. Жена страшно возмущалась, мол, что это за подарок...

– Да что вы, Марточка, я же сама попросила. Я счастлива, а уж как счастлив будет муж...

Праздник шел своим чередом. Пили, ели, произносили тосты, не обошлось и без политических споров, как вдруг появился еще один гость, племянник Гургена Ашотовича, Арсен высокий красавец, жгучий брюнет лет тридцати с седыми висками. Он сел за стол, поднял тост за тетю Фриду, обвел стол веселыми черными глазами и вдруг взгляд его словно споткнулся. Он увидел Марту. Бобров сразу это заметил, искоса глянул на Марту, она сидела как ни в чем не бывало. Арсен сходу рассказал уморительно смешной анекдот про армянское радио. Тетка и дядька смотрели на племянника влюбленными глазами. Оказалось, что он виолончелист, лауреат несколько престижных конкурсов, гастролирующий по всему миру.

– Дорогая моя тетя Фрида, я счастлив, что в этот торжественный день оказался в Москве и могу лично поздравить вас. Все подарки я отвез вам домой, они большие и их много! И цветы тоже там вас ждут! Так что, гости дорогие, не думайте, что Арсен Оганесян явился на праздник с пустыми руками! И я, войдя в квартиру, в которой вырос, был счастлив увидеть, что там все так же уютно и хорошо! Я вижу за столом новые лица, так что если кто не знает, спешу сообщить, что тетя Фрида и дядя Гурген вырастили меня как родного... И я люблю их сыновней любовью! И пусть их дни будут долгими и счастливыми!

- Какой милый парень, – заметила Марта.
- И красивый, – присовокупил Бобров.
- Да, очень красивый! – подтвердила Марта, усмехнувшись про себя. А потом Арсен вдруг подошел к Марте.
- Вы позволите, – обратился он к Боброву, – пригласить вашу даму?
- Если дама согласна, что ж...
- Я согласна! – заявила Марта.

Танец был довольно быстрый и танцевали они на некотором

расстоянии.

– О, а вы здорово музыкальны, – заметил Арсен.

– Ну, в ваших устах это роскошный комплимент! – засмеялась Марта.

– Я просто обалдел, когда вас увидел, вы такая...

– Какая? Блондинка?

– Блондинка в наше время это не проблема. Вы очень интересная блондинка...

Музыка стала помедленнее и Арсен привлек Марту к себе.

– Этот мужчина с таким значительным и суровым лицом ваш муж?

– Да.

– Понятно. И, похоже, любимый муж?

– О да!

Бобров вел оживленный разговор с одним из гостей, не упуская из виду Марту с этим красавцем. Кажется, она получает удовольствие от танца... И танцует просто чудесно. И вдруг он заметил, что рука виолончелиста легла на спину Марты там, где был большой вырез... Боброву стало плохо. Его окатило волной чудовищной ярости, он готов был убить наглеца! Но тут же справился с собой, такие приступы ярости у него случались смолоду, но его научили их подавлять в зародыше. Но потом ненадолго наступало состояние близкое к анабиозу. Он и его умел подавлять. И тут к нему подошла Марта. Чмокнула его в щеку и прошептала:

– Мишка, не бесись, ты сам выбрал мне этот комбинезончик! Все претензии не ко мне.

– Никаких претензий, – через силу улыбнулся он. – Ты, оказывается, прелестно танцуешь!

– Хочешь, уйдем сейчас?

– Да вовсе не хочу! Мне тут нравится! Он говорил тебе комплименты?

– Ну, вряд ли это можно счесть комплиментом. Он сказал, что у моего мужа очень значительное лицо! Мне было приятно!

Когда они уже вернулись домой, Марта словно бы невзначай обронила:

– А ты оказывается ревнивый!

– Вообще-то вроде бы нет... Но когда увидел его руку на твоей голой спине...

– Тебе захотелось его убить, но в шпионской школе тебя научили справляться с приступами неконтролируемой ярости, да?

– Начиталась шпионских романов?

– Да нет, не люблю этот жанр, а вот одного шпиона люблю и многое

понимаю о нем. Ты сегодня много выпил, но по тебе не скажешь, ты умеешь пить. И доводить женщину до абсолютного безумия... этому тоже там учат, а?

Он не ответил, нахмурился, притянул ее к себе, усадил на колени. В глазах плясали черти:

– А я вот не знал, что ты тоже училась в шпионской школе...

– Я?

– Ну да, ты тоже доводишь мужчину до полного безумия... Со мной никогда раньше такого не было. Я с тобой не только не вспоминаю то, чему меня учили, я вообще обо всем на свете забываю. Как будто до тебя в моей жизни никого и ничего не было.

Они поженились. И действительно отметили это событие вчетвером, под кустом цветущей сирени, но поехать в свадебное путешествие у них не получилось. Заболел Корней, и Марте пришлось одной отдуваться за обоих, да и Бобров был очень занят. И они решили немного отложить путешествие и поехать куда-нибудь уже летом, в каникулы. Но это ничуть не омрачило их радости. Тимошу перевезли на дачу, на этом настоял Бобров. Кот совершенно ошалел от переезда, боялся даже нос высунуть на улицу, но Бобров взял его на руки, вышел с ним в сад, сел на лавочку, велел Марте нарвать травы и стал разговаривать с котом.

– Тимошенька, милый, тут так хорошо, ты тут вспомнишь, что ты не просто диванный мурчалка, а кот, хищник... Тут птички летают, мышки бегают, травки всякие полезные растут, для котячьего здоровья все это нужно... А бояться тут нечего. Разве что собачонка какая-нибудь забежит, так ты ж у нас еще молодой, на дерево залезешь, большое дело! А если спускаться страшно будет, так я тебя сниму, ты же мне веришь? А меня не будет, Миля МЧС вызовет, да, ты у нас такой важный, к тебе МЧС приедет. Хотя лучше бы ты сам... А писать-какать на травке куда приятнее, чем в лоток... Ууууу!

И кот, казалось, внял его речам. Он осторожно спрыгнул с лавки, принялся и медленно куда-то побрел...

Марта наблюдала эту сцену, сидя на крылечке. И только диву давалась. Он будет прекрасным отцом, думала она. В нем такие неиссякаемые запасы нежности...

На другой день она рассказала об этом эпизоде Вике.

– Обалдеть! Кто бы мог подумать!

– Знаешь, в нем сочетается казалось бы не сочетаемое. Мне он иногда

напоминает птенца...

– Ничего себе птенчик!

– Погоди, дай сказать... да, он как невылупившийся птенец. Если попытаться пробить скорлупу снаружи, он погибнет, надо дожидаться, когда сам проклюнется... Понимаешь?

– А еще разве не проклюнулся?

– Нет. Иногда бывает вроде проклюнулся, а потом эта скорлупка опять затягивается. И он весь там, в этой своей скорлупе... И тогда я не лезу... Вижу, что он в таком состоянии, молчу, занимаюсь своими делами, а если мне надо уйти, записку ему пишу...

– А он не удивляется?

– Нет, по-моему, он понял, что я поняла...

– А тебе не страшно?

– Нет, совсем не страшно.

– И ты никогда не думала, а вдруг там, в этой скорлупе, вовсе не птенчик, а ядовитая змея?

– Нет! Точно не змея. Иногда я думаю, что птенчик этот раненый, больной... Но при этом я уверена, если что-то случится со мной, вот тогда он...

– Иными словами, это раненый орленок? И если что-то не дай бог с тобой, этот орленок всех заклюет?

– Именно! – рассмеялась Марта.

– Да, подруга, ты вляпалась по самые уши, никогда раньше я от тебя такой хрени не слышала. Только один совет! Никогда ему эту чушь малиновую не рассказывай, про птенчика... мужики этого терпеть не могут!

– Знаю!

– А тебе не тяжело с ним?

– Нет, что ты!

– Скажи, а у него есть друзья, вообще какой-то круг?

– Нет, друзей нет. Да и круга в общем-то нет, только коллеги...

– Это плохо, неправильно!

– Вика, ну оттуда взяться друзьям при его-то биографии? Ну ничего, постепенно если не друзья, то какой-то круг появится...

– Марта, а ты в покер больше не играешь?

– Нет! Боюсь!

– Господи, чего? Боброва?

– Нет, мне в любви повезло... Боюсь проигратъся.

– Ты в это все веришь?

– Да! И меня вообще не тянет к картам...

Они сидели в кафе, вдруг к ним подошла женщина, неприятная и неопрятная писательница, у которой была своя программа на радио. Марте всегда казалось, что она то ли пьяная, то ли обкурившаяся. Но она была достаточно известна в определенных кругах.

– Девочки, я присяду? – спросила она и, не дождавшись ответа, плюхнулась с ними рядом. – Как жизнь, девчонки?

– Лучше всех! – сказала Вика.

– И не стыдно? – воззрилась она на Марту.

– А чего мне стыдиться? – удивилась та.

– Ты же девочка из приличной семьи, и с кем спуталась! Со шпиком, с гебистом! Фу! Он же нерукопожатный...

– Да твою грязную руку он в жизни бы жать не стал, а вообще, шалава литературная, если хочешь знать, с такими, как ты, он и здороваться считает ниже своего достоинства. А ты, сучара, просто от зависти дохнешь! – не своим голосом заорала Марта. – Пошла отсюда, погань, от тебя потом воняет...

Все кругом ошалели. Марта, тихая интеллигентная Марта Сокольская орет не своим голосом, ругается...

– Тихо, успокойся! – шептала Вика.

– Господа! – закричала писательница. – Среди нас, приличных людей, стукачка завелась! Не подавайте ей руки, она спит со шпиком!

Вдруг к их столику подскочил немолодой мужчина, схватил скандалистку за шиворот и хорошенько встряхнул. Это был главный редактор радио «Резонанс», на котором работал Бобров.

– А ты кто такой? Козел вонючий! Убери руки! – завизжала писательница.

– Значит так! – произнес он в холодном бешенстве. – С этой минуты нерукопожатная здесь ты, ты позволяешь себе в пьяном виде являться на работу, да еще и оскорбляешь в высшей степени достойных людей! И поверь, я позабочусь, чтобы ты тут не задержалась! Рейтинги у тебя низкие, тебя не гнали взашей из уважения к твоему литературному прошлому, хотя, на мой взгляд, твои писания гроша ломаного не стоят.

– И эти люди еще уверяют, что у нас не зажимают свободу слова! – попыталась вякнуть она, но главный редактор все еще держал ее за шиворот.

– Сию секунду извинись перед госпожой Сокольской.

– Еще чего!

– Тогда я буду трясти тебя, пока не извинишься!

– Да не нужны мне ее извинения, Вадим Иванович, зачем руки марать о такую пакость! Пусть катится!

– Да, в самом деле! Пошла отсюда!

И он, брезгливо морщась, выпустил писательницу. Та ушла как побитая собака.

– Вадим Иванович, зря вы так, – покачала головой Вика, – все это в ближайший час будет выложено в сеть!

– Вот и прекрасно! Пусть видят, как у нас на радио все демократично! – нервно хохотнул он. – А хамов любого пола надо учить! – Он демонстративно понюхал свои руки, гадливо сморщился и ушел.

– Ай да Вадим Иваныч! – воскликнул кто-то. – Молодец мужик!

– Марта, а ты зря так орала, – сказала Вика.

– Понимаю, орать не надо было! Надо было просто дать в рыло! Или вцепиться в волосенки, хотя они у нее такие грязные...

– А ты теперь ходи на работу с веником! – со смехом посоветовала Вика. – Чуть что, ты их веником, веником!

– Между прочим, хорошая идея!

– Ты Боброву про это расскажешь?

– Нет. Зачем?

– Но это с гарантией будет в соцсетях.

– Делать ему больше нечего... Хотя Вадим Иваныч может сболтнуть. Нет, он скорее всего промолчит, а вот девицы наши могут... Людка или Тина...

– Лучше сама скажи!

– Мне жалко его.

– Не сходи с ума! Думаешь, он такого не наслушался?

– Господи!

– Да я уверена! И я тебя уверяю, эта вонючка еще кучу лайков соберет.

– Путь подавится этими лайками!

– Не возражаю!

– Марта! – подошла к ним редактор еще одной радиостанции. – Не расстраивайся, это она от зависти! Я сама слышала, как она кого-то спросила: «А кто этот охренительный мужик?» И ей Людка сказала: «Это наш шпион, он женился на Сокольской!»

– Все равно тошно!

– Я думаю, она чувствует, что ее программу вот-вот закроют! Тут на днях такой скандал был... Она пригласила на интервью певицу, та буквально месяц назад поменяла мужа и продюсера, так наша писательница все время говорила с ней только о бывшем муже. Певица один раз сказала, что не

желает говорить на эту тему, а она знай свое гнет... Оказалось, она была не в курсе...

– Ну, это вина редактора, – заметила Вика.

– Ничего подобного, редактор ей все материалы подала, а она просто не удосужилась в них даже заглянуть. Певица ушла с эфира, а потом в коридоре так материлась, я просто заслушалась! А муж у тебя, Марта, и вправду очень интересный!

– Ладно, мне пора, надо отвезти статью в журнал, обещали сразу заплатить... Я сегодня на машине. Вик, тебя куда-нибудь подбросить?

– А ты в какую сторону?

– Мне на «Сокол».

– О, тогда подбрось до «Аэропорта».

– Не вопрос!

Подруги сели в машину.

– Марта, прости за бестактный вопрос, а как у вас с деньгами?

– Да нормально, не шикарно, но нам вполне хватает.

– А чего бы вам его квартиру не сдать?

– Не нужно этого. У него должна быть нора...

– Это он тебе сказал?

– Нет. Сама сообразила. Но недавно он сказал, что с осени нам будет в этом смысле полегче. Говорит, что его пригласили еще читать курс лекций.

– И куда?

– Он назвал какой-то институт, но я подозреваю, что это не институт.

– А что, шпионская школа?

– Я только подозреваю. Я пыталась его отговорить, но он уперся...

Они уже выехали на Ленинградский проспект, как вдруг Марта резко свернула к тротуару, затормозила и простонала:

– Вика, мне плохо!

И потеряла сознание.

Вика на мгновение растерялась. Но тут же опомнилась и вызвала «скорую». Потом выскочила из машины и замахала руками. Подъехал таксист.

– Ради бога, помогите! Я не знаю, как поставить на аварийку, подруге стало плохо за рулем, она еле успела затормозить, я вызвала «скорую».

– Ох, и вправду без сознания... – покачал головой пожилой таксист. – «Скорую», говоришь, вызвала?

– Ну да!

– А муж у дамочки есть?

– Есть!

- Звони ему, а то отволокут машину на штрафстоянку...
- Да черт с ней!
- Ну, дело хозяйское! Я, если гаишника увижу, скажу, что тут...
- Спасибо вам!
- Ладно, бывает! Нет, ты мне деньги не суй! Я ж человек все-таки...

Вика достала Мартин мобильник и позвонила. Но телефон Боброва был выключен. Вероятно, у него лекции...

Подъехала «скорая».

– Что тут такое? Обморок? Она не беременна? – деловито осведомилась немолодая женщина. – Обмороки бывают?

– Один раз было, но уже давно.

Женщина сунула Марте под нос нашатырь. Марта открыла глаза.

– Дамочка, что с вами? Давление ни к черту! У вас какое давление вообще-то?

– Сто двадцать на восемьдесят.

– А сейчас семьдесят на пятьдесят... Никуда не годится! Надо в стационар!

– Нет, пожалуйста, не нужно!

– Дело хозяйское конечно, тогда пишите отказ! Но за руль вам нельзя по-любому!

Болезнь

Бобров включил телефон и обнаружил шесть звонков от Марты. Что-то случилось! Марта не из тех женщин, что звонят каждые полчаса без всякого повода, просто пожурчать.

– Алло! – ответил незнакомый голос. – Миша, это Вика! Это я вам звонила! Марте стало плохо, она потеряла сознание.

– Где она? Вы вызвали «скорую»?

– Конечно! Но Марта наотрез отказалась ехать в больницу. Я привезла ее домой, но машина осталась на Ленинградском проспекте.

– Да черт с ней! А что с Мартой?

– У нее ужасно низкое давление. Ей сделали укол и сейчас она спит.

– Вика, вы сможете побыть с ней еще часа полтора, я боюсь раньше не добраться...

– Не волнуйтесь, Миша, побуду сколько нужно.

– Как проснется, дайте ей крепкого кофе.

– Хорошо, дам.

Бобров появился через час, вид у него был встревоженный.

– Ну что?

– Спит.

– Вика, а что произошло? И где? Почему машина на Ленинградке?

– Она ехала на «Сокол» по какому-то делу, а мне надо было на «Аэропорт», она предложила меня подвезти, и вдруг резко свернула к тротуару и потеряла сознание.

– Больше она за рулем ездить не будет. С этим шутки плохи. Слава богу, вы были с ней...

– Ну, она же сама затормозила... Я ведь не вожу машину. Миша, я, пожалуй, пойду, у меня еще куча дел...

– Спасибо вам, Вика!

– Да не за что!

Вика ушла. Бобров заглянул в спальню. Марта все еще спала. Она была бледная, вид вконец больной.

Ему вдруг стало страшно. Я не смогу без нее жить, вдруг сказал он себе. Да ладно, чего раньше времени хоронить. Надо просто показать ее хорошим врачам, заставить лечиться... Ведь после того первого обморока ничего подобного не случилось, она была веселая, здоровая и, кажется,

счастливая. Он тихонько прилег рядом, боясь даже дышать нормально, но она вдруг во сне потянулась к нему, обняла и затихла. Потом вдруг открыла глаза.

– Миша, ты здесь?

– Здесь, моя маленькая, здесь.

– Как хорошо, мне сразу стало лучше...

Знаешь...

– Все знаю, все!

– Миш, а что с машиной?

– Не беспокойся, все нормально. Завтра отвезу тебя к доктору.

– К какому еще доктору? Зачем? – всполошилась Марта.

– Чтобы осмотрел тебя и сказал, что с этим делать.

– Я не хочу!

– Мало ли что ты не хочешь. Ты теперь уже не сама по себе, у тебя есть муж, который без тебя просто умрет...

– Почему без меня? Думаешь, я умру?

– Сама по себе вряд ли, а вот если опять потеряешь сознание за рулем, все может быть... И пока я не услышу от компетентного врача, что ты здорова, ты за руль не сядешь.

– А где ты возьмешь компетентного врача?

– Уже взял!

– Господи, где?

– Позвонил кое-кому, мне порекомендовали... Завтра сам на него погляжу!

– Миша, я есть хочу!

– Отлично! Сейчас покормлю.

– Нет, я пойду сама на кухню... Хочу кофе, крепкий, как ты делаешь!

– Знаешь, сейчас уже поздно для такого кофе. Давай-ка давление померяем.

– А чем? У меня нет тонометра.

– У тебя, может, и нет, а у нас есть! Лежи смирно, я померяю. Так, неплохо, сто на семьдесят. Уже получше, хоть и низковато. А я тебе сейчас соленое что-нибудь дам... Стоп! А ты часом не беременна?

– Нет, Мишенька, нет.

– Жаль.

– Миша, мне уже лучше, а к утру вообще все пройдет!

– И хорошо! Но не надейся, что не пойдешь к врачу!

– Миш, да ерунда, я просто немножко понервничала на работе! Ерунда!

– Из-за чего ты нервничала?
– Да поцапалась с Марголиной!
– А это еще кто?
– Да одна шалава, не стоит даже говорить о ней.
– Как-то на тебя не похоже, чтобы ты ни с того ни с сего вдруг с кем-то цапалась...

– Ну, она вечно то ли пьяная, то ли обкуренная, обхватила одного человека, а я не выдержала... Да ну ее!

– Ладно, но только ты уж не нервничай по пустякам, а то вон какие последствия...

– Ладно, не буду!

Утром она чувствовала себя вполне нормально, и давление тоже пришло в норму.

– Мишенька, миленький, давай мы не поедem к доктору, а? Все прошло.

– Нет, об этом не может быть и речи, – отрезал Бобров. – Одевайся и без разговоров.

Марте вдруг понравилось, что ею командуют. Это ж он обо мне заботится. Господи, за что мне такое счастье?

Доктор Пыжик

Им пришлось подождать, пока доктор освободится. Наконец их пригласили в кабинет.

– Вы Сокольская? Марта Петровна? – уточнил доктор, суровый мужчина за сорок. – А вы муж? Подождите в коридоре.

– Но я хотел...

– Не волнуйтесь, я вас вызову, но я должен говорить с пациенткой с глазу на глаз.

– Хорошо, – недовольно ответил Бобров. И вышел в коридор.

– Итак, голубушка, что вас привело ко мне?

– Не что, а кто! Мой муж. Сама я бы не пришла, я уже чувствую себя нормально.

– Ключевое слово «уже»! Из чего я делаю вывод, что что-то было не так.

– Ну да, вчера мне стало плохо, я даже потеряла сознание, у меня было ужасно низкое давление, «скорая» хотела увезти меня в больницу, но я отказалась. У меня уже один раз так было, но давно, еще в том году...

– Какая-то причина была? Вы понервничали?

– Вчера – да, на работе.

– Простите, а кем вы работаете?

– Я радиоведущая.

– Понял. Ну что ж, давайте-ка я вас осмотрю.

Он слушал ей сердце, легкие, стучал молоточком по коленкам, водил пальцем перед глазами. Потом подключил ее к какому-то аппарату, велел не дышать.

– Так, более или менее ясно, – произнес он. – Можете одеваться, Марта Петровна. Скажите, а как фамилия вашего мужа?

– Бобров. А что?

– А имя-отчество?

– Михаил Андреевич, а при чем...

– Ну, я же должен знать, как обращаться к человеку. Люда, позови Михаила Андреевича.

Медсестра выглянула в коридор.

– Доктор просит вас зайти.

Бобров стремительно вошел в кабинет.

– Ну что, доктор?

– Присаживайтесь!

Бобров сел.

– А теперь внимательно посмотрите на меня.

– Я?

– Вы, вы!

Бобров недоуменно воззрился на доктора. И вдруг губы его растянулись в улыбку.

– Пыжик? Это ты?

– Я, Бобер, я!

И они кинулись обниматься.

Марта и медсестричка радостно переглянулись.

– Ну, Пыжик, рад, кто бы мог подумать!

– А табличку на двери не заметил?

– Заметил, но я, если честно, забыл, что ты Алексахин, ты для меня был и остался Пыжиком! Марта, это Санька Пыжик, мой школьный приятель! Вот не думал, что ты врачом станешь, да еще и знаменитым, мне так тебя рекомендовали... Да, – опомнился Бобров, – а что с моей женой?

– Верно, теперь к делу, остальное потом. Надо, конечно, обследоваться более детально, главное сделать КТ головного мозга, это вы сейчас пойдете, все сделают быстро, в течение часа снимок будет готов, я его посмотрю и тогда скажу окончательно... Людочка, проводи Марту Петровну...

– А я? – вскочил Бобров.

– А ты сядь, тебе там делать нечего, посиди тут.

Марта ушла.

– Пыжик, это что-то страшное?

– Нет, не думаю. Но чтобы не упустить чего-то, лучше провериться...

– Ты думаешь... опухоль?

– Нет, не думаю. Но я хочу это исключить. Вообще-то у твоей жены нервное истощение, сосуды неважные, но это все поддается лечению, а лечение требует дисциплины...

– Ты ей об этом скажи.

– Нет, это ты ей скажи. Тебя она послушает. Я так понял, что врачей она не жалует и боится...

– О да! Еле уговорил приехать к тебе. Пыжик, я... я так за нее боюсь. Она оба раза теряла сознание за рулем.

– Нет, об этом не может быть и речи! Ей категорически нельзя за руль! По крайней мере, год даже и думать нельзя. Миш, скажи, это правда, что ты был разведчиком?

– Правда.
– Ну надо же! Ты ж еще в школе мечтал...
– Мечта идиота сбылась, – улыбнулся Бобров.
– А вы давно женаты?
– Формально – полтора месяца, а так полгода.
– О детях думаете?
– Мечтаем!
– Знаешь, я бы пока не советовал. Сосуды надо лечить, а то мало ли...
Годик еще потерпите.
– Я тебя понял. Ну, а ты? Доктор наук уже?
– Уже. Вот она, моя докторская... – и он похлопал рукой по аппарату, к которому подключал Марту.
– Это что?
– Эта штука считывает состояние сосудов в течение десяти минут. Аналогов в мире нет! Слушай, а кто тебе меня порекомендовал? Уж не Матвеев ли?
– Он!
– Я его сына вылечил. Там другое было...
И тут вернулась Марта с большим бумажным конвертом в руках.
– Александр Афанасьевич, вот... А там ждет какой-то военный...
– Ох, так обрадовался встрече... – Доктор выглянул в коридор. –
Прошу прощения, еще пять минут!
Внимательно рассмотрев снимок, доктор перекрестился.
– Слава богу, все чисто! Но для очистки моей и вашей совести надо сдать кровь, сделать кардиограмму, вот тут все направления, а завтра во второй половине дня пусть Миша заедет, я дам вам назначения и будем лечиться!
– А почему Миша? – удивилась Марта.
– Потому что вам, дорогая моя, пока следует лежать. И пить вот эти вот таблеточки... И еще кучу лекарств. И капельницы надо делать... А может, все же в стационар?
– Ох, нет, пожалуйста!
– А если Марта будет лежать на даче?
– Замечательно! А там есть кому делать капельницы?
– Вот там-то точно есть!
– Прекрасно! Значит, завтра, в четыре, я тебя жду, Мишка! Ничего, красавица, вылечим мы вас! Но вы уж не брыкайтесь!
– Да кто ж ей позволит!

Они вышли в коридор. Бобров крепко взял Марту под руку.

– Ой, Миш, мне же надо больничный...

– Нет, тебе надо уйти с этой работы. Когда Сашка услышал, что ты работаешь в прямом эфире, сказал, что это чрезмерная нагрузка для твоей нервной системы. У тебя, оказывается, очень хрупкая нервная система. Так, опять плачешь?

– Миш, ну как я без этой работы? Я так ее люблю! Ой, Мишенька, мне так было страшно, когда меня в этот аппарат задвинули, так страшно и одиноко...

– Дурочка ты моя, это ж ерунда. И слава богу, Санька сказал, что на снимке все чисто, а сосуды у тебя ни к черту, но это лечится, только надо лечиться. И еще он сказал, что ребеночка нам можно будет только через год, неужто ради ребеночка ты своей работой не пожертвуешь?

– Он так сказал?

– Да.

– Но он же не гинеколог!

– Он не гинеколог, конечно, но в сосудах нервных дамочек хорошо разбирается. И он сам будет тебя наблюдать. Санька замечательный парень, очень основательный и надежный. Я его еще не узнал, но сразу подумал – этому мужику можно доверять.

– Ну, если ради ребеночка...

– Ради Тимофея Михайловича!

И она опять заплакала. От любви.

Утром Бобров отвез Марту на дачу. И буквально через час явилась пожилая женщина Дарья Николаевна и поставила ей капельницу.

– Ну и вены у вас, все время убегают! – посетовала Дарья Николаевна.

– Вот, только начни ходить к врачам, и выяснится, что и сосуды у меня никудашные, и вены ни к черту... И надолго эта радость?

– Ерунда, на сорок минут. А вот вечером Михал Андреич привезет другие назначения, тогда и посмотрим.

– Милечка, а вы, небось, думаете, и зачем мой Миша на такой гнилушке женился? Да?

– Ну разумеется, гнилушка, – добродушно рассмеялась Милица Артемьевна. – Но если серьезно, я только диву даюсь и радуюсь безмерно, что в моем Мишке такие запасы любви и нежности. Вчера, когда он мне звонил, вдруг признался: «Знаешь, Миля, я вдруг на минуту представил себе, что ее в моей жизни не будет, и понял – я не смогу без нее жить!» Никогда даже не предполагала, что когда-нибудь услышу от него такое.

Вечером приехал Бобров.

– Ну вот что, моя дорогая, анализы у тебя неплохие, в общем-то, пока две недели будешь лежать, а потом отвезу тебя к Саньке, он назначит дальнейшее лечение, но лежать скорее всего уже не нужно будет. Так что две недельки поваляться в постели не так уж страшно. В городе жарко, душно, а здесь просто рай, да и Тимоша здесь... Ты боялась, что он сбежит, а он просто примерный кот! Вот только я не смогу каждый день приезжать. Меня тут еще пригласили в одну структуру консультантом...

– Миш, а что с моей работой?

– Я сегодня там был, представил твоё заявление об уходе. Объяснил, что ты больна... Да, это, оказывается, ты за меня в бой бросилась? Чудачка, да мне плевать на эти разговоры! Думаешь, я их мало слышал? Так, только не реветь!

– Ладно, не буду! – пообещала Марта. – Миш, обними меня!

Бобров был чрезвычайно занят. Несколько раз в день звонил жене, она отчитывалась ему, а потом звонил Милице Артемьевне, боясь, что Марта не говорит ему всей правды о своём самочувствии. Среди прочих дел он заехал к себе на квартиру, взять квитанции и вообще, проверить, все ли в порядке. Дело было вечером, он страшно устал и решил там заночевать.

Стены тюрьмы рушились совершенно бесшумно и медленно, как в съёмке рапидом, а он не мог пошевелиться, и крикнуть не мог... Начал задыхаться и проснулся в холодном поту. Неужто опять? За те месяцы, что он прожил у Марты, кошмары его ни разу не мучили. Он вскочил, оделся и поехал домой. Теперь его дом был там, на улице Бориса Галушкина. И хотя Марты сейчас не было и он спал один, но ничего страшного ему не снилось.

Он вошел в квартиру, сразу почувствовал запах Мартиных духов и ощутил покой и блаженство. Он разделся, лег в постель, потом вскочил, взял с туалетного столика флакончик ее духов и брызнул на ее подушку. Чуть-чуть. Обнял эту подушку, мгновенно уснул и сладко спал до утра.

Химия! – думал он, это та самая любовная химия... Но это уже превращается в зависимость... Такого никогда со мной не было. А ведь для разведчика любая зависимость губительна. Но я-то уже не разведчик... Я просто по уши влюбленный дурак! Интересно, а она тоже так чувствует? Понимает, что это химия? Надо спросить... Хотя нет, поменьше вообще надо говорить...

Братская любовь

Раздался звонок домашнего телефона. Он снял трубку.

– Алло!

В трубке молчали.

– Алло! Говорите или я кладу трубку!

– Бобров, это ты?

Он сразу узнал голос Петровича.

– Да, Петрович, это я.

– А где Марта?

– На даче.

– На какой еще даче?

– На моей даче.

– У тебя есть дача?

– Представь себе.

– И что Марта там делает?

– Живет. – Боброву страшно не хотелось говорить Сокольскому, что Марта больна. – Лето на дворе.

– А почему у нее не отвечает телефон?

– Скорее всего, она просто забыла его зарядить.

– Я хочу ее видеть. Пусть приедет в Москву! Туда можно позвонить?

– Позвонить можно, но приехать она не сможет. Она нездорова и у нее постельный режим.

– Что? – загремел Сокольский. – Что с ней такое? Почему постельный режим?

– Ничего рокового. Просто ей делают капельницы, при которых лучше лежать, у нее проблемы с сосудами. Если хочешь, я вечером тебя к ней отвезу, переночуешь там...

– А с кем она?

– С моей теткой и еще приходит медсестра три раза в день.

– С теткой? Уж не с Милицей ли твоей?

– У меня нет другой тетки!

– А почему Марта не в больнице?

– Ты свою сестру не знаешь? Если тебе нужна Мартина машина, ради бога. Ключи у тебя есть, где она стоит, ты знаешь! Ты в котором часу освободишься? Я отвезу тебя на дачу.

– Освобожусь не раньше восьми.

- Где ты будешь? В МИДе?
- Да.
- Как подъеду, позвоню. А сейчас извини, спешу.

...Он говорил со мной, как с врагом, усмехнулся Бобров. Ну и пусть. Он дипломат, пусть налаживает дипломатические отношения. Марта теперь моя законная жена, любящая и любимая, так причем тут братья? Как там у Шекспира: «И сорок тысяч братьев...» Точно не помню, но нам с Мартой и сорок тысяч братьев не страшны.

Петр Петрович уже заранее был раздражен. И чего этот Бобров приклеился к Марте? Это неспроста, ему что-то нужно, но что? И как он умудрился... Черт бы его взял...

Бобров позвонил ему ровно в восемь.

– Петрович, я жду!

– Иду!

И это идиотское «Петрович»...

Бобров стоял возле своего «пежо». И что Марта в нем нашла? Хотя, надо признать, в нем чувствуется самец... И притом очень породистый...

– Привет! – улыбнулся Бобров и протянул руку. Сокольскому ничего не оставалось, как пожать протянутую руку.

Они сели в машину. Сокольский заметил на пальце Боброва обручальное кольцо.

– Окольцевал мою сестру?

– Точно, окольцевал. Петя, ты пойми, я люблю ее! И мне ничего кроме нее самой не нужно. Нам хорошо вместе. И мы хотим ребенка... А ты почему-то злишься, негодуешь! Это что, братская ревность?

– Что за бред! Скажи лучше, что с ней случилось?

– Ты, вероятно, знаешь, как я впервые увидел Марту?

– Слышал эту душещипательную историю.

– У нее был обморок. Но она, конечно же, к врачу не обратилась.

– А мне сказала, что обратилась и что пьет какие-то таблетки.

– Да наврала она все! И вдруг обморок повторился и опять в машине.

А это плохие шутки. И я отвез ее к врачу.

И Бобров пересказал Сокольскому то, что говорил ему Пыжик.

– Черт-те что, она же еще молодая, тридцатник всего...

– Твоя сестра настоящее чудо, но упрямая до ужаса. Ладно, скажи лучше, трудно сейчас работать?

– Ох, не говори...

Они замолчали. Боброву показалось, что лед сломан. Он отвлекся на дорогу, пришлось сбросить скорость из-за ремонтных работ, а когда искоса глянул на Петровича, то заметил, что тот смотрит на него с явной неприязнью. Вот чудак, подумал Бобров, а впрочем, мне плевать.

Марта лежала под капельницей.

– Петька! – завизжала она. – Петечка, как же я рада, какой ты молодец, что приехал. А Миша где?

– Забирает что-то из машины. Ну здравствуй, болящая! Ишь чего удумала, хворать в такую погоду! А что за гадость в тебя вливают?

– Это средство для чистки периферических сосудов! – старательно доложила Марта.

– Обалдеть!

Тут в комнату вошла пожилая женщина.

– О, вот и все на сегодня! Давай, держи ватку покрепче.

Она ловко заклеила ватку двумя полосками пластыря.

– Спасибо, Дарья Николаевна. А это мой брат приехал!

– Очень приятно. Ну, до завтра!

Она ушла.

– А где же Миша?

– Придет сейчас! Что, прямо жить без него не можешь?

– Не могу, Петечка, совсем не могу!

– Господи, и что ты в нем нашла?

– В нем? Все! Абсолютно все! – пылко воскликнула Марта.

В комнату заглянула Милица Артемьевна. Сокольский вскочил.

– Петя! Сколько лет, сколько зим! Какой ты стал... импозантный! Видишь, как Господь распорядился, я тут за твоей сестрой ухаживаю, она чудная девочка...

И тут появился Бобров с Тимошей на руках.

Лицо Марты осветилось.

– Мишенька, приехал!

– Тимошка, и ты здесь! – засмеялся Сокольский. – Я гляжу, Мишка, он тебя признал!

– Не просто признал, а страстно полюбил! – проворковала Марта.

Бобров осторожно спустил кота на кровать. И обнял Марту.

– Маленькая, как ты?

– Да хорошо, но я так скучала...

– Петя, пойдем-ка на террасу, пусть они тут поворкуют, все-таки молодожены.

Петр Петрович вышел вместе с Милицей Артемьевной.

– Миша, родненький мой...

Он привычным движением запустил руку ей в волосы, а она потерлась щекой о его запястье.

– Знаешь что, я думаю ничего страшного не случится, если ты сегодня поужинаешь с нами на террасе, ты ж все равно питаешься сидя, а потом приляжешь там на диване.

– Ура! Мишенька!

Она уже хотела вскочить, но Бобров ей не позволил, подал халат и тапки, а потом подхватил ее на руки и понес на террасу.

– Миш, но я же все равно встаю в туалет...

– А мне приятно носить тебя на руках.

– О! – воскликнула Милица Артемьевна при виде их. – Прекрасная идея!

Показуха, решил Сокольский. Он видел, с какой любовью и нежностью сестра смотрит на этого чужого мужика, и глухое раздражение не покидало его. В чем дело, думал он. Я ему не верю! Она-то, дурочка, все принимает за чистую монету, а он... Есть тут какой-то другой интерес. Но какой? Квартира? Смешно, у него самого есть квартира не хуже... А что еще есть у моей Мартышки? Да, собственно, ничего. У нее есть я. Но я-то ему зачем? Или он двойной агент? И попытается меня завербовать? Бред сумасшедшего! Но тогда выходит, что и в самом деле любовь? А я не верю! Или не хочу верить? Всегда я не любил Мишку, вот и все. Надо будет как-то его проверить, что ли... Но как? Делать мне что ли нечего? Права Ирка, я спятил уже с этой работой. А он, надо заметить, здорово изменился с тех пор, как я его видел... Как будто помолодел и сбросил какой-то тяжелый груз, черт бы его побрал...

– Миша, – спросила ночью Марта, – за что Петька тебя так не любит, а?

– Не знаю, но мне, если честно, плевать...

– А ты у него случайно когда-то девушку не отбил?

– Может и отбил, я уж и не помню.

– А он, видимо, помнит... – засмеялась Марта. – А мне бы так хотелось, чтобы вы подружились...

– Я лично ничего против него не имею, но насильно мил не будешь. Бог с ним. Жена у него милая, с ней вполне можно было бы дружить, но... Я уж говорил тебе про сорок тысяч братьев.

– Это же из «Гамлета», да?

– Да, моя маленькая, да. Ой, я совсем забыл, мне послезавтра придется

на два дня улететь в Сочи.

– В Сочи? Зачем?

– Там будет заседание одной комиссии. Я хотел отказаться, но мне объяснили, что это очень-очень важно. Придется лететь.

– А ты был в Сочи?

– Знаешь, никогда! А ты?

– И я не была.

– Если мне там понравится, осенью отвезу тебя в Сочи, договорились?

– Конечно! Мы с Викой собирались туда, но так и не выбрались...

– О, а хочешь, я к тебе Вику привезу?

– Хочу! Очень хочу! – загорелась Марта.

– Заметано! Вот хорошо, мне будет спокойнее, по крайней мере, моя девочка не будет тут скучать...

– Да я не скучаю, мы с Милей столько смеемся. Но по Вике я соскучилась.

– Ты договорись с ней, а я завтра после своего эфира ее заберу.

– Господи, Мишка, ты самый лучший из мужей! Нет, не из мужей, а из мужчин!

– Я польщен!

Бобров и в самом деле повез Вику на дачу.

– Михаил Андреевич, почему вы считаете, что Марте не следует у нас работать? Наши слушатели обзвонились, когда вернется Марта.

– Вика, ну я же объяснял уже, врач считает, что ей вредно...

– Что, так прямо и сказал: ей вредно работать на радио?

– Не совсем. Он сказал, что работа в прямом эфире требует больших нервных затрат.

– А отлучение от любимой работы не требует нервных затрат? Да она же с тоски помрет! Ну не создана Марта быть просто домохозяйкой! И вы, как я понимаю, не так уж много времени проводите дома? Поймите, она же завянет! Она так расцвела после встречи с вами...

– Вика, а ведь вы правы! Все так! И пока у нас нет детей... Да, пусть работает, работа на самом деле лучшее лекарство. А вы... вы действительно хорошая подруга!

– Да у меня ближе Марты и не осталось никого. Если б вы знали, как она мне помогала, как поддерживала...

– Я рад это слышать. Вот я вернусь из Сочи, отвезу Марту к доктору и, я надеюсь, будет уже какая-то ясность Бобров доставил Вику на дачу, поцеловал жену и умчался обратно в город, его самолет вылетал в пять

утра.

Вика передала подруге свой разговор с Бобровым. Марта просияла.

– Вика, какая ты молодчина! И что, Миша согласился с твоими доводами?

– Согласился. Знаешь, у нас многие удивляются, какая ты, оказывается, популярная! Столько звонков... Тут попробовали одну девушку, так слушатели в прямом эфире требовали Марту! Кто-то даже сказал, пусть пока Корней один ведет, а замены им не надо!

– Обалдеть! – обрадовалась Марта.

Подруги еще долго болтали бы, но явилась Милица Артемьевна и потребовала, чтобы они ложились спать, все-таки Марта больна. Пришлось подчиниться.

Бобров добрался до своего номера уже во втором часу ночи. Он был чрезвычайно доволен тем, как прошло совещание, в деловом и конструктивном режиме, и тем, как его слушали. И с каким вниманием отнеслись к его выводам, и вдобавок, его пригласили стать постоянным консультантом властных структур по вопросам британской политики. А еще предложили консультировать крупные фирмы. Все это сулило совсем неплохие заработки и, куда денешься, постоянную занятость. Ничего, для моей девочки я всегда найду время... Хотя сегодня он только успел отправить ей эсмэску с сообщением о благополучном прибытии в Сочи. Сейчас она наверняка уже спит. Сердце наполнилось нежностью. Это все благодаря ей... Я стал другим человеком. Он написал ей эсмэску с отложенным отправлением: «Любимая девочка, ты мой талисман, я стал другим, у меня сегодня был нешуточный успех, которым я обязан тебе! Выздоровливай, мое солнышко. Позвонить не было никакой возможности. Целую! И с добрым утром!»

Он принял душ, достал из кейса изящную визитницу, вынул оттуда дамский носовой платок, смоченный духами Марты, положил на подушку рядом с собой и почти мгновенно уснул. Утром он аккуратно сложил платочек и убрал в кейс. Надо же, кому сказать, засмеют. Но ведь помогает!

Журналистка

За завтраком к нему подошла очень красивая девушка и представилась журналисткой крупной московской газеты.

– Михаил Андреевич, вы не согласились бы дать мне интервью?

– На какую тему? – уточнил он.

– Ну, вы в последнее время стали достаточно популярной персоной и читателям интересно было бы узнать кое-что о вашей личной жизни...

– Исключено.

– Подождите отказываться, я не договорила...

Девушка соблазнительно облизнула красивые губы и закинула одну точеную ножку на другую. Боброву стало смешно. Но он не подал виду.

– Слушаю вас!

– Я сказала об интересе читателей к вашей личной жизни в связи с вашей возрастающей медийной популярностью. Не мешает ли она... Все хотят знать, каково это человеку с вашей прямо скажем не рядовой биографией вписаться в нашу жизнь. Вот как-то так! Пожалуйста, Михаил Андреевич! Вы же джентльмен, неужто вы откажете бедной журналистке? Ведь ваша супруга, кажется, тоже журналистка? – добавила девушка каким-то интимным тоном.

– Да, моя жена, ненавижу слово «супруга», тоже журналистка. И, пожалуй, я дам вам интервью, но у меня есть два условия.

– О, все что угодно!

– Во-первых, вы покажете мне готовый материал в том виде, в каком он пойдет в печать...

– Ну, разумеется!

– И еще, вы не будете пытаться меня клеить.

Девушка вспыхнула.

– Вы очень красивы, но я на такие штуки не покупаюсь. Предпочитаю нормальный серьезный разговор двух профессионалов.

– Да, вы правы, извините, это я по привычке, – мило улыбнулась журналистка, – обычно никто не возражает.

– Значит, я исключение.

– Спасибо за урок!

– Я полагаю, он будет не лишним, если вы хотите стать звездой журналистики.

Ох, какой мужик, с ума сойти! – подумала журналистка. Я таких еще

не встречала! Кремень! И ведь прав, тысячу раз прав, все эти дешевые приемчики на таких не действуют...

А Бобров и думать забыл о ней. Было столько важных и интересных встреч, а потом еще фуршет, после которого все поехали в аэропорт.

В Москве он подумал: поехать сейчас на дачу или остаться в Москве? Но так нестерпимо захотелось увидеть Марту, что он прямо из аэропорта – машину он оставлял там на стоянке – помчался на дачу. Эх, я даже ничего ей не везу, сокрушенно подумал Бобров, некогда было даже по сторонам оглядеться...

В доме было тихо и темно. Он на цыпочках вошел на террасу и услышал какие-то странные чавкающие звуки. Чуть привыкнув к темноте, он увидел, что на столе сидит Тимоша и прямо-таки с остервенением что-то жрет. Неужто мышь поймал? – заинтересовался Бобров и включил свет. Кот в испуге метнулся прочь, держа что-то в зубах. Бобров подошел к столу и чуть не умер со смеху. На столе стояло блюдо, явно приготовленное к его возвращению – вареники с вишнями! Один вареник был уже растерзан, а второй Тимоша с дикой жадностью пожирал под столом.

Бобров опустился на стул. Вареники на большом блюде, аккуратно прикрытом полотенцем, привели его в умиление. Милечка постаралась! Но что могло в этом блюде привлечь кота? Бобров сунул в рот один вареник. Вот так, без сметаны и вишневого сока он показался ему совершенно невкусным.

– Тимоша, они что, тебя тут голодом морят? Чего ты на это польстился, а?

Кот, сообразив, что наказывать за воровство никто его не собирается, вскочил на колени к хозяину и громко замурлыкал.

Бобров погладил кота.

– Э, брат, да ты, видать, загулял тут, а дамы за тобой плохо смотрят, вон шкура-то пыльная, нечесаная, это ты после гулянок оголодал? Понятное дело, правда, ты вроде кастрат, но и кастрату погулять охота, просто смысл прогулок другой! Ничего, я тебя приведу в божеский вид. Ах, ты мой мурзавец, вон как мурчишь...

– Миша, ты что тут делаешь ночью? – на пороге стояла Милица Артемьевна.

– Милечка, это ты для меня вареников налепила?

– Если честно, не совсем. Марта почти ничего не ест, говорит, лежать ей уже невозможно, вот я и решила ее побаловать, ну и тебя заодно.

– А я тут Тимошку застал, он жрал эти вареники.

– Кот? Вареники? Первый раз такое слышу!

– И, тем не менее, я, когда услышал эти звуки, подумал, он мышь поймал...

– Миша, ты доволен поездкой?

– Чрезвычайно! А как тут моя?

– Устала лежать, я ее понимаю...

– Ничего, послезавтра повезу ее к Пыжику. Может, позволит уже ей встать.

– Может, пойдешь, поспишь?

– Я в самолете спал, пока не хочется. Я поем вареников, а? Только сметану и сок возьму.

– Конечно! Марта тоже вчера с удовольствием поела. Какая она чудная девочка, Мишка, повезло тебе!

– Знаю! Ох, как вкусно! Я сахару подсыплю? Знаешь, мне предложили столько работы...

И он рассказал тетке о своем пребывании в Сочи.

– И ты все предложения принял?

– Да. Это интересно, почетно, и к тому же сулит хорошие деньги.

– А на семью-то время останется? Марта говорила, вы ребенка хотите...

– Хватит времени на семью, я умею его распределять. Кроме того эта работа вовсе не требует ежедневного присутствия. Многие смогу делать и дома. Все чудесно, Милечка!

– Ты, кажется, счастлив, Мишка?

– Кажется так, вот не думал, что когда-нибудь скажу такое. Спасибо, Милечка, твои вареники это мечта. А я, пожалуй, пойду все-таки под бочок к жене.

– Только постарайся ее не будить.

– Ты права, пусть спит спокойно, я посплю в гостиной.

Он лег на диван, прикрылся пледом и уснул.

– Ну что ж, друзья мои, – сказал доктор Алексахин, тщательно обследовав Марту, – дела идут даже лучше, чем я мог предполагать. Постельный режим больше не нужен, капельницы нужны через день, и только одна, но таблетки придется пить! Вот эти три месяца, эти два, а там поглядим. Лето лучше пожить за городом, но в принципе все очень неплохо!

– Доктор, я не могу без работы, и моя работа тоже без меня страдает. Поверьте, мне от работы хуже не будет, а без нее я просто загнусь!

– Ладно, работайте, а то еще впадете в депрессию, а это никому не

нужно...

– Ура! – победно вскинула руку Марта.

– Погодите, это еще не все. Вот этот флакончик всегда носите в сумке. Если вдруг почувствуете дурноту, немедленно брызните себе в рот. И забудьте о машине. За руль нельзя ни в коем случае. И с ребенком не спешите, успеете еще! А через месяц опять покажетесь мне. Ну вот, вроде бы и все!

– Доктор, спасибо вам огромное! – Марта прижала руки к сердцу.

– Да, Пыжик, не даром мне сказали, что ты чудо-доктор!

– Ой, а почему вы Пыжик? – улыбнулась Марта.

– А у него шапка была, он ею страшно гордился и хвастался, мол, настоящий пыжик! Но эту шапку быстренько украли.

– Да, а Бобер дознался, кто ее спер, но вернуть не удалось, ее уже продали! А кличка приклеилась. Кстати, Марта Петровна, ваш муж в школе был редким занудой...

– Что ты брешешь, Пыжик, я просто хорошо учился, в отличие от многих.

– А еще он всегда защищал девчонок, даже самых поганных...

– Меня так воспитывали.

– Доктор, а вы женаты? – вдруг спросила Марта.

Бобров страшно удивился.

– Нет, я в разводе. А почему вы спросили? Решили бросить Бобра?

– Нет, но у меня есть чудесная подруга, она вдова, очень хорошая женщина, красивая, благородная...

– Ты о Вике? – спросил Бобров.

– Конечно! И хозяйка она хорошая...

– Звучит заманчиво, – рассмеялся Алексахин, – но из таких знакомств обычно ничего не выходит.

– Почему? Очень даже выходит! По крайней мере, куда надежнее, чем через Интернет. Давайте отметим мое выздоровление. Я позову свою лучшую подругу, а Миша своего старого друга, который меня вылечил... Все будет совершенно естественно, вот увидите!

– А что, можно... Но только давайте через месяц, а то... праздновать ваше выздоровление рановато, голубушка, можно сглазить. Вот если через месяц вы меня обрадуете, как сегодня, тогда, что называется с дорогой душой, уж не взыщите!

Они простились и вышли в коридор.

– Подожди одну минутку, мне надо еще у него спросить, – сказал Бобров и вернулся в кабинет.

- Пыжик, ты правду сказал, с ней все хорошо?
- Да, на данный момент все даже лучше, чем я ожидал, но сказать, что она абсолютно здорова, я не могу. Не волнуйся, Бобер, все будет хорошо с твоей женой. Она такая милая... А эта подруга что?
- Классная баба!
- Ну, если ты тоже так считаешь... ладно, до встречи через месяц!

Радио «Солнце»

Марта вернулась на работу.

– Вика, если бы не ты... Как тебе удалось уболтать Мишу?

– А он на редкость проницательный человек, понимает, что я желаю тебе добра. Вот и все!

– Как бы там ни было, а я без работы наверняка зачахла бы... Тем более что Миша теперь просто нарасхват. Дома бывает мало, а если бывает, все время работает. Вчера принес мне карточку, сказал, что могу тратить свободно...

– А ты?

– Да мне вроде ничего не надо... Хотела новые духи купить, мне мои поднадоели, а он как будто прочитал мои мысли и сказал: только, пожалуйста, не меняй духи... Вот что, Вика, а пойдем сегодня в какой-нибудь шикарный ресторан?

– Прямо в шикарный?

– Конечно!

– Пойдем! Раз такое дело!

– И выпьем!

– А тебе можно?

– Вино нельзя, а водку можно!

– А Бобров не рассердится?

– На что?

– На такой загул?

– Он и не узнает, он теперь с утра до ночи домой носа не кажет...

– Да у него же работы непочатый край!

– Знаю. Но эта работа ему нужна. А мне...

– Слушай, подруга, не гневи ты бога! Такой мужик тебе достался...

Между прочим, на него совсем юные девицы покушаются...

– Какие девицы?

– А он тебе про Гаврюшину не рассказывал?

– Кто такая Гаврюшина?

– Была у него такая студентка...

И Вика более или менее точно пересказала Марте историю с Гаврюшиной.

– А он мне ничего не говорил... Почему, интересно?

– Думаю, просто не счел эту историю достойной твоего внимания.

- А может у них все-таки что-то было?
- Да ну, что за ерунда!
- А ты откуда узнала?
- Совершенно случайно! Мне рассказала одна студентка с ее курса. Они там все поголовно тайные воздыхательницы твоего Боброва.
- Ничего себе!
- Но ты не волнуйся, он тебя по-настоящему любит, сама что ли не чувствуешь?
- Чувствую... И понимаю, почему он не рассказал. Потому что он вообще... привык все скрывать. Он до сих пор мне так и не сказал, что был женат. Но она давно умерла. Мне Миля сказала. Но я тоже молчу, не спрашиваю, раз не говорит, значит, так надо...
- Ну, где он еще такую понимающую найдет? А что много работает, так ему это важно, чувствовать свою нужность, востребованность... Быть не бывшим шпионом, а вполне действующим и уважаемым специалистом.
- Да, ты права...

Приближался день, когда они должны были ехать к доктору Алексахину. Марта почти не видела Боброва. Она решила не напоминать ему. Интересно, вспомнит или нет? Накануне он явился домой не очень поздно. Марта обрадовалась.

- Привет, я соскучилась!
- А я как соскучился! Да, кстати, ты помнишь, что мы завтра едем к Пыжику?

Марта просияла.

- Я-то помню...
- Так, суду все ясно! Ты решила, что я забыл, так вот, прошу запомнить – я никогда и ничего не забываю. Я даже помню, что ты обещала Пыжику знакомство с Викой. Надеюсь, ты ей не проболталась?
- Нет, конечно!
- Ты не сердись на меня, я понимаю, что уделяю тебе мало времени, но так уж сложилось... И не думай, я люблю тебя не меньше, а наоборот, с каждым днем все больше и больше. Мне так важно знать, что ты у меня есть...

Он обнял ее, запустил руку ей в волосы и она совершенно успокоилась.

- Ну что, дорогие мои, я считаю, можем больше не откладывать знакомство с прекрасной Викторией, – с улыбкой сказал доктор Алексахин,

осмотрев Марту. – Все хорошо. Никаких больше уколов, никаких капельниц, только таблеточки.

– А... – открыла было рот Марта.

– Нет, пока никаких машин, и с ребеночком повремените. Раз в месяц будете показываться мне, я скажу, когда можно... И, кстати, можете уже приезжать ко мне без мужа, он теперь такой востребованный, и на радио, и в газетах...

– Вот что, Пыжик, приезжай в субботу к нам на дачу, с ночевкой! А то скоро сезон кончается... Сделаю шашлык...

– Надеюсь, не в электрошашлычнице? – фыркнула Марта.

– Зачем же в саду электрошашлычница? Нет, нормальный шашлык, я умею...

– Отлично, записываю адрес!

– Александр Афанасьевич, вы только не подавайте виду, что это как-то спланировано...

– Голубушка, Марта Петровна, такое недоверие к лечащему врачу!

– Что вы!

– По-моему, вам в субботу уже следует выпить на брудершафт! – с улыбкой заметил Бобров.

– Может быть... – улыбнулся в ответ Пыжик.

Когда они сели в машину, Марта собралась немедленно звонить Вике, но Бобров удержал ее.

– Успеешь еще!

– А что такое?

Он молча привлек ее к себе и сжал так, что она едва не задохнулась.

– Маленькая моя, как хорошо... Никаких больше капельниц, никаких уколов, а то вон ручки все в синяках, а попка вся шершавая от уколов...

– Мишка, ну что ты врешь, ничего попка не шершавая...

– Шершавая, еще какая шершавая...

Она попыталась высвободиться из его объятий.

– Хочешь прямо тут проверить свою попку на шершавость? – захохотал он. – Господи, я тебя обожаю!

– Миша, а давай сейчас заедем куда-нибудь пообедаем вдвоем?

– Не могу, солнышко, мне к пяти в Останкино.

– А что там такое?

– Да вот позвали в одно ток-шоу по поводу Брексита. Я тебя домой заброшу и... Слава богу, от дома до Останкина недалеко. А оттуда мне еще на одну консультацию, уж не сердись...

- А ток-шоу в прямом эфире будет?
 - Да.
 - Ой, надо позвонить Миле! Она все лето сокрушалась, что тебя на телевидение не приглашают! Вот будет рада! И еще предупрежу ее, что в субботу у нас шашлыки.
 - Она так огорчена, что ты съехала с дачи.
 - Знаешь, я к ней очень привязалась, но жить за городом в здоровом состоянии просто не могу.
 - Понимаю, сам сугубо городской житель.
 - Миш, а если б я тебя не позвала в ресторан, ты бы так и не сказал мне про телевидение?
 - Сказал бы, обязательно. Все, солнышко, мне пора!
- Марта вошла в подъезд и у лифта увидела соседку Антонину Юрьевну, которая весной вышла на пенсию и уехала в Ростов-на-Дону к дочери, у той родилась двойня.
- Ой, Антонина Юрьевна, здравствуйте, как я рада вас видеть!
 - Ну еще бы! Вон какого мужика я тебе подогнала! Высший сорт!
 - Это правда, высший сорт! А вы в Москву надолго?
 - Да нет, на четыре дня. Машка моя там с тремя детьми зашивается совсем! А за тебя я рада! Цветешь! Веником еще его не гоняла?
 - Да пока не за что было, – засмеялась Марта. – Может, зайдете, чайку попьем, как бывалоча?
 - Я бы с радостью, но мне сегодня еще к брату ехать, у него теща приболела, надо с ней посидеть, пока Маринка не вернется. Но я к тебе еще зайду, правда, не сегодня.
 - Конечно, заходите, буду рада!

Первым делом Марта позвонила Милице Артемьевне.

– Что ты говоришь! Мишу будут показывать? Как хорошо! И вы приедете в субботу? Я испеку что-нибудь... И, может, правда, Вику твою пристроим, она мне очень понравилась.

Потом пришел черед Вики, тут надо было действовать осторожно.

– Викуля, считай меня выписали! Отменили все, кроме таблеток, и мы решили по этому поводу устроить праздник на даче. Миша сделает шашлык! Приедешь?

- Да с удовольствием!
- Тогда в пятницу после эфира он тебя заберет.
- Здорово!
- А еще сегодня Мишу будут по телевизору показывать!

- Наконец-то! Давно пора! От меня на субботу что-то нужно?
 - Только твое присутствие.
 - Буду! А кто-то еще будет?
 - Не думаю! Звали доктора, но он не мог твердо обещать, сомневался, сможет ли выбраться.
 - А он как, не противный?
 - Нет, он чудесный и у него кличка Пыжик!
 - Почему?
- Марта объяснила.
- А ты его тоже Пыжиком зовешь?
 - Боже упаси! – засмеялась Марта.

Подарок от брата

До передачи оставалось еще минут двадцать, когда зазвонил Мартин телефон. Номер был незнакомый.

– Алло!

– Простите, я могу поговорить с Мартой Сокольской? – произнес очень приятный мужской голос.

– Я вас слушаю!

– Марта, я привез вам подарок от вашего брата.

– Да? Какой подарок?

– Ну, я не знаю, меня просили передать вам пакет, я в него не заглядывал. Как бы мне передать его вам? Но сегодня никак не получится, а вот завтра я готов приехать куда вы скажите.

– Простите, а как вас зовут?

– Меня? Тенгиз!

– Тенгиз, а вы не могли бы завтра подъехать к метро Новокузнецкая?

– Могу, конечно, мне это даже очень удобно. Встретимся у метро?

– Нет, завтра обещали дождь. Знаете, где здание радиокомитета?

– Еще бы не знать, я когда-то там работал.

– Отлично, ждите меня внизу, в четверть второго я спущусь.

– Прекрасно! Петр Петрович мне вас описал, так что...

– Тогда до завтра!

Странно, подумала Марта, сроду Петька ничего мне не передавал через третьих лиц. Либо сам привозил, либо Ирка... Она глянула на часы и тут же включила телевизор.

Бобров вышел из студии в состоянии крайнего раздражения, которое ему не хотелось показывать. Кажется, я смог сдержать эмоции.

– Добрый вечер, Михаил Андреевич! – окликнул его женский голос.

Это была журналистка, которая хотела взять у него интервью еще в Сочи.

– Здравствуйте!

– Михаил Андреевич, вы были так убедительны! Вас интересно слушать.

– Благодарю! Простите, я спешу сейчас!

– А вы обещали мне дать интервью!

– Я готов, но не сию минуту! У меня еще одна встреча.

– Простите, а ваша встреча далеко? А то я могла бы взять интервью в машине?

– В машине? Извините, девушка...

– Алла! Алла Силантьева!

– Извините, Алла, но это несерьезно. Надеюсь, интервью не для гламурного журнала? Такого рода издания не мой профиль.

– Нет, что вы! Это для «Московского комсомольца». Михаил Андреевич, а когда вы могли бы?

– К примеру, завтра, в половине третьего. Пообедаем вместе и поговорим.

– О, спасибо вам огромное! Для меня это очень-очень важно.

Он не стал уточнять, что именно для нее очень-очень важно и поспешно ушел.

Алла Силантьева осталась очень-очень довольна.

Едва он вошел в квартиру, как Марта бросилась ему на шею.

– Мишка, ты чего такой злющий там был?

– Ты заметила? Да?

– Что ж я своего мужа не знаю? Ты так улыбался, ужас просто. Но я тебя понимаю, некоторым участникам так и хочется дать по башке! И тебе тоже хотелось?

– Просто руки чесались! – рассмеялся Бобров. Все раздражение и усталость словно смыло дождем. – Маленькая моя...

– А как тебе показалось, они были довольны твоим участием?

– Возможно, во всяком случае ведущий спросил разрешения приглашать меня еще...

– А ты?

– Я сказал, что если вопрос будет по моему профилю, приду, но по любому поводу таскаться туда не стану.

– Правильно! Миш, я поговорила с Викой и с Милей...

– Молодец. Завтра я совсем раненько смотаюсь на рынок за мясом, куплю хорошие помидоры...

– Но я могу мясо заказать по Интернету.

– Ни в коем случае!

– Ах да, женщин к шашлыку и близко подпускать нельзя, – засмеялась Марта. – Ты завтра заберешь Вику?

– Конечно! Ох, у меня же завтра в обед еще интервью для «Московского комсомольца».

– Господи, Мишка, ты просто теперь звезда!

- Да брось.
- И должна заметить, ты был одет лучше всех! Такой элегантный! А этот наш любимый козел Мануйлов в оранжевом свитере...
- Марта, корми мужа и не напоминай мне больше про этого кретина!

Едва Марта вышла из аппаратной после эфира, как у нее зазвонил телефон.

- Марта, это Тенгиз, я внизу!
- Бегу!
- Куда бежишь? – спросила Вика.
- Да Петька мне что-то прислал. Я потом домой, а вечером Бобров тебя заберет.

– Слушай, нет, я лучше домой смотаюсь, возьму что-то нужное, а что мне тут зря торчать, я через полтора часа освобожусь. И к восьми подвалю к тебе. Бобров только в десять освобождается...

- Правильно! Я пошлю ему сообщение. Все, меня нет!

В вестибюле стоял мужчина такой красоты, что Марта невольно ахнула. Высокий, широкоплечий грузин со светлыми глазами и удивительно доброй улыбкой. Гуриец, подумала Марта.

- Вы Тенгиз?
- А вы Марта? Очень рад! А вы похожи на вашего брата...
- Говорят... А вы... гуриец?
- Да, а как вы догадались? – очаровательно улыбнулся он.
- Мне кто-то объяснил, что если грузин с голубыми глазами, значит, гуриец.

– Марта, а давайте зайдём в кафе. Я, если честно, здорово проголодался, а вы?

– Если честно, тоже! Только давайте не здесь! А то пойдут разговоры...

– Как угодно! А знаете, тут на Пятницкой есть кафе, там чудесно кормят...

– С удовольствием. И вы расскажете мне про Петьку... вернее, про Петра Петровича, – фыркнула Марта.

И какого черта я сюда с ним приперлась? – подумала Марта. Надо было взять подарок и все... Но он такой невозможно красивый и жутко обаятельный!

- Ну, рассказывайте! – потребовала она, когда они сели за столик.
- Для начала я отдам вам посылку... – Он вытащил из спортивной

сумки картонный пакет. – Вот, это вам.

Марта заглянула в пакет. Там была поистине роскошная сумка из мягчайшей темно-зеленой кожи, явно очень дорогая.

– Ух ты! Красота!

– А вот тут еще письмо и какие-то таблетки.

– Таблетки? Зачем?

– Петр Петрович сказал, что у вас были проблемы со здоровьем...

– Так или иначе, спасибо вам, Тенгиз!

– А еще Петр Петрович буквально потребовал, чтобы мы с вами сфотографировались...

– Зачем?

– Сказал, что хочет удостовериться, что я лично выполнил его поручение, – добродушно улыбнулся Тенгиз. – Девушка! – обратился он к официантке и протянул ей свой телефон.

Та сфотографировала их.

И вдруг Марта начала хохотать как ненормальная.

– Марта, что с вами? – крайне удивился Тенгиз.

– Я поняла... Я все поняла...

– Что вы поняли?

– Знаете, Тенгиз, зачем Петр Петрович все это затеял?

– Вы о чем?

– Зачем он поручил вам отдать мне сумку да еще сфотографироваться со мной?

– Вы полагаете, у Петра Петровича был какой-то коварный замысел? – обаятельно улыбнулся Тенгиз.

– Именно! Он невзлюбил моего мужа, вот и решил подослать ко мне такого красавца... А фотка нужна для того, чтобы мой муж как-нибудь ненароком ее увидел.

– Господи помилуй! Но... вы же взрослая женщина... и вы сами... Хотя... у меня тоже есть две младшие сестренки и я ужасно боюсь за них...

– Сколько лет вашим сестренкам?

– Одной семнадцать, а второй девятнадцать.

– А мне уже тридцать один! Есть разница? И у меня уже третий муж! Замечательный, незаурядный человек, и у нас любовь! Но Петька знает его смолоду и с тех пор не любит... Дурак! – И она заплакала.

Тенгиз страшно перепугался.

– Марта, что ж вы плачете? Не надо! Вот, смотрите, я уже стер фотку... А Петру Петровичу скажу, что я ему не мальчик, чтобы использовать меня втемную...

– Нет, Тенгиз, лучше сделаем не так!

– А как?

– Ну, во-первых, зачем вам обострять отношения с начальством, он ведь ваше начальство, да?

– Ну да!

– Вы просто скажете ему, что у меня был грипп, встретиться с вами я не могла, и с вами встретился мой муж. Да я сама ему напишу... Поблагодарю за сумку, она и впрямь хороша. Тогда, как говорится, и овцы будут целы и волки сыты...

– А если... Петр Петрович спросит, как выглядит ваш муж?

– Не проблема!

Марта протянула ему телефон с фотографией Боброва.

– Марта, ваш муж Михаил Бобров?

– Да. Вы его знаете?

– Господи, конечно! А, кажется я понял, почему Петр Петрович так настроен... Тогда я скажу, что просто оставил пакет на проходной. Петр Петрович, конечно, будет недоволен, но...

– Такое впечатление, что Петька там просто сбрендил. Он что, решил, что я, конечно, западу на вашу красоту невероятную? И чего вы с такой внешностью в дипломаты подались, вас в кино снимать надо... Боже, это невероятно глупо... Или он подумал, что мой муж, увидав такую фотку, сразу меня бросит? Бред...

– Как бы там ни было, а я рад, что познакомился с такой очаровательной женщиной. Поверьте, это совершенно искренне. И я счастлив, что господин Бобров, по-видимому, обрел семью... Ну, вы меня понимаете! Господин Бобров это удивительная в наше время фигура. Я мечтал бы с ним познакомиться...

– А вы надолго в Москве?

– Да завтра вечером улетаю.

– Жаль, ну, в следующий раз как приедете, звоните, познакомлю вас с вашим кумиром.

– О, заранее благодарен!

– Только, Тенгиз...

– О, я умею держать язык за зубами.

Марта вдруг схватила свой телефон и сфотографировала Тенгиза.

Он поразился – как легко эта женщина переходит от слез к улыбке, и эта улыбка буквально сводит с ума.

– Зачем это?

– А я покажу вас мужу и расскажу ему эту совершенно идиотскую

историю.

Они рассмеялись.

– Знаете, Марта, а мне жаль, что вы замужем именно за Бобровым...

– А что, иначе попытались бы отбить? – задорно рассмеялась Марта.

– Непременно!

Алла Силантьева оказалась вполне профессиональной журналисткой и задавала довольно толковые вопросы и не делала больше попыток соблазнить Боброва. Он отвечал как всегда достаточно кратко, не растекаясь в словах.

– Скажите, Михаил Андреевич, как вам удалось после стольких лет в Англии вписаться в российскую жизнь? Это было непросто?

– Я бы не сказал. Ведь между долгими годами в Англии и возвращением в Россию было еще два с лишним года тюрьмы. И потом возможность наконец говорить на родном языке, это уже само по себе счастье.

– А на каком языке вы думаете?

– Теперь уже на русском.

– А скажите... Я вот в определенных кругах слышала такое мнение, что разведчик, по большей части говорят «шпион», профессия, так сказать...

– Договаривайте, Алла!

– Вроде как считается ну... не очень почтенной, мягко говоря.

– Я вполне понимаю, какие круги вы имеете в виду, что ж, меня их мнение совершенно не затрагивает. Эти люди в своем идиотском снобизме просто путают разведчика со стукачом, только и всего. Что говорит об их весьма скромных умственных способностях.

– То есть вас это не напрягает?

– Нисколько.

– И что, вот вы вернулись в Москву и сразу обрели себя в новой жизни?

– Разумеется, нет. Было довольно сложно, но я справился. И мне во многом помогла женщина, ставшая моей женой. Так что у меня все прекрасно в родном городе. У меня очень много работы, я и мой опыт востребованы и у меня хорошая семья.

– И еще один вопрос. Вы что-то почерпнули для себя лично из многолетней жизни в Англии? Вам в Англии было достаточно комфортно?

– В бытовом смысле, да, хотя я иногда страшно скучал по России, по Москве. Кроме того образ жизни англичан серьезно отличается от нашего,

но я должен был встроиться в эту жизнь. Не скажу, что полюбил ее, но чувствовал себя комфортно. Однако один принцип англичан я взял на вооружение. Это и сейчас мой жизненный принцип.

– Какой именно?

– У англичан есть поговорка: «Плохая или хорошая, но это моя страна»!

– О! – воскликнула Алла. – Это потрясающее завершение интервью! Супер! Спасибо вам, Михаил Андреевич! А теперь позвольте мне вас сфотографировать!

– Ради бога!

Бобров был доволен. Вот как важно вовремя поставить девушку на место. Объяснил ей, что в «медовые ловушки» не попадаюсь, и она очень толковое интервью взяла. И больше не строит мне глазки. Она, конечно, очень хорошенькая, эта Алла, но у меня же есть моя Марта... И сердце наполнилось нежностью. Что-то я, кажется, размяк в семейной идиллии, одернул он сам себя. Не слишком ли все у меня хорошо?

В саду пахло дымком, осенней прелью. Как раз сегодня бабье лето вступило в свои права. Мужчины возились с мангалом, дамы с террасы наблюдали за ними, а Тимоша с вождением поглядывал на прикрытую салфеткой миску с пирожками, которые напекла Милица Артемьевна.

– Можно я дам ему пирожок? – не выдержала Вика.

– Вряд ли он станет есть с капустой, – пожала плечами пожилая дама.

– А помните как он вареники с вишнями жрал? – воскликнула Марта и достала из миски совсем маленький изящный пирожок.

Тимоша принюхался и схватил пирожок с каким-то утробным урчанием.

– Господи, да он тут превратился в первобытное животное, а был такой диванный котяра... – засмеялась Вика.

– Да уж, и полевок ловит, а позавчера птичку поймал. Инстинкты разыгрались, – покачала головой Милица Артемьевна.

– О, шашлыки уже жарятся! Чуете, как пахло? – с наслаждением спросила Марта.

– Да, сразу слюнки потекли...

– А мне грустно, – проговорила Милица Артемьевна.

– Почему?

– Я жила тут одна много лет, и сперва даже испугалась, когда Миша сказал, что Марте надо пожить за городом. Но я так привязалась к тебе, детка, и опять как-то вовлеклась в семейную жизнь, пусть не мою, а

племянника, что одинокая зима меня слегка пугает... Но я втянусь!

– А мы с Мишей подумываем сменить наши две квартиры на четырехкомнатную, и тогда сможем жить все вместе...

– Нет-нет, детка, молодым надо жить отдельно. И вообще, не обращайтесь внимания на старческие стенания! Вика, вам понравился это доктор Пыжик?

– Да, ничего вроде... – без особого энтузиазма отозвалась Вика. – Милица Артемьевна, когда Михаил Андреевич жил за границей, у вас была с ним какая-то связь?

– Непосредственной связи не было, но мне примерно раз в полгода кто-то, видимо его шеф, присылал открытку, такую, знаете ли, безвкусную открытку, какие продают на почте, там было поздравление с днем рождения или с Восьмым марта, с дежурным текстом, от руки ни слова. Но я знала, это значит, что Миша жив-здоров!

В воскресенье вечером Бобров с Мартой вернулись в Москву.

– Похоже, наше сватовство окончилось ничем, – заметил Бобров.

– Думаю, ты ошибаешься, твой Пыжик взял у Вики телефон.

– Да ты что! А я как-то не заметил... Хотя чему удивляться, я все время смотрел только на жену. Ты после лечения доктора Пыжика стала еще лучше...

– Миша, а мы Тимошу возьмем на зиму в город?

– Жалко! Ему там хорошо, он как-то возмужал, что ли... Да и Миля его полюбила, а раньше уверяла, что не любит кошек. Да не грусти, я буду тебе вместо Тимоши, меня тоже можно кормить, гладить, чесать за ухом, целовать в нос, тискать, но при этом мне не нужен лоток...

– Да ну тебя, Мишка, – засмеялась Марта. – Ты мурлыкать не умеешь.

– Я? Я не умею мурлыкать? Да вот домой приедем, в постель ляжем, я тебе такого намурлычу...

Господи, неужели бывает такое счастье и оно не во сне, а наяву?

Удар из прошлого

После нескольких дней бабьего лета вдруг резко похолодало, пошли дожди. Бобров мало бывал дома, Марта грустила. Спасала только работа, да иногда она моталась по магазинам, благо Бобров регулярно подбрасывал ей денег. Он, кстати, забраковал больше половины ее осенне-зимнего гардероба.

– Маленькая, ну это не для тебя, это рынок... И вот это тоже, отдай кому-нибудь. Да и вообще, лучше купить одну вещь, но классную. У тебя же есть вкус. Вот смотри, эта сумка, которую тебе братец прислал со столь далеко идущими целями, – смеялся Бобров, – по-настоящему хорошая дорогая вещь, но она сразу же убивает этот костюмчик. Насмерть!

– Мишка, а как-то твой интерес к шмоткам не вяжется с образом мужественного разведчика...

– Шпионы тоже люди! – разводил руками Бобров.

...Он уехал на три дня в Питер на какой-то очередной форум. Звал Марту с собой, но она никак не могла, работа не позволяла.

Она приехала в редакцию за час до эфира. Вика встретила ее словами:

– Привет, мне вчера звонил доктор Пыжик!

– Да ты что! Здорово!

– Он так и сказал: здравствуйте, Вика, это доктор Пыжик!

– И что?

– Назначил свиданку на субботу. В театр позвал.

– В какой?

– В Большой! На «Спящую»!

– Пойдешь?

– Конечно, пойду!

– Ты рада?

– Рада. Мне понравилось, что он сказал – это доктор Пыжик! Значит, у человека есть самоирония, а это хорошо о нем говорит.

– Ладно, потом расскажешь. Кто у нас сегодня?

– Мурадян и Горшенин.

– Горшенин? Первый раз слышу! Кто такой?

– Да какой-то новый перец из городской думы. Должен был прийти Филиппов, он заболел и предложил Горшенина.

– А на него есть хоть что-то?

– Да, вот все, что удалось надыбать.

– Дай, я посмотрю... Ага, окончил школу в Волгограде, потом Плешку, работал... так... избрался в городскую думу, женат, двое детей... Ничего примечательного вроде бы... Звать Виталий Васильевич... год рождения восьмидесятый. Скучный должно быть тип...

– Ладно, тебе с ним детей не крестить, мало что ли у нас скучных гостей бывает...

– Да переживем! Но я рада, что доктор Пыжик прорезался. Ты сегодня когда заканчиваешь? Может, пообедаем вместе?

– С удовольствием.

– Как тут солнечные красавицы поживают? – с сильным армянским акцентом спросил частенько бывающий у них историк и публицист Карен Мурадян. – Цветете, девушки! А я вам армянские персики принес! Вы только понюхайте, как они пахнут! Это же мечта, это вам не персики из Южной Африки!

– Да, спасибо, ой, и вправду, какой запах! – воскликнула Вика.

– Карен, а давайте немножко поговорим про армянские фрукты! – воодушевилась Марта. – У нас же радио «Солнце», а эти персики просто аккумулируют солнечный счет...

– Замечательно! О, это вполне моя тема, мой дядя знаменитый садовод.

– Карен, а вы случайно не знаете, кто такой... Виталий Горшенин?

– Первый раз слышу!

У Вики зазвонил телефон.

– О, а вот и он! Пойду встречу.

Тут Марту позвал к себе главный редактор, надо было обсудить кое-какие детали предстоящих в начале ноября праздничных эфиров. Когда во время болезни Марты выяснилось, как ее любят слушатели, главный стал то и дело спрашивать ее мнения по самым разным вопросам, что ее напрягало. Но не отказывать же начальству... И в результате в аппаратную она вошла за две минуты до начала эфира.

– И вот и наша Марта, моя соведущая, – улыбнулся Корней. – Вот, Марточка, это наш новый гость...

Марта дежурно улыбнулась гостю. Это был мужчина лет сорока, довольно видный, и явно очень напряженный. Ага, первый раз в прямом эфире, нервничает, сообразила Марта.

– Добрый день, дорогие слушатели! В эфире «Радио Солнце»! Сегодня, как и всегда в непогоду, мы постараемся восполнить недостаток

солнца в нашем климате! С вами Корней и Марта! А ответственный за солнце сегодня будет наш старый друг Карен Иванович Мурадян! Карен Иванович, вы принесли нам сегодня плоды щедрого армянского лета, дивные персики! Расскажите, что это за сорт...

Марта еще раз просмотрела сведения о Горшенине, подняла глаза на него, чтобы улыбкой подбодрить неопита. Он смотрел на нее, как ей показалось, испуганно. Но это не был испуг неопита. Это был настоящий животный страх... И вдруг она узнала его, и ей стало плохо. Нет, не может быть... прошло столько лет, почти семнадцать... Наверняка, если б не этот страх, я бы могла его и не узнать. Но я же не смогу с ним нормально разговаривать...

Между тем объявили рекламную паузу.

Она схватила за рукав Корнея и показала рукой на горло, мол, голос пропал... Такое бывает. Корней понимающе кивнул и подал ей стакан с водой. И вдруг Марта невольно опять глянула на Горшенина и прочла в его глазах уже не страх, а угрозу. Он незаметно для Корнея поднес палец к губам, молчи, мол. Она в ужасе кивнула.

Я должна взять себя в руки, иначе меня замучают вопросами. И неимоверным усилием воли она справилась с собой, подала знак Корнею, что будет говорить с Мурадяном, а с Горшениным пусть он говорит. Такое тоже нередко бывало. Ей показалось, что это был самый долгий эфир в ее жизни. И самый мучительный. Горшенин и Мурадян вместе вышли в коридор. Корней собирал вещи, а Марта, сидела, бессильно уронив руки и уставившись в пространство.

– Марта, что случилось? Тебе нехорошо? – заботливо осведомился Корней.

– Ничего, сейчас пройдет, – еле слышно пролепетала Марта.

– Тебе помочь?

– Нет, спасибо, я сама. Видимо, давление упало...

– Рановато, подруга, рановато! Пошли-пошли, сдам тебя Вике, ух бледнющая какая!

– Господи, что с тобой? – испугалась Вика. – Где твой баллончик? Надо срочно брызнуть...

Вика вытащила из ее сумки флакон, из которого брызнула в рот подруге. Марте стало немного легче.

– Вот что, я тебя сейчас отвезу домой, пообедаем в другой раз.

– Да, я хочу домой, только вызови мне такси, я прекрасно сама доберусь.

– Ну, как хочешь...

Марта вошла в квартиру, которую всегда любила, а после того как в нее вселился Бобров, просто обожала. Вот все и кончилось... Квартира показалась ей грязной, с потолка свисала паутина, все было серым и ужасным, как в постперестроечном кино. Этот кошмар вернулся, кошмар ее ранней юности, который ей как-то удалось вытеснить из памяти напрочь... И вот он вернулся... Это жуткое ощущение грязи преследовало ее в течение нескольких месяцев, а потом сознание словно обрубило все... Она жила как нормальный человек, даже научилась радоваться, и никогда не вспоминала о пережитом. Но оно настигло ее!

Ей не было еще и пятнадцати, когда два отморозка заловили ее на улице и надругались над ней. А натешившись, пригрозили – если вякнешь кому-нибудь, удавим на фиг! А будешь молчать, живи спокойно. Родители работали за границей, старший брат тоже, и она была на попечении старенькой няньки. Только бы никто меня не заметил, думала она, бредя к дому. Слава богу, нянька была глуховата. Марта заперлась в ванной и встала под душ, ее трясло, но она не могла плакать, от этого было еще страшнее... Лучше бы они меня убили... Она много раз подряд намыливалась, смывала пену горячей водой, почти кипятком, а потом пустила ледяной душ и стояла под ним, пока окончательно не задубела. В результате к утру у нее поднялась температура, она дрожала как осиновый лист, нянька отпаивала ее чаем с малиной, а она все норовила залезть под душ, ощущение грязи преследовало ее. Она не вспоминала то, что с ней случилось, она даже смогла читать, смотреть телевизор, но это ощущение грязи преследовало и мучило ее. А спустя два месяца приехал Петька, увидел, что любимая сестренка плохо выглядит и увез ее в Крым, в Судак, где они с Ириной проводили отпуск. Они кормили ее свежей рыбой и фруктами, заботились о ней, и всюду таскали с собой... Купались, загорели дочерна, а однажды Ирина спросила ее тихонько: Марточка, с тобой что-то плохое случилось? Скажи мне, я никому, даже Петьке не скажу и, может быть, смогу тебе помочь? Ирина решила, что Марта беременна.

– Нет, что ты, просто я... перенесла тяжелый грипп и захандрила, но тут с вами мне так хорошо...

Там, в Судакe, она почти не вылезала из моря и это ощущение грязи прошло.

И вот сегодня все вернулось... И как теперь с этим быть? Вряд ли удастся еще раз вытеснить это.

Она взяла стремянку, забралась на самую верхнюю ступеньку и

провела рукой по потолку. Разумеется, никакой паутины не было. Может быть, надо обратиться к психотерапевту? Но рассказывать об этом кому бы то ни было казалось попросту невыносимым... Но как справиться с этим ужасом самой? Может, надо, наконец, кому-то рассказать? Нет, нереально... Я не знала тогда ни их имен, ни фамилий, ничего, а теперь один уже поименован в моем сознании и нет гарантий, что он не появится вновь. Стало душно. Она открыла балкон. Холодно. Может, прыгнуть вниз и разом покончить со всем этим? Нет, нельзя! А как же Миша? Что будет с ним? И Петька во всем обвинит его... Миша, где ты? И как я теперь буду с тобой? Я же все время буду чувствовать себя грязной, мне будет казаться, что ты запачкаешься от меня, это как постыдная болезнь. Она долго лежала в ванне, отмокала, потом закуталась в халат и побрела на кухню. И чуть не закричала. Вся кухня была в паутине, в липкой серой паутине... Я схожу с ума? Она протянула руку к шкафчику, и тут же ее отдернула – рука коснулась паутины.

В этот момент зазвонил телефон.

– Алло! – едва слышно проговорила Марта.

В трубке молчали.

– Алло, говорите!

Никто не сказал ни слова и слышались гудки. Марта в панике позвонила Вике.

– Вика, ради бога, ты можешь сейчас ко мне приехать? Умоляю!

– Что случилось? Что-то с Мишей?

– Нет, нет, со мной, пожалуйста...

– Еду!

Прошло минут сорок и в дверь позвонили.

– Кто?

– Марта, это я!

Вид у Вики был встревоженный.

– Что случилось?

– Вика, посмотри, пожалуйста, там в кухне есть паутина?

– Паутина? Вот не знала, что ты пауков боишься... Кажется, это называется арахнофобия. Да где ты видишь паутину? У тебя всегда все чисто.

– Значит, я схожу с ума...

Вика встряхнула ее за плечи:

– Приди в себя!

– Нет, не трогай меня, я вся грязная...

– Да ты, похоже, только из ванной... Эй, подруга, в чем дело? Ты

можешь толком сказать, что с тобой?

Опять зазвонил телефон.

– Вика, подойди!

– Не вопрос! Алло, я слушаю! Что? Что вы сказали? – побледнела Вика. – Марта, что это?

– А что, что он сказал?

– Откуда ты знаешь, что это он, а не она?

– Неважно, что он сказал?

– Он сказал буквально следующее: будешь молчать, как молчала, живи и радуйся! Подруга, во что ты влипла? И о чем это ты молчала?

– Вика, это ужасно, но я чувствую себя такой грязной и вокруг грязь... Как Миша будет в такой грязи?

– Так, кажется, я начинаю что-то понимать... Это... изнасилование, да?

– Как ты догадалась?

– Значит, я права... И когда это было?

– Вика!

– Ничего не Вика! Расскажи, станет легче, я знаю! Ну?

– Давно. Мне было четырнадцать с хвостиком. Их было двое...

– Кто-нибудь знал?

– Никто. Я сама... Сама виновата...

– В чем ты виновата?

– Мне родители всегда говорили не ходить по тому переулку, а я нарочно там ходила... Там был такой двор...

– Родители ничего не заметили?

– Они были тогда в Монтевидео, а Петька в Найроби.

– Так, дела давно минувших дней... А где ж ты этого подонка увидела?

– В аппаратной.

– Горшенин?

Марта молча кивнула.

– А тогда... Ты сама справилась?

– Да. Вытеснение... И смогла нормально жить. Но я не знала, кто они, не знала имен... Я и лиц не помнила и не узнала бы его, но в его глазах был такой страх... И мне стало плохо. Если б я могла притвориться, что не узнала... Вика, что теперь делать?

– Ты своего Боброва любишь?

– Больше всего на свете!

– Тогда постарайся забыть об этой истории. В конце концов, ты была

маленькой девочкой и то справилась, а теперь ты взрослая, состоявшаяся, а, главное, любимая и любящая женщина, что было, то уже быльем поросло. И постарайся ради Миши взять себя в руки. Я понимаю, у тебя истерика, а этот мразный тип еще и запугивает тебя... А ты не думаешь, что стоило бы рассказать об этом Мише?

– Мише? Ты с ума сошла! Ни за что на свете!

– А почему, собственно? Ты же не невинной девушкой за него вышла. Он тебя расспрашивал о твоих мужиках, кто они, сколько их было?

– Никогда!

– Он нормальный, твой Миша! И очень умный и любит тебя по-настоящему...

– Дело не в том! Если он узнает, он просто пойдет и убьет его!

– И наверняка сумеет сделать это так, что ни одна собака не узнает!

– Вика, никогда! Знаешь, он так изменился за то время, что мы вместе... Он стал куда веселее, спокойнее, легче... Раньше в нем был какой-то надлом, а сейчас это другой человек, он как будто груз какой-то с себя сбросил, а я взвалю на него этот ужас?

– Ну что ж, ты, вероятно, права... Ничего, тогда ты справлялась с этим одна, а сейчас мы будем вдвоем. Ты сможешь всегда все рассказать мне. Я вот гляжу, как мы поговорили, тебе полегче стало. Думала сперва найти тебе хорошего психолога или психотерапевта, но нам это не годится, мы с тобой по-русски дернем водочки и будем изливать друг другу душу. Рюмка водки и верная подруга для нас лучшее лекарство! Сиди, я сама все сделаю... И имей в виду, я останусь у тебя ночевать. Бобров когда возвращается?

– Завтра вечером.

– Ну, до тех пор я тебя реанимирую!

– Многие говорят, что не существует женской дружбы... А я точно знаю – существует.

– Это говорят те, кто сам дружить не умеет. Все есть, и женская дружба, и дружба между мужчиной и женщиной, и любовь с первого взгляда, а тот, кто все это отрицает, просто невезучий или мелкодушный человек, так мне кажется...

– О, похоже, тебя с одной рюмки повело, – грустно улыбнулась Марта. – Ты что, с первого взгляда в Пыжика втюрилась?

– Может быть... Хотя не со взгляда...

– А с чего?

– Вот когда он мне позвонил... У него такой чудесный теплый голос...

– Ну, он и внешне очень приятный.

– Внешность бывает обманчивой.

Они еще долго сидели и лечились «по-русски», а потом улеглись вдвоем в супружескую постель и крепко уснули.

Утром Марта проснулась и слышала, что на кухне кто-то возится.

– Миша, ты приехал? – крикнула она.

– Ты ж сама сказала, что он придет вечером, – донесся до нее бодрый голос Вики. – Вставай, лежебока, я тут завтрак сварганила!

Марта обрадовалась и побежала на кухню.

– Привет, я выспалась! А ты?

– А я не очень... Волновалась, думала, как одеться в театр... Садись, у меня все готово! Смотри, что я удумала!

И Вика вытащила из духовки сковороду, где лежали толстые куски батона с вынутой серединкой, в которую она вбила яйцо и присыпала сверху тертым сыром. Получилось очень вкусно!

– Ой, обожаю! Надо как-нибудь такое Мише приготовить!

Слава бога, подумала Вика, она не бросилась в ванную смывать несуществующую грязь, а с аппетитом уминает завтрак и думает о своем Мише. Конечно, не факт, что это состояние не вернется, но пока и на том спасибо!

– Ну вот что, – заявила Вика, – я лично сейчас иду в салон красоты, не хочешь со мной?

– В салон красоты? – задумчиво повторила Марта. – А что если мне покраситься?

– В каком смысле? – не поняла Вика.

– Ну, в темный цвет...

– Спятила? У тебя такие красивые волосы! Натуральная блондинка, да Миша твой тебя бросит! Вместо прелестной веселой блондинки унылая брюнетка!

– Почему унылая?

– Потому что это признак депрессии – желание сменить внешность! Не вздумай! И вообще – забудь! Помни только одно – у тебя есть Миша!

– А я надеюсь, что у тебя скоро будет Саша!

– Мне больше нравится Пыжик! Кстати, не забудь, что завтра у тебя воскресный эфир!

– А кто будет?

– Не волнуйся, две женщины! Я тебе чуть позже скину все данные. Держи себя в руках и займись чем-нибудь!

– Да, да, конечно!

И Марта с остервенением взялась за уборку, потом сбегала в магазин и приготовила столь любимое Бобровым чахохбили. Вика права – у меня есть Миша!

– ...Ну рассказывай, как ты съездил? Очень устал?

– Да не сказал бы! Было здорово интересно. Я там схлестнулся с одним экспертом, спорили до посинения, а потом оказалось, что он просто не очень умеет выражать свои мысли и, собственно, наши взгляды почти совпадают, но он так многословен и витиеват, что запутал и меня и остальную публику. Я не понимаю, если человек столь велеречив, то зачем его приглашают на подобные дискуссии, только время терять... Но в принципе он неплохой мужик. Ну, а как ты тут без меня?

– Нормально.

– Ох, как вкусно! А знаешь, я в Питере зашел выпить кофе...

– А в какой гостинице ты жил?

– В очень хорошей, мы с тобой как-нибудь туда съездим. Это на улице Марата...

– Прости, я тебя перебила, ты что-то хотел сказать.

– Ну да, я зашел выпить кофе в какую-то кафешку и там меня заинтересовала одна штука. Пудинг из ряженки с черникой! Фантастически вкусно!

– Ты сластена, Мишка!

– Есть грех! А еще... ты залезь ко мне в сумку!

– Ой, а что там?

– Подарок для моей девочки! Не удержался!

Марта выскочила в прихожую и достала из его дорожной сумки пакет очень дорогой фирмы. Там было что-то мягкое. Дивного зеленого цвета мягчайший пуловер.

– Ой, красота какая!

– Ну-ка, примерь!

Пуловер сидел идеально.

– Я угадал, это точно твой цвет.

– Ой, он такой теплый, ласковый... как ты! У тебя было время бегать там по магазинам?

– Нет конечно, я просто шел мимо магазина на Невском и вдруг вспомнил, что еще до революции в этом месте был магазин, который назывался «Смерть мужьям», мне стало смешно, я зашел. Магазин и вправду шикарный и здорово дорогой. Но ты же знаешь, у меня снайперский глаз на хорошие вещи.

– Но сколько же ты заплатил?

– А вот это тебя совершенно не касается! Носи на здоровье, маленькая моя!

– Спасибо тебе. Знаешь, а я вот думала, не покрасить ли мне волосы в темный цвет?

– Что?

– Волосы... в темный цвет...

Он запустил руку ей в волосы, потом взял в ладони ее лицо, внимательно поглядел в глаза.

– Маленькая, что-то случилось? Что-то плохое?

– Миша...

Господи, у него взгляд и вправду как рентген...

– Ничего не случилось, просто... для разнообразия...

– Не вздумай! Ни краситься, ни коротко стричься я тебе не позволяю, запомни это! Я женился на такой, и другая мне ни к чему! Поняла?

– Поняла!

И жизнь потекла своим чередом. У Вики завязался роман с доктором Пыжиком. Роман неспешный, без особых страстей, но вполне приятный. Вика сияла.

– Знаешь, мне нравится такой ход событий. Пыжик ужасно милый, внимательный, нам хорошо вместе, но никаких страстей в клочья... Мне приятно знать, что он у меня есть, ему, видимо, тоже...

– Ну и слава богу! – радовалась Марта. – Надо бы нам как-то собраться, пойти куда-нибудь, но Миша так дико занят, его буквально рвут на части, а он похоже и рад. На прошлой неделе я его видела буквально считанные минуты. Я просыпаюсь, а его уже и след простыл... Я стала готовить ему завтрак с вечера. И он еще начал ходить в спортзал, говорит, без этого такой график ему не потянуть.

– А он... он с тобой спит?

– Да, с этим все нормально.

– Тогда живи спокойно, значит, это действительно дикая занятость. Его можно понять, мужику это надо – быть востребованным.

– Я понимаю... – без особого энтузиазма проговорила Марта.

Она действительно все понимала, но ей было грустно. Они даже к Милице Артемьевне и Тимоше перестали ездить вдвоем. Марта сама ездила туда на электричке, возила сигареты, работу для тетушки, лакомства для Тимоши.

– Эк Мишу-то закрутило! – радовалась Милица Артемьевна. – Молодец! И он наверняка хорошо зарабатывает.

– Мне много не надо. Знаете, мы раньше с ним столько разговаривали, обо всем на свете, а сейчас хорошо, если парой фраз перекинемся. И телефон у него звонит беспрерывно... И он совершенно утратил интерес к бытовой технике. Я тут как-то спросила его: Миша, а ты не думал купить йогуртницу?

– Господи, а это что такое?

– Да хрень какая-то, йогурты делать. Я нарочно спросила, а он говорит: «Покупай что хочешь, дорогая». И все!

– А вафли еще печет?

– Нет, давно не пек!

– Так это ж хорошо, Мартинька, ведь все это было от одиночества! Значит, он теперь не чувствует себя одиноким. Вот и радуйся, что сумела выиграть битву с бытовыми приборами!

– Кажется, да! – грустно улыбнулась Марта.

– Слушай, а может, переберешься сюда, и мне будет веселее и тебе...

– Нет, я с ума сойду. А кто ему завтрак приготовит? А ужин? Он иногда такой голодный приходит, днем даже времени поесть не бывает. А ведь желающих накормить такого обаятельного мужика всегда пруд пруди...

– Да, он обаятельный. А разведчики и должны быть обаятельными. А то у нас в советских фильмах сороковых-пятидесятых годов иностранных шпионов изображали такими мерзкими...

– Я этих фильмов, вероятно, не видела.

– А сейчас по телевизору частенько показывают одного пожилого польского журналиста – типичный шпион из советского фильма!

– А, знаю! – засмеялась Марта.

...Раз в месяц Марта ездила на прием к доктору Пыжику. Ездила одна, правда, Бобров потом обязательно звонил доктору, справлялся о состоянии жены.

Доктор, как всегда, встретил Марту добродушной улыбкой.

– О, а вот и Марта пожаловала! Ну, как дела-делишки?

– Да вроде нормально.

– В обморок не падаем больше?

– Нет. Скажите, Саша, а когда мне можно будет забеременеть?

– Ну, пока все-таки лучше повременить. Пусть сосуды еще окрепнут. Понимаю, не терпится... Но спешка в вашей ситуации очень, подчеркиваю, очень нежелательна. И ни в коем случае нельзя хандрить, в таком состоянии лечение проходит куда медленнее.

- Понимаю, но я вовсе не хандрю...
- И чудесно! Кстати, мы с Викой в субботу собираемся на выставку. Хотите с нами?
- На какую выставку?
- А я забыл... Вика знает, она сказала – надо непременно пойти. А мне без разницы, лишь бы она радовалась, а я уж отраженным светом, так сказать... Ну что, пойдете с нами?
- Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз.
- Ну, как угодно.

...Бобров подъехал к дому и на мгновение задумался – может, поставить машину на аварийку, занести домой пакеты из супермаркета, а уж потом отогнать на стоянку? Но погода была мерзкая и мысль о том, что из теплой уютной квартиры придется еще раз выходить на улицу, показалась невыносимой. Ничего страшного, донесу, не развалюсь. Он гордился собой – в последнее время он никак не успевал заехать за продуктами, а сегодня вспомнил – я же обещал Марте, что тяжелое буду покупать сам. Он поставил машину и уже подходил к подъезду, как его окликнул какой-то человек.

- Эй, мужик!
 - Вы мне?
 - Вот, глянь, это твоя баба?
- Он протянул ему старенький мобильник с фотографией Марты. Бобров страшно напрягся.
- Да, это моя жена. Что с ней?
 - Да пока ничего...
 - Что значит, пока?
 - Разговор есть. Не на улице же нам разговаривать...
- Бобров нутром чувствовал, что дело серьезное.
- Хорошо, пойдем в мою машину, поговорим.
 - Годится!
- Они вернулись на стоянку.
- Итак, я тебя слушаю!
 - Ну, короче... заказали мне твою бабу!
 - Что? – не поверил своим ушам Бобров.
 - Заказали ее, говорю. Только мне не с руки... не мокрушник я, сроду мокрыми делами не занимался...
 - Понятно. Хочешь денег?
 - Именно! Правильно сечешь. Он мне десять тонн зеленым пообещал.

– Я, конечно, дам тебе денег, но какая у меня гарантия, что ты не просто разводишь меня, а? И кто тебе ее заказал? Кому могла помешать такая женщина? Похоже на разводку... Только ты не на того напал!

– Да вижу я, ты крутой. Слышь, а у тебя выпить есть?

– Очень надо?

– Очень!

– Тогда поехали, тут рядом есть бар...

– Нет, мне нельзя с тобой светиться. Ни к чему это.

И вот тут Бобров вдруг поверил, что все правда и этому типу действительно кто-то заказал его Марту. Он вытащил бумажник и вынул оттуда купюру в пятьсот евро.

– Вот, держи и рассказывай!

– Я недавно откинулся, податься мне было некуда, сам понимаешь... Ну я и вспомнил про своего двоюродного брата Витальку Горшенина. Он мне, мягко говоря, не обрадовался, он, вишь, ли карьеру делает, он нынче депутат и все такое. Я прошу его – помоги по-родственному, а он... дал какие-то крохи и в деревню меня спровадил, где у него халабудка от бабки осталась, нежилая совсем. Живи, говорит, пользуйся! Ладно, думаю, хоть какая крыша над головой... Начал обживать, хотя холодрынь там, все худое, щелястое, и сам Виталька мне тоже каким-то поганым показался, как бы не натравил на меня ментов, а я вообще-то все честь по чести, встал на учет... И вдруг на днях заявляется и говорит: так мол и так, есть у меня к тебе предложение, надо, мол, грохнуть одну бабенку, очень она для меня опасная. Сделаешь, дам тебе десять тыщ зелени, езжай куда глаза глядят, только так сделай, как будто это простое ограбление. Она дамочка небедная, еще приварок будет. И фотку дает и адрес. Я на фотку глянул, хорошая такая... а потом, нет у меня веры этому прохиндею. Спрашиваю, за что мочить-то? А он: не твоего ума дело, эта сучка очень мне в жизни нагадила и еще больше нагадить может. Короче, он мне аванс дал, а где гарантия, что сам меня не грохнет или не подставит? Он жадный, сука! Ну и вот... Что скажешь, мужик?

– Пока звучит неубедительно...

– Ну так убеждайся!

И он включил запись на телефоне:

«Звать ее Марта Сокольская, живет на улице Бориса Галушкина. Муж у ней возвращается поздно, в подъезде лампочку разбей и шарахни ее чем-нибудь по башке. Она хлипкая какая-то, сразу концы отдаст. Понимаю, быстро может не получиться, момент подгадать надо...»

– Убедился?

- И сколько ты хочешь?
- Ну, он десятку обещал, стало быть, с тебя вдвое.
- Согласен. Но сам понимаешь, с собой таких денег не ношу.
- Ясное дело! Ты вроде нормальный мужик.
- Тогда сделаем так...

...Что же все это значит

Бобров подошел к дверям квартиры с гулко бьющимся сердцем. Господи, во что же моя девочка вляпалась, за что ее кто-то хочет убить? Бред, абсурд, какой-то дешевый детектив... Он повернул ключ в замке и тихонько вошел. В квартире было темно. Заснула она, что ли? Но Марты не было дома. Он похолодел. Куда она могла деваться в такой час? Картины одна ужаснее другой проносились в мозгу. Он встряхнулся, взял себя в руки. Вытащил телефон. Сообщений от Марты не было. Он набрал ее номер. Не отвечает. Что же это? Но тут же она перезвонила.

– Алло, Миша, ты меня потерял? – слегка пьяным голосом спросила она.

– Ты где? Говори, я за тобой сейчас приеду!

– Я в карты выбралась поиграть, сто лет не играла, но тебя же нет...

– Все это очень интересно, но немедленно скинь мне адрес, я выезжаю за тобой!

– Я на такси приеду.

– Об этом не может быть и речи. Марта, не зли меня, я не шучу!

– Ну, хорошо. Я не очень далеко, на улице Щепкина...

– Подъеду, позвоню!

Он был страшно зол! Еще и это до кучи! По дороге он раздумывал – спросить ее напрямую, что ее связывает с этим Горшениным или не стоит? Марта испугается, начнет рыдать, и толку будет мало. Бобров решил, что пойдет другим путем. Он позвонил:

– Спускайся!

Через несколько минут она вышла из подъезда и показалась ему такой маленькой, хрупкой и беззащитной, что комок подступил к горлу. Но он не выскочил ей навстречу, а дождался, когда она сядет в машину.

– Пристегнись! Наигралась?

– Миша, ты сердишься?

– Ты могла бы меня предупредить. Я волновался. Ну что, много проиграла?

Она не ответила. А может, дело в карточном долге? Хотя нет, ерунда, в таких случаях действуют иначе.

– Ну, что ж не отвечаешь? Много проиграла?

И тут он увидел, что она горько плачет.

– Ну, горе мое, сколько продула, говори уж!

– Нет, я выиграла... Много... почти четыреста евро...
– Ого! Так чего ж ты плачешь?
– Потому что... потому что... раньше я... я часто выигрывала, мне не везло в любви... А когда тебя встретила, боялась играть... вдруг опять выиграю... А сегодня решилась... и выиграла... Значит, ты меня не любишь...

Он резко затормозил.

– Что ты сейчас сказала?
– Значит, ты меня не любишь!
– Вот не знал, что женился на такой идиотке! На такой суеверной кошмарной идиотке... – Он сгреб ее в охапку и начал как безумный целовать. – Я тебя не люблю! Это ж выдумать надо! И на основании чего такие выводы? В карты она выиграла, дурища! Имей в виду, я запрещаю тебе играть в азартные игры! Раз и навсегда.

– Я только хотела проверить...
– Проверила? Убедилась? Дурища моя любимая! А мне всегда казалось, я нашел удивительную женщину, чуткую, все понимающую, на диво деликатную, а тут здрасте, приехали! Муж занят как не знаю кто, а жене кажется, что он ее разлюбил! Да если б я целыми днями дома торчал, ты бы сама меня разлюбила... Зачем нужен никчемушный мужик? А ты все равно дура, дура и плакса!

Теперь Марта плакала уже от счастья и облегчения. Он ее любит!

Вике позвонил Бобров.

– Вика, можешь сейчас говорить?
– Да. Что-то с Мартой?
– Вот это я и хочу выяснить. Можешь со мной встретиться?
– Когда?
– Предположим, сейчас?
– Хорошо. Где?
– Можно я к тебе подъеду? Ты дома?
– Да.
– Только, пожалуйста, ни звука Марте. И это не шутки. Вопрос жизни и смерти.
– Мама дорогая! Ладно, приезжай! Но потом отвезешь меня на работу.
– Хорошо. Буду минут через пятнадцать.

Интересно, что там стряслось? – забеспокоилась Вика. Не тот человек Бобров, чтобы на пустом месте говорить такие вещи... На мгновение у нее возник соблазн все-таки позвонить Марте, но Вика удержалась.

Она сразу заметила, что Бобров очень бледен.

- Хочешь кофе?
- Ничего не хочу! Скажи, Вика, ты знаешь, кто такой Горшенин?
- Горшенин? – испугалась Вика.

Бобров сразу заметил ее испуг.

- Ага, вижу, знаешь!
- Ну... он это... депутат...
- Это я и сам уже знаю. Что его связывает с Мартой?
- С Мартой? А разве что-то связывает? – попыталась потянуть время Вика. Она не понимала, что ей делать.
- Вика, это все очень дурные шутки. Этот тип заказал Марту!
- Как заказал? – похолодела Вика.
- Нанял киллера. А тот явился ко мне. У этого должна быть причина, киллер причины не знает, а Марту я не хочу травмировать, пугать...
- Ты обратился в полицию?
- Нет. Я должен сначала сам разобраться. Вика, заклинаю тебя, скажи!
- Хорошо, я скажу! Но я сама ничего не знала до последнего времени...
- Да говори уже!
- Короче, когда Марте было четырнадцать лет, этот Горшенин еще с каким-то типом...
- Изнасилование?
- Да!
- О господи!

Ему словно нож в сердце вонзили и еще повернули.

- Родители и брат были тогда за границей. Но она справилась, так называемое вытеснение, она никогда об этом даже не вспоминала, жила себе и жила. И вдруг недавно он явился к нам на программу, она говорит, что если бы не ужас в его глазах, она бы его и не узнала. Ей стало плохо. А потом она позвонила мне в совершенной истерике, спрашивала, правда ли, что вся кухня затянута паутиной... говорила, что чувствует себя грязной, как тогда... А потом у нее зазвонил телефон, я подошла и услышала: молчи как молчала, и все будет нормально. Она все твердила: Миша ничего не должен знать...

Бобров только скрипнул зубами.

- Миша, а что ты думаешь делать? Обратишься в полицию?
- Нет. Этот шум никому не нужен. И прежде всего Марте. Я сам с ним разберусь. Да, а кто был второй?
- Этого я не знаю. Марта ведь тоже ничего о них не знала, ни имен, ни

фамилий...

– Ладно, я разберусь.

– Ты убьешь его?

– Охота была руки марать о такую мразь! Ладно, Вика, спасибо, что просветила. Я Марте ничего не скажу. Но ты молодец! Ладно, я пойду! Привет Пыжику!

И он ушел.

Расплата

У Виталия Васильевича Горшенина закончился депутатский прием. Он уже собирался ехать домой, аккуратно уложил в портфель все бумаги и вышел в коридор. Навстречу ему шагнул мужчина.

- Вы депутат Горшенин? – обаятельно улыбнулся он.
- Вы ко мне? Но прием уже окончен!
- Не страшно. Пожалуйста, уделите мне десять минут.

Что-то в лице этого человека было такое, что Горшенин решил – лучше не спорить.

- Ну что ж, мы избранники, вернее даже, слуги народа. Я приму вас... Они вернулись в кабинет.

- Присаживайтесь! Итак, чем могу служить?
- На данном этапе вы будете не служить, а слушать!

У Горшенина засосало под ложечкой.

– И сядьте вот тут! – незнакомец повелительным жестом указал на стул для посетителей.

Горшенину стало нехорошо. Он рассчитывал в случае необходимости нажать на кнопку вызова охраны под столом.

- Слушаю вас, – пролепетал он.

– Итак, господин Горшенин, мне стало известно, что в октябре двухтысячного года вы с еще одним ублюдком в пьяном виде изнасиловали девочку, четырнадцатилетнего подростка, некую Марту Сокольскую...

- Да ерунда... она сама хотела... мы по согласию...

– А это неважно, она была несовершеннолетняя. Этого достаточно. Протрезвев, вы, конечно, перебздели, но потом успокоились. Вас никто не искал, никто про изнасилование не слышал, даже слухов никаких не было...

– Ну, я ж говорю, по согласию... – пролепетал насмерть перепуганный Горшенин.

– Да? А тогда почему ж ты, мразь, так испугался, когда ее увидел? И стал ей угрожать... А потом и вовсе киллера нанял? Так что ты мне тут про согласие не заливай! Двое пьяных ублюдков надругались над невинным ребенком...

- А... срок давности истек, кажется... Не докажете...

– А нам и доказывать ничего не надо. По этой статье я тебя не трону, но я тут столько на тебя накопал, причем с легкостью... А сейчас у нас

борьба с коррупцией вступила в активную фазу, так что уберем тебя лет на десять как нечего делать, а там, на суде, для полноты картины и та история может всплыть... Короче, не отмажешься на сей раз, но...

– Чего вы хотите? Я заплачу...

– Ты совсем тупой? Мне нужно две вещи. Во-первых, ты мне скажешь, кто твой кореш, с которым...

– Он в прошлом году разбился на машине, насмерть...

– Его счастье!

– А... вторая вещь?

– Я знаю, что у тебя есть дети, они ни в чем не виноваты. Так вот, даю тебе неделю, чтобы тихо, без скандалов, по состоянию здоровья или еще как, уехать за границу.

– Как? Куда?

– Меня это не касается. Ты немало наворовал, на жизнь хватит. Сегодня пятница, если в следующую субботу ты еще будешь в Москве, я обнародую все, что на тебя нарыл, и в частности вот это.

Бобров включил запись: «...в подъезде лампочку разбей и шарахни ее чем-нибудь по башке. Она хлипкая какая-то, сразу концы отдаст...»

Горшенин был в полуобморочном состоянии.

– Ты меня понял?

– Понял, да... Но неделя... это мало...

– Это даже слишком много, я даю тебе время только чтобы не травмировать твою семью. И имей в виду, за каждым твоим шагом будут следить...

– А если... Если я с женой уеду раньше, а детей оставлю бабушке? – заискивающе промямлил Горшенин.

– Прекрасно. Чем раньше тебя не будет в этой стране, тем лучше!

– И вы забудете обо мне?

– Да я просто мечтаю забыть о тебе навсегда, мразь! А это тебе прощальный привет от той девочки!

Бобров размахнулся и врезал подонку под дых! Тот согнулся пополам, а Бобров потерял руку, ушибленную о пряжку ремня.

И с этим он стремительно вышел из кабинета. Боже, какое ничтожество! Вот теперь можно со спокойной совестью ехать домой. Он защитил свою девочку. Бобров хорошо разбирался в людях и понимал, что Горшенин свято выполнит все его приказы. Но Марте я ничего не скажу. Она, конечно, сердится на меня, ведь я всю эту неделю почти не бывал дома, ко всем делам прибавилось еще расследование по делам Горшенина.

Это было не слишком сложно, но требовало много времени, правда, ему здорово помог Алексей Земцов, великий специалист по всяким финансовым схемам. Земцов был рад оказать Боброву ответную услугу.

Он вошел в квартиру и тут вспомнил, что Марта сегодня пошла с друзьями в театр, после спектакля они обещали завезти ее домой. Надо бы поработать... Но не хочется.

Он позвонил Земцову.

– Спасибо, друг, сработало.

– Рад был помочь. Надеюсь, теперь все будет тихо.

Бобров пошел на кухню. На столе стояла тарелка с ватрушками. Он схватил одну. Боже, до чего вкусно! Там кроме творога были еще и яблоки! С ума сойти! Он достал банку с чаем. И вдруг в глаза ему бросилось, что в буфете нет изрядно уже потрепанной коробки с надписью: «Вафли по-шпионски». Видимо, Марта ее выбросила... за ненадобностью. Я и забыл, когда в последний раз пек вафли, хотя она их обожает. Я вообще забыл о своем пристрастии к бытовой технике, усмехнулся он, я перестал видеть во сне кошмары... Марта, моя маленькая плакса, меня вылечила...

И тут вернулась Марта.

– Мишка, ты дома! Вот радость-то!

– Чай пить будешь? На тебя заваривать? А ватрушки чудо!

– Да, буду! С лимоном!

– Ну как спектакль?

– Я ничего не поняла!

– Позволь, но ты же ходила на «Разбойников». Это был Шиллер?

– От Шиллера там осталось только название. Тьфу, не хочу об этом говорить. Франц Моор стал положительным персонажем, а Карл отрицательным.

– Вот почему я терпеть не могу театр!

– Ой, Миш, а кому ты морду бил?

– Что?

– Да у тебя же сбиты костяшки пальцев.

– Да, действительно... нет, никому я морду не бил, хотя очень хотелось... Это я дверцей машины...

– А ты какой-то взбудораженный!

– Да, рабочие моменты, неинтересно.

Прошла неделя. У Марты был воскресный эфир. Едва она вышла из лифта, как к ней кинулась Вика.

– Марта, смотри! – Вика тыкала ей под нос свой айфон со следующим

текстом: «Как стало известно из надежных источников, депутат Мосгордумы Виталий Горшенин исчез из поля зрения коллег и избирателей еще во вторник. А сегодня выяснилось, что он вместе с супругой уехал в Литву, якобы «по состоянию здоровья». Но у нас есть все основания полагать, что очередной «слуга народа» оказался очень нечист на руку и к тому же был связан с криминалитетом. Вероятно, кто-то предупредил его о том, что его намерены лишить депутатской неприкосновенности». Марта, милая, поздравляю! Тебе больше нечего бояться! Я как увидела, чуть с ума не сошла от радости! Так этому подонку и надо!

Подруги обнялись. У Марты, конечно же, выступили слезы на глазах... От облегчения.

Пришло сообщение от Боброва: «После эфира заеду за тобой!»

– Марта, знаешь, мне вчера Пыжик... сказал, что любит... меня любит!

– И что?

– Хочет познакомить с мамой...

– Ого! А что там за мама?

– Мама? Крутой хирург, завождением.

– Это просто прекрасно!

– Что, думаешь не до меня ей будет?

– Думаю! Главное, сумею поставить себя до выхода мамы на пенсию, а то она будет командовать...

– Да ну, у нее есть муж, и вообще, они живут в Красногорске.

– Тогда все здорово, Вика. Кажется, жизнь налаживается?

Бобров заехал за женой и повез ее обедать.

– Только предупреждаю, десерт заказывать не будем. Я купил фантастическое мороженое. Я такого раньше в Москве не видел, я его ел только в Швейцарии...

– А какое, ванильное, шоколадное? – заинтересовалась Марта.

– Я взял и ванильное, и шоколадное, и еще фисташковое!

– Интересно!

После обеда Бобров спросил:

– Ну что, домой?

– Да! А в следующее воскресенье поедem на каток, говорят, уже открылись катки...

– О, я с восторгом!

Когда они вошли в квартиру, Бобров заявил:

– Иди, переоденься, а то заляпаешься мороженым, а я пока сварю кофе!

– Есть, товарищ командир!

Через пять минут Марта вошла на кухню. На столе уже красовались вазочки для мороженого, кофейные чашки, три коробки с мороженым, и стоял упоительный запах настоящего кофе.

– О! Красотища какая! Я налью?

– Нет! Я сам!

Он разлил кофе из турки. Марта тем временем уже открыла мороженое и облизывала ложку.

– Вкууусно!

– А теперь главный сюрприз!

И Бобров водрузил на стол удивительно красивую, расписанную яркими цветами деревянную коробку.

– Ой, какая красота, а что это?

– Наши любимые лютики, всех цветов, видишь!

– Ой, правда!

– А ты открой!

Марта открыла коробку. Она была полна... вафель. А с внутренней стороны крышки было написано крупными буквами: «Вафли по-шпионски».

– Господи, Мишка... Если б ты знал...

– Да знаю... Виноват, заработался...

Марта плакала. Потом вдруг подняла голову.

– Миша, посмотри мне в глаза:

– С удовольствием! Обожаю смотреть в твои глаза.

– Миш, это твоих рук дело?

– Ты о чем?

– Это ты так сделал, что Горшенин...

– Тссс! – Бобров прижал палец к губам.

– Но как ты...

– Ну, я же все-таки разведчик!

Продолжение следует

notes

СНОСКИ

1

Луковичный узор на мейсенском фарфоре.